

EESTI-AMEERIKA ÄRIKADEEMIA

„Ühiskonna juhtimise arengu probleemid: XXI sajandi väljakutsed ja riskid”

EABA teaduslik-praktilise konverentsi materjalid

„Проблемы развития общества: вызовы и риски XXI века»”

Материалы научно-практической конференции EABA

TALLINN 2007

Редакционная коллегия

М. Левин	Председатель редакционной коллегии, ректор EABA
Н. Бассель	Профессор, заведующий кафедрой культурологии EABA
В. Бойков	Профессор EABA
Х. Гусарова	Проректор по учебной работе EABA
А. Карьюс	Заведующий отделом практики EABA
Т.Кольцова	Лектор EABA
В. Немчинов	Профессор EABA
Г. Панова	Профессор EABA
Л.Рюютель	Лектор EABA
А. Шпилёв	Декан факультета управления бизнесом EABA
Д. Слепак	Секретарь

© Eesti-Ameerika Äriakadeemia (EABA) 2007

ISBN: 978-9985-9338-8-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередная, ставшая уже традиционной, межвузовская научно - практическая конференция, организованная Эстоно-Американской бизнес-академией, посвящена тем вызовам и рискам, которые XXI век уже обозначил со всей полнотой очевидности или которые еще не успели стать осознанными, однако уже ощущаются. Эйфория, охватившая массовое сознание в канун нового тысячелетия, породила не только восторг, но и невиданный прежде энтузиазм, с каким народы вознамерились быстро и эффективно ответить на вызовы наступившей эпохи.

Именно этим вызовам была посвящена наша предыдущая межвузовская конференция (2006 г.): «Проблемы развития и управления обществом: вызовы XXI века». Но время мчится, и уже стало понятно, что поиски ответов на вопросы – длительный и напряженный процесс. Былая эйфория сменилась немалыми опасениями. Как раз последним обстоятельством обусловлена тема новой конференции, созванной уже не Эстоно-Американским бизнес-колледжем, но Эстоно-Американской бизнес-академией: «Вызовы и риски XXI века». Теперь перед читателем соответствующий сборник статей, тезисов и сообщений ученых, преподавателей и практиков, объединенных интересом к актуальным проблемам нашей эпохи – как в сферах экономики и политики, так и в сферах культуры, обществоведения и образования. Столь широкий диапазон интересов обусловлен многообразием самой эпохи, свидетелями и участниками которой нам всем привелось быть.

Сложность вопросов, поставленных авторами публикуемых статей, сообщений и тезисов не предполагает категоричность и окончательность ответов. Скорее, это поиски тех направлений, где возможно такие ответы отыскать. Во всяком случае, авторы фиксируют ситуацию, чтобы в ходе анализа выйти на конструктивные решения возникших или возникающих проблем.

«География» авторов нынешнего сборника весьма широка: от Таллинна и Тарту до Москвы, Санкт-Петербурга и Чикаго. Это объясняется не только межвузовским характером конференции, но и глобальными масштабами заявленной проблематики. Здесь маститые ученые соседствуют со студентами (а то и выступают соавторами), теоретики – с практиками, экономисты и психологи – с политиками, культурологами и философами. Одни работы имеют фундаментальный характер, другие – прикладной, одни исследования посвящены планетарным темам, другие – весьма частным. Однако большинство из них либо вводит новые факты в научный оборот, либо выдвигает оригинальные концепции или гипотезы, либо систематизирует дотоле разрозненные факты и предлагает обобщающие выводы. Представленные работы в совокупности не просто отражают направленность научных и практических интересов нашей общественности, но и помогают осмыслить динамику развития экономики и культуры, определить векторы движения обозначившихся процессов.

Для удобства читательской ориентации все публикуемые тексты распределены по четырем тематическим разделам: «Стратегии выживания. Векторы и динамика», «Рынок. Ресурсы. Право. Модели и механизмы», «Цивилизация и культура. Угрозы. Защиты. Прогнозы», «Образование. Проблемы и решения». Можно надеяться, что материалы

сборника помогут читателю уточнить хотя бы некоторые из тех вызовов, что предъявляет XXI век, и укажут на те пути, где возможно снижение новых рисков.

Тексты (некоторые – с незначительными сокращениями) публикуются в авторской редакции. Редакция приносит извинения тем уважаемым авторам, чьи работы не вошли в корпус настоящего издания в связи с их поздним поступлением в редакцию или значительным превышением установленных объемов.

М. ЛЕВИН,
председатель редколлегии,
ректор ЕАВА

SISUKORD СОДЕРЖАНИЕ

I ELLUJÄÄMISE STRATEEGIA VEKTORID JA DÜNAAMIKA

СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ ВЕКТОРЫ И ДИНАМИКА

	Lk/стр
1. M.Бронштейн (АН Эстонии)	Globaalsed riskid, ellujäämise strateegia ja arengu sotsiaal- majanduslikud mudelid Глобальные риски, стратегия выживания и социально- экономические модели развития
2. P.Pints (Kõrgkool I Studium)	Globaliseerumise plussid ja miinused Плюсы и минусы глобализации
3. H. P.Welsch (De Paul University, Chicago)	Probleemid ja võimalused kiiresti arenevas ühiskonnas Проблемы и возможности в быстро развивающемся обществе The Challenge of Opportunities in a Dynamic Society
4. T. Кольцова (EABA)	Euroopa Liidu strateegia ja keskkonna jätkusuutlikus 21 sajandil Стратегия Европейского Союза и развитие окружающей среды в 21 веке A European Union Strategy for Sustainable Development in 21 st Century
5. E.Selirand (EABA)	Võimalus jõuda tagasi antiikdemokraatiasse Возможность возвращения в античную демократию
6. С.Каннике (TTÜ)	Eesti inimressursside arengu potentsiaal ja prognoos Потенциал и прогноз развития человеческих ресурсов в Эстонии
7. В.Немчинов (EABA)	Energeetiline ohutus nõuab energeetilist revolutsiooni Энергетическая безопасность требует энергетической революции
8. X.Барабанер (ИЭУ)	Eesti energiavarustuse kontseptsiooni väljatöötamine nõuab süsteemset ökoloogilis-sotsiaal-majanduslikku lähenemist Разработка концепции энергообеспечения Эстонии требует системного эколого-социально-экономического подхода
9. Л.Голуб (ИЭУ)	Eesti majanduse uus etapp Новый этап эстонской экономики
10. V.Kellik (TTÜ)	Illusioonide ohtlikkus Опасность иллюзий

II РЫНОК. РЕСУРСЫ. ПРАВО
МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ

TURG. RESSURSID.ÕIGUS
MUDELID JA MENHANISMID

11. В.Колчанов
(С.-Петербург)	Turundus kui filosoofia ja ärijuhtimise instrumentarium
Маркетинг как философия и инструментарий управления бизнесом
12. E.Kalle
(TTÜ)	Tootlikkuse mõõtmise ja andmebaaside probleemid
Проблемы измерения производительности и совершенствования баз данных
13. L.Tanning
(Tallinna Tehnika-
Kõrgkool)	Mõtted Euroopa Liidu tööturust
Размышления о рынке труда Европейского Союза
14. A.Karjus
(EABA)	Arengutendentsid tööturul ning vajadused muutusteks
spetsialistide koolitamisel ja tootmisstruktuuris
Тенденции развития рынка труда и необходимость изменений в подготовке специалистов и структуре производства
15. Ž. Aronštam
(EABA)	Eesti innovatsioonipoliitika põhiprobleemid
Основные проблемы инновационной политики Эстонии
16. М.Шаварова
(EABA)	Inflatsioon Eestis
Инфляция в Эстонии
17. O.Raju
(TÜ)	Kohalike omavalitsuste rahastamisest Eestis
О финансировании местных самоуправлений в Эстонии
18. Е.Демьянова
Е.Гаврилова
(OÜ Aristotel Finance)	Maksud majanduse juhtimise süsteemis
Налоги в системе управления экономикой
19. А.Черкашина
(EABA)	Majanduslik julgeolek
Экономическая безопасность
20. Ю.Лившиц
(EABA)	Õigusalase kommertslepingu juriidiline olemus Eestis
Юридическая природа коммерческого договора по праву в Эстонии

III ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА **TSIVILISATSIOON JA KULTUUR**
УГРОЗЫ. ЗАЩИТЫ. ПРОГНОЗЫ **OHUD.KAITSE.PROGNOOSID**

21. O.Vaarmann
(TTÜ)	Eetikast tuleviku juhtimisel
Об этике в управлении будущим
22. А.Лукьянов
(ИЭУ)	Töötajate loomingu juhtimise küsimusest
К вопросу об управлении творчеством работников

23. Д.Томбу (Москва) Riskide transformeerimise probleem: sotsiokultuuriline kontekst
Проблемы трансформации рисков: социокультурный контекст
24. В. Воробьёв (ЕАВА) Ohtude arengu tendents informatsiooni keskkonnas
Тенденция развития угроз в информационной среде
25. М.Левин (ЕАВА) Iidolid konveieril või Teadvus. Ümberlaadimine (Ühiskondliku arvamuse juhtimise küsimuses)
Идолы на конвейере, или Сознание. Перегрузка. (К вопросу об управлении общественным мнением)
26. И.Анащенко (ЕАВА) Matsi tuleku triumf?
Торжество пришедшего Хама?
27. О. Петрухина (ЕАВА) Suhtekorralduse meetodid Eesti Vabariigi kultuuris
Методы ПР в культуре Эстоний
28. Е.Хапонен (ЕАВА) Massikommunikatsioonide vastutused infosajandil
Ответственность СМИ в век информации
29. В.Пароль (СГИ) Eesti tuleviku määramise sotsiaalmajanduslik aspekt
Социально-экономический аспект определения будущего Эстонии
30. Е.Голиков (Министерство региональной политики Эстонии) „Pronkssõdur Aljoša” kui integratsiooni sümbol
«Бронзовый солдат» как символ интеграции
31. И.Никифоров («Молодёжь Эстонии») Vaadata tulevikku. Futuroloogiline perspektiiv kui ajaloolise retrospektsiooni peegeldus
Заглянуть в будущее. Футурологическая перспектива как отражение исторической ретроспекции
32. Б.Тух (Союз журналистов Эстонии) Küsimusest kirjanduse ja filmikunsti „madalate žanride” mõjutusest isikule ja massiteadvusele
К вопросу о воздействии на личность и массовое сознание литературы и кино «низких» жанров
33. Н.Бассель (ЕАВА) Kultuuride dialoog Eestis ja riskid selle arenguteel
Диалог культур в Эстонии и риски на пути его развития

**IV ОБРАЗОВАНИЕ
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

**HARIDUS
PROBLEEMID JA LAHENDUSED**

34. Д.Томбу Harituse ja hariduse kvaliteedi kriteeriumid

- (Москва) globaliseerumise tingimustes
Критерии образованности и качества образования в условиях глобализации
35. Ю.Келин
(СГИ) Kõrghariduse üldeuroopaliku ruumi kujundamise mõningad aspektid Bologna konventsiooni raamides
Некоторые аспекты формирования общего европейского пространства высшего образования в рамках Болонской конвенции
36. Ü.Kess
(Евроуниверситет) Teadmiste ökonomika
Экономика знаний
37. А. Аполински
(Инновационное управление) Teadmiste juhtimine kui 21.sajandi juhtimismudel
Управление знаниями как модель управления XXI века
38. Е.Матвеева
(СГИ) „Inimene ei ole masin”
„Человек - не машина»
39. В.Бойков
Л.Карма
(ЕАВА) Ekstremaalturismi areng Eestis
Развитие экстремального туризма в Эстонии
40. J. Parri
(EV Haridus- ja Teadus- ministerium) Tänapäevase Kõrghariduse kvaliteet
К вопросу о качестве современного высшего образования
Quality in higher education

**I. ELLUJÄÄMISE STRATEEGIAD
VEKTORID JA DÜNAAMIKA**

**СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ
ВЕКТОРЫ И ДИНАМИКА**

Глобальные риски, стратегия выживания и социально-экономические модели развития

Михаил БРОНШТЕЙН,
академик Академии Наук Эстонии

Проблемы и риски глобализации экономики впервые были исследованы Римским клубом (The Club of Rome), основанным в 1968 г. В главных докладах Римского клуба («Пределы роста»; «Человечество на перепутье»; «Преобразование международного порядка») предсказывалось, что к середине XXI века в условиях безудержного роста потребления и гонки вооружений при ограниченности сырьевых и энергетических ресурсов, демографического взрыва в развивающихся странах при растущей дифференциации в развитии «Севера» и «Юга», резкого нарушения экологического и демографического равновесия человечество вступит в эпоху глобальной катастрофы, ставящей его на грань выживания.

Но уже раньше, на рубеже XX и XXI веков, человечество вступило в эпоху региональных и глобальных кризисов. Распад Советского Союза, не выдержавшего гонки вооружений, взрыв исламского фундаментализма и терроризма, расползание ядерного оружия, назревание экологической катастрофы в результате загрязнения внешней среды, близкое исчерпание сырьевых и энергетических ресурсов – все это поставило перед человечеством проблему выживания уже в обозримом периоде.

По прогнозам Всемирного энергетического агентства, через тридцать лет потребление электроэнергии в мире должно увеличиться на 60% , но к этому времени начнется исчерпание углеводородного сырья. В конце 70-х годов мне удалось участвовать в подготовке доклада Римского клуба «Продовольствие для 6 млрд», а прогнозируемое население земли в основном за счет роста в мусульманских странах составит 10-12 млрд. И это при угрозе необратимых климатических изменений, угрожающих сокращений земельного потенциала пригодного для сельского хозяйства. Может ли решить эти проблемы технологический прогресс? В какой -то мере, путем создания новых материалов и источников энергии, но без коренных изменений в мироустройстве и мотиваций человеческой деятельности, глобальные угрозы существования самой цивилизации не исчезнут.

Какова же стратегия выживания человечества? Его разработка и реализация возможна лишь при подходе к миру как единой системе взаимосвязанных частей и возможности активного воздействия наднациональных и надрегиональных органов на социально-экономические, экологические и демографические процессы в отдельных ее частях в целях поддержания глобального равновесия. Вроде бы после II мировой войны человечество осознало такую необходимость, активно шли интеграционные процессы и создавались наднациональные органы и механизмы воздействия на слабые звенья. Но более или менее эффективно они действовали в рамках ЕС. Механизмы принятия решения и их реализации в ООН оказались во многом недостаточно эффективны в условиях растущих глобальных рисков и противоречий, связанных с инерционностью национальных и религиозных традиций, а также несовершенством социально-экономических моделей развития в изменившихся условиях.

История XX века показала утопичность замены рыночного хозяйства, как способа экономического побуждения и отбора эффективных решений на уровне хозяйственных звеньев и систем, командной экономикой. Но она же выявила очень опасные социальные и экономические последствия крайне либеральной модели рыночного хозяйства.

Глобальные потрясения, охватившие человечество в XX веке: две мировые войны,

революция в России, великая депрессия 30-ых годов, взрывы национального и социального экстремизма – явились следствием т.н. «свободного рынка» с его углубляющейся внутри и межгосударственной дифференциацией и глубоких экономических кризисов как механизма восстановления чрезмерно нарушенного равновесия в социально-экономической системе.

В современной Европе возобладает социально ориентированная модель развития с действенными механизмами компенсации чрезмерной экономической и социальной дифференциации, антимонопольного регулирования, государственной и на уровне ЕС поддержки слабых звеньев и инновационных процессов, создания равных возможностей для получения достойного образования и медицинского обслуживания и т.д.

Успех стратегии выживания человечества зависит от распространения социально и экологически ориентированной модели рыночного хозяйства за национальные и региональные рамки и создания действенной системы наднационального регулирования экономических, демографических и социальных процессов.

Globaliseerumise plussid ja miinused

Peeter PINTS,
Ph.D., Kõrgkool I Studium, rektor (Tallinn)

Ühinedes koos teiste Kesk- ja Ida-Euroopa riikidega euroatlandi struktuuridega, esmajärjekorras Euroopa Liiduga, lülitus Eesti Vabariik aktiivselt juba aastakümneid kulgevasse globaliseerumise protsessi. Maailmas toimuv on meile tunduvalt lähemale jõudnud ning meid otseselt ja vahetult mõjustama hakanud.

Globaliseerumine, mis toetub liberaalsele turumajandusele, mille põhiliseks tõukejõuks on inforevolutsioon ja “mootoriks” sajandivahetuse ainus üliriik USA, on kahtlemata hüve. Inimkonna heaolu on globaliseerumise tingimustes tunduvalt paranenud. Info hulk on aga plahvatuslikult kasvanud. Integratsiooni protsessid ja demokratiseerimine on senised territoriaalsed piirid kahtluse alla seadnud. Kaupade, teenuste, info ja inimeste liikumine kulgeb üha kiirenevas tempos.

Globaliseerumine on tunginud Maakera kõikidesse piirkondadesse. Endine imperialism on asendunud coca-cola imperialismiga. Internet lähendab omavahel riike ja rahvaid, omistades infoühiskonnale üha reaalsemad piirjooned.

Euroopa Liidus osaledes pretendeerib Eesti arenenud riigi staatusele. Kuid samaaegselt oleme ka avatumad maailmast tulevatele ohtudele. Seniajani on globaliseerimisest kasu saanud ainult “kuldne” miljard, 5 miljardit Maakera elanikku elavad aga nii nagu ennegi.

Postmodernism asendas optimistlikud arenguperspektiivid realistlikega, millesse ebavõrdsus on sisse programmeeritud. Sotsiaalne õiglus sellistesse skeemidesse ei mahu. Vaesuses ja viletsuses elavad veel miljardid inimesed, kirjaoskamatuid on vähemalt 850 miljonit. Sotsiaalse õigluse nõuetele toetub kirju koosseisuga ja seemiselt vastuoluline antiglobaalne liikumine. Lisaks ülemaailmseid majandusfoorumeid saatvatele protestiväljaastumistele on antiglobalistid vastandanud neile ülemaailmsed sotsiaalfoorumid. Taoline protestiliikumine on ka meie geograafilises piirkonnas endale toetajaid leidnud.

Globaliseerumise vastu on suunitletud mitmed teisedki nüüdisaegsele maailmale omased tendentsid, nagu näiteks Ladina-Ameerika pööre pahemale. Oma olemuselt on see populistliku iseloomuga tendents, ehkki tema varjus võib märgata ka tagasipöördumist sotsialistlike eksperimentide juurde.

Üldiselt ja tervikuna väljendub tänapäeva pahempoolsus kommunitaarsuse ja sotsiaalse solidaarsusena; nõutakse rikkuste ja tulude ümberjaotamist, kuid ilma plaanimajanduseta.

Suurimat ohtu inimkonnale ja globaliseerumisele kujutab endast globaalne soojenemine. Üha sagenevad loodusõnnetused on võimalike ökoloogiliste katastroofide ettekuulutajaks. Ei ole täitunud optimistlikud lootused, et ideoloogilise võitluse vaibudes asutakse üheskoos keskkonnakriisi ületama. Riikide ja tsivilisatsioonide vaheline võistlus orienteerub endiselt ressursside maksimaalsele kasutamisele. USA, Hiina ja mitmed teised juhtivad tööstusriigid keelduvad majanduslikku kasvu looduskaitse huvides pidurdama.

Gloobalse soojenemise teine külg on planeedi energeetiliste ressursside ammendumine. Esialgsete andmete kohaselt ammenduvad maakera mageda vee varud XXI sajandi keskpaigaks. Kriitilise piirini on jõudnud mitmete väärismetallide varud ja ookeanide kalavarud.

Selliste arengute tulemusena hoogustub paratamatult võitlus loodusvarade eest, eriti Pärsia lahe piirkonna naftavarude eest. Euroopa Liidu ja Eesti jaoks omandab erakordse tähtsuse naabrus Venemaaga, mille territooriumil on 35 % maailma loodusressurssidest.

Looduskaitse alaste meetmete kõrval on keskkonnakriisi ületamisel erakordse tähtsusega teaduslike ja tehnoloogiliste vahendite kasutamine. Aatomelektriijaamad annavad juba märgatava osa elektrienergiast, Prantsusmaal moodustab see 79 %. Perspektiivis on aga termotuumaenergia näol tegemist ammendamatu energiavarudega.

Globaliseerumisega on minetanud oma tähenduse endised ettekujutused rahvuslikust suveräänsusest. Inimõigused on väljunud rahvuslike valitsuste kontrolli alt. Eriti keeruline on kultuurilise globaliseerumise ja rahvuskultuuride vahekorra küsimustik. See on probleemide ring, mille lahendab ainult aeg. Konkreetsetes olukordades on rahvuslikud valitsused siiski oma kapitali ja rahvuskultuuri kaitseks välja astunud. Arvatavasti säilitavad erinevad riigid ka ühtses Euroopa Liidus suhtelise tegutsemisvabaduse.

Sotsiaalmajanduslikest oludest tingituna ja riigipiiride läbipaistvaks muutumise tingimustes suureneb pidevalt migratsioon. Arenenud riikide elanikkonna vananemist on võimalik ainult massilise võõra tööjõu kasutamise abil neutraliseerida. Ka meie jaoks ei ole "värvilise" tööjõu sissetulek enam puhtalt teoreetiline probleem. Koos võõra tööjõuga tulevad aga ka võõrad ideed nagu religioosne (islami) fundamentalism; kujuneb soodus pinnas rahvusvahelise terrorismi taoliste nähtuste levikuks.

Migratsiooniga seotud protsesside alusel võrsuvad rassistlikud, antisemiitlikud jt. ideed.

Migratsioonist ammutavad jõudu erinevad paremradikaalsed liikumised ja erakonnad.

Globaliseerumise tingimustes on erakordselt hoogustunud rahvusvaheline kuritegevus. Mängu on tulnud sellise ulatusega maffioosid jõud ja struktuurid, millede ees kahvatub isegi sitsiilia maffia.

Eriti soodsad tingimused kujunesid organiseeritud kuritegevuse jaoks postkommunistlike riikide sfääris, milles uus ja brutaalne maffia on sageli riiklike struktuuridega läbi põimunud. Vene maffia omandas seejuures globaalse iseloomu, haarates enda kätte kindlad positsioonid USA-s ja mitmetes teistes riikides.

Rahvusvahelise kuritegevuse markantseim ilming on rahvusvaheline narkokaubandus talle omaste miljardiliste kasumitega. Narkomaania on nüüdisaegse maailma tõeline nuhtlus; eriti suurt ohtu kujutab ta endast noorsoole. Ka Eesti ei ole sellistest mõjudest kõrvale jäänud. Narkoäri on rahvusvahelise terrorismi põhiline finants-majanduslik tugi. Kõik saab aga alguse narkootikumide tootmisest kusagil maakera äärealadel ning sellele järgnevalt salakauba toimetamisest sinna, kus selle eest hästi makstakse. Mitmete riikide ja piirkondade heaolu oleneb otseselt narkokaubandusest.

Boliivia rahvuslikust koguproduktist on näiteks 70 % narkootikumide tootmise ja ekspordiga seotud. Narkokaubandusest saadud tuludest elavad ja õitsevad mitte ainult Kolumbia narkomaffia taolised kuritegelikud organisatsioonid, vaid ka erinevad sõjaväelised rühmitused ja partisaniliikumised. Narkokaubanduse käive moodustab 8 % ülemaailmsest kaubandusest. Narkokaubandusest saadav tulu ulatus 2004.a. 320 miljardi dollarini. Eriti populaarne on tarvitajate hulgas heroiin; viimasel ajal on kasvanud sünteetiliste vahendite osa. Narkomaania pidevat kasvu maailmas silmas pidades võib endale ette kujutada, milline oht siit inimkonda varitseb.

Kõige suuremaks ohuks on antud ajahetkel kahtlemata rahvusvaheline terrorism. On möödunud need ajad, mil terrorismis nähti ühiskondlike süsteemide vahelise võitlusega kaasas käivat nähtust. Pärast külma sõja lõppu on terrorism pidevalt ülesmäge läinud ja organisatsioonilised vormid omandanud. Al Quaida taolised organisatsioonid on küllaltki paindlikud ja suudavad kiiresti muutuvate oludega kohanduda.

Terrorism toetub globaliseerumise ajastu puudustele ja neist tingitud rahulolematusele. Terrorismi spetsiifika seisneb selles, et ta ei esita mingit positiivset programmi, vaid õhutab rahulolematuid ja fanaatikuid oma destruktiiivseid instinkte rahuldama. Tegemist on väliselt nähtamatu ja tabamatu vastasega, kes külvab vägivalda abil hirmu. Võib endale ette kujutada, milline kaos maailma ees ootab, kui USA poolt juhitud terrorismi vastane võitlus läbi kukub.

Nüüdisaegne terrorism on tõeliselt ülemaailmne liikumine, mis toetub kõige erinevamatele - etnilistele, religioossetele jt. eeldustele. Terrorismi põhieesmärk seisneb Lääne ülemvõimu nõrgendamises ja võimaluse korral ka likvideerimises tänapäeva maailmas. Löögi alla sattuvad seejuures ka sellised riigid nagu Venemaa, Iisrael, India jt. Terroristlikud rünnakud põhjustavad erakordset majanduslikku kahju. 11. septembril 2001. a. terroristliku rünnaku tagajärjel New Yorgile tekitatud majanduslik kahju moodustas näiteks 600 miljardit dollarit. Samal ajal terrorism ise funktsioneerib tänu erinevatele finantsallikatele. Üks taolistest finantsallikatest on rahvusvaheline narkokaubandus. Afganistani "Taliban" kontrollis näiteks mõned aastad tagasi 80 % ülemaailmsest oopiumi toodangust, saades selle müügist 90 miljardit dollarit kasumit.

Kogu külma sõja järgse perioodi vältel on inimkond elanud ühepooluselise, USA-keskse maailma tingimustes. USA ülemvõimu ulatus tänapäeva maailmas on võrreldav Vana-Rooma impeeriumi võimsuse ja üleolekuga meie ajaarvamise alguses. USA vaieldamatu prioriteet kestab arvatavasti veel pikemat aega, ehkki pole välistatud, et juba lähitulevikus esitatakse sellele väljakutse.

Alates 1990.-ndast aastast on USA majandus arenenud pidevas tõusujoones. USA osa ülemaailmses koguproduktis moodustab 30,4%. USA rahvuslik koguprodukt ulatub üle 13 triljoni dollari, see tähendab rohkem kui neljal pingereas järgneval riigil kokku. Kehtib mitte ainult USA majanduslik, vaid ka absoluutne sõjaline üleolek. Uusima tehnoloogia osas kuulub USA-le kindel esikoht maailmas. Infotehnoloogia ja inglise keel kindlustavad USA-le juhtiva staatuse info ja ideede levikus. USA kõrvale on aga kerkimas uus üliriik - Euroopa Liit. Euroopa Liit on reaalne jõud, millega tuleb arvestada, ja seda vaatamata mitmetele tagasilöökidele. Lissaboni strateegia, mis nägi ette Euroopa Liidu muutumist 2012. aastaks tehnoloogiliselt maailma kõige arenenumaks piirkonnaks, nii kiiresti ei realiseeru, ja ka Euroopa Liidu põhikiri kukkus mitmes riigis korraldatud referendumil läbi. Kuid samaaegselt on euro juba dollariga võrdväärne valuuta ning ka põhiliste majanduslike näitajate osas ei jää Euroopa Liit USA-le eriti alla. Euroopa Liidu liikmesriikide kultuuriline tähtsus maailmas on aga võrreldamatu.

Euroopa Liit ja USA on Euroopa tsivilisatsiooni kaks põhilist keskust. Mida rohkem ajas edasi, seda vastuolulisemaks nende vahelised suhted muutuvad. Eriti eredalt ilmnesid sellised arengud seoses Iraagi kriisiga. Küsimus seisneb selles, kuid võrd suudab ühinenud Euroopa USA üha kasvava võimsuse ja eneseteadvusega kohanduda. Probleemistiku teraviku moodustab nii-öelda Euroopa Liidu ja NATO vaheline tööjaotus. Euroopa Liidu kavatsused isiklike kiirreageerimisjõudude moodustamise kohta võivad küll Austria taoliste riikide jaoks ahvatlevad olla, NATO-s võivad nad aga seesmise kriisi esile kutsuda. Eesti jaoks on see kahtlemata keeruline küsimus.

Globaliseerumise protsessis on kujunenud terve rida uusi tööstusriike, mis kõik pretendeerivad senisest kõrgemale staatusele: Hiina, India, Brasiilia, Venemaa. Eriti märkimisväärsed on neist Hiina edusammud. 2005.a. moodustas Hiina tööstustoodangu kasv näiteks 18 %. Pole välistatud, et lähimatel aastakümnetel hakkab Hiina vaidlustama USA juhtrolli nii majanduses kui ka sõjalisel alal. India on sooritanud ootamatu hüppe infotehnoloogias ja telekommunikatsioonides ning püüdleb ühe maailma juhtiva majandusriigi staatusele. Toodangu osas ühe elaniku kohta ja sotsiaalse heaolu sfääris jäävad aga uute tööstusriikide näitajad vanade tegijate omast tunduvalt maha.

Hiina ja India majanduse kasv on antud ajahetkel maailma kiireim. Kõrged kasvu näitajad on omased ka Venemaale, mis püüdleb maailmariigi staatusele. Brasiilia majandus on möödunud 30 aasta jooksul kasvanud 10-kordseks.

Sellised arengutendentsid kutsuvad paratamatult esile jõudude vahekorra muutumise maailma areenil ning uute jõu tsentrumide kujunemise. Globaalse aktiivsuse keskus kandub üha enam Aasia ja Vaikse ookeani piirkonda ning üha suurema tähtsuse omandavad ATES-i ja ASEAN-i taolised riikidevahelised organisatsioonid. Koos sellega kerkivad aga esile ka uued ohud, milledest on esikohal massihävitusrelvade, eelkõige tuumarelva levik. Paljud riigid on võimelised endile tuumarelva soetama, sest vastava tehnoloogia kättesaadavus ei ole enam mingi probleem. Eriti suurt ohtu kujutab endast võimalus tuumarelva sattumisest terroristide kätte.

Külma sõja järgses maailmas on suurimad riikide vahelised erinevused kultuurilised erinevused. Sellest tingituna on antud ajahetke maailma põhiline vastuolu ja oht mitte ideoloogiline võitlus, vaid tsivilisatsioonide vahelised erinevused ja võimalikud konfliktid. Me elame religiooni taassünni ajastul; eelkõige määratletakse religioonide poolt kultuuride vahelised erinevused ja ka erinevate tsivilisatsioonide eripära.

Ülimalt aktiivne on oma püüdlustes islami tsivilisatsioon, mille radikaalsetes ilmingutes on religioossed väärtused omandanud teravat poliitilise iseloomu. Aasia tõus on andnud erakordsed võimalused hiina ja india tsivilisatsiooni mõju kasvule. Tänu aastakümneid kestnud migratsioonile on Lääne tsivilisatsioon sunnitud tõsiselt islami, ladina-ameerika ja teiste mõjudega arvestama. Juba lähitulevikus elab enam katoliiklastest Lääne tsivilisatsiooni välistes piirkondades; see on asjaolu, millest ei ole mitte kuidagi võimalik mööda minna.

Kultuuride ja tsivilisatsioonide vahelised erinevused teevad kultuurilise globaliseerumise ülimalt raskeks. Kultuurilised erinevused on üks põhilisi põhjuseid, milledest võivad võrsuda erinevad, nagu näiteks USA ja Hiina vahelised konfliktid. Põhiliseks konfliktide piirkonnaks on aga juba kujunenud Balkanite ja Himaalaja vaheline Euraasia piirkond, kus tänapäeva areng avaldub eriti vastuoluliselt ja tänapäeva vastuolud on eriti teravad.

The Challenge of Opportunities in a Dynamic Society

Harold P. WELSCH,

Ph.D., Coleman Foundation Chair in Entrepreneurship, DePaul University (Chicago, USA)

Introduction

Entrepreneurship activity is a central to the economic health and vitality of a dynamic society. Through innovation, which is the process of creating something new, small businesses have become the driving force in the new economies. Innovation is more than a new idea- it is implementing that vision to create customer value, testing it in the market place and contributing to the gross national product.

From a staggering number of new start-ups there is an emergence of new industries that can transform an economy. Entrepreneurial innovations growing at a more rapid rate than the corporate sector often displace and replace larger more established firms from their lofty perch. The birth of new firms and the destruction of old ones was predicted by Schumpeter. New industries have often transformed certain economies.

The table below exhibits a partial list of innovations that led to new industries which did not exist a generation ago.

New Generation of Businesses

Internet	Organic Farming
Personal Computers	Voice Mail Information Technology Services
Biotechnology	Off-shore Contracting
Wireless Cable TV	Cellular Phone Services
PC Software	Internet Publishing and Shopping
Desktop Information	Desktop Computing
Wireless Communication/Handheld Devices/ PDAs	Virtual Imaging
Healthy Living Products	Convenience Foods Superstores

Entrepreneurship: The Way of the Future

Schramm defines entrepreneurship as the process in which one or more people undertake economic risk to create a new organization that will exploit a new technology or innovative process that generates value to others. Schumpeter, Rumer and Adam Smith all agree that the evolutionary nature of capitalism can transform an economy. A capitalist economy is characterized by continual brainstorming and experimentation, when a heterogeneous society – having a diverse mix of skills, background education and different kinds of knowledge – are more likely to come up with and implement good ideas than any group of central planners.

Entrepreneurship has allowed many economies to enjoy a continuous flow of applied innovations, unlike previous periods when they were more sporadic. Current economies now rely on compressed business life-cycles which are occurring with increased speed.

Entrepreneurship is the net effect of applying a systematic and disciplined process of creativity and innovation to opportunities in modern society. It applies focused strategies to new ideas and new insights to generate a product of service that satisfies customers' needs. Entrepreneurs are individuals who connect their creative ideas with purposeful action and structure of a new

legal entity. Successful entrepreneurship is a constant process that relies on creativity, innovation in a market-tested setting.

Researching for New Ideas

Many problems and innovations yet elude us. It is precisely for this reason that billions of dollars are spent to reduce the unknown and come up with solutions that enhance the quality of life. Billions of dollars and euros are being spent to generate new innovations:

20 Largest R&D Spending Industries

Industry	Millions \$	Industry	Millions \$
Aircraft	7,317	Household Audio & Video Eq	5,042
Chemicals & Allied Products	5,057	Motor Vehicles Part, Accessory	29,880
CMP Integrated SYS Design	6,203	Petroleum Refining	5,142
CMP Programming, Data Process	16,082	Pharmaceutical Preparations	53,145
Computers	7,245	Phone Comm Ex Radiotelephone	33,786
Computer Communication Eq	8,003	Prepackaged Software	21,899
Computer Periferal Eq, Nec	4,024	Radio, TV Broadcast, Comm Eq	17,556
Conglomerate	11,571	Semiconductor, Related Device	21,432
Electr, Other Elec Eq, Ex Cmp	10,280	Telephone & Telegraph Apparatus	14,695

Creativity and Innovations

Right-brain driven lateral thinking lies at the heart of the creative process. It is often unconventional, unstructured and unsystematic whirling around looking for new combinations yet undiscovered. The process often takes form of the following suggestions:

- Combine unrelated concepts.
- Always ask the question “Is there a better way?”
- Be reflective, often staring out the windows, deep in thought. (How many traditional managers would stifle creativity by snapping these people out of their “daydreams”, chastise them for “loafing”, and admonish them to” get back to work?”)
- Be prolific thinkers. Generating lots of ideas increases the likelihood of coming up with a few highly creative ideas.
- Play mental games, trying to see an issue from different perspectives.
- Realize that there may be more than one “right answer”.
- See mistakes and failures as mere “pit stops” on the way to success.
- See problems as springboards for new ideas.
- Relate seemingly unrelated ideas to a problem to generate innovative solutions.
- Have “helicopter skills”, the ability to rise above the daily routine to see an issue from a broader perspective and then swoop back down to focus on an area in need of change.

Acceptance of New Ideas

Behavioral scientists have been studying reactions of consumers to new ideas. Some common attributes of successful ideas include the following:

- It should have a relative advantage over existing products or services. For example, the innovation allows one to perform a task more efficiently.
- The innovation must be compatible with existing attitudes and beliefs. It shouldn’t require a dramatic change in the buyer’s behavior.
- It shouldn’t be so complex that the buyer has a difficult time understanding how it should be used.
- The results or benefits of the innovation must be easily communicable to potential users.

- It is helpful if the innovation is divisible, which means that users can try the innovation without incurring a large risk. The distribution of samples, or trial users, would allow potential buyers to use the innovation without risking a purchase.
- The innovation must be readily available for purchase once the buyer decides to make a purchase.
- The buyer must also believe that the innovation satisfies one of his or her needs by giving some immediate benefit.

Receptivity to Innovation

Some individuals are more receptive to new ideas and products. Others are more reluctant and hesitate to embrace innovations until the product is more firmly established. How do we identify and predict the receptivity of these two groups?

Comparative Profiles of the Consumer Innovator and the Later Adopter

<u>Characteristic</u>	<u>Innovator</u>	<u>Noninnovator (or Later Adopter)</u>
Product Interest	More	Less
Opinion Leadership	More	Less
<i>Personality:</i>		
Dogmatism	Open-minded	Close-minded
Social Character	Inner-directed	Other-directed
Category width	Broad categorizer	Narrow categorizer
Venturesome	More	Less
Perceived risk	Less	More
<i>Purchase and consumption traits:</i>		
Brand loyalty	Less	More
Deal proneness	More	Less
Usage	More	Less
<i>Media habits:</i>		
Total magazine exposure	More	Less
Special-interest magazines	More	Less
Television	Less	More
<i>Social Characteristics:</i>		
Social Integration	More	Less
Social striving (e.g. social, physical and occupational mobility)	More	Less
Group memberships	More	Less
<i>Demographic characteristics:</i>		
Age	Younger	Older
Income	More	Less
Education	More	Less
Occupational status	More	Less

Future Trends

In *Extreme Future*, Canton (2006) predicts that:

- The high cost of oil will force the West to invent new alternatives to oil and lead to depressed OPEC economies, leading to more terrorism against the West.
- Radical life extensions will create a two-class global society of those who live over 150 years and of those who cannot afford to.
- The Internet will develop an awareness of itself and its own personality and rebel against human controls.
- Human cloning will become the ultimate in identity theft.
- A nuclear exchange between Pakistan and India is more likely than not.
- Copy-cat products from Asia—from drugs to auto parts—will perform better than the original branded products they are based on.

- Radical life extension will reshape entire markets and society.
- The new global Innovation Economy will deliver widespread prosperity and wealth.

Radiofrequency Identification Device (RFID)

In airports RFID tags save millions of euros in luggage handling with a 99% accuracy rate whereas barcode scanners are only 80% to 90% accurate. RFID tags have been in existence for 30 years, but only recently have important kinks in the technology been worked out sufficiently to make them practical for all the uses that have been promised. RFID sensors are installed in loading-dock doors to track items as they leave. Mobile devices along the journey continue the monitoring. In both the factory and the store, so-called “smart shelves” read the RFID tags, and “smart shelves” in the pharmacy note when a product arrives and when it leaves.

One of the most prevalent uses for RFID tags may be in wristbands that are issued to people in lieu of tickets to entertainment events, theme parks, and other locations. In the Smart Kiosk, which is like an ATM, the user can load money from it into an RFID wristband using cash, credit, or debit cards. Because the wristband is secure and waterproof, it offers an alternative to carrying cash, keys, credit cards, and identification.

By 2010, RFID tags will make deep penetration into several markets, especially pharmaceuticals, theme parks, events management, and airports. By 2012 airline passengers will be tagged as well. Tracking people by RFID to gather marketing information is going to become a big business. New designs and manufacturing methods will dramatically reduce RFID costs between now and 2012, removing the largest single barrier to their ubiquitous implementation.

There are around 1 billion RFID tags now being used for bulk shipments. But there are about 100 billion cases of goods manufactured worldwide each year. The present manufacturing capacity is only about 1 percent of what’s needed; and ultimately, for true item level capacity the industry will have to produce approximately 2 trillion RFID tags per year.

Solar Technology

For the past 30 years solar electricity has been a challenging and expensive endeavor. However, some core solar technologies have advanced to the point of economic viability. There is a potential \$11 billion world-wide demand for solar energy. There are several groups which will be in a position to exploit this opportunity:

- Manufacturers of silicon substrate on which solar cells are based.
- Designers and builders of those cells with new technology.
- The suppliers of capital and additional outside expertise to serve this market.

Recent laws have been passed to reduce electric power emissions. California is funding a drive to install solar panels on one million buildings by 2018. Rolling blackouts of electricity have led to the realization that current servers of power are unreliable. Solar power has proven that it works, was cheap and efficient to produce and companies that are competing with big oil find the concept irresistible. By 2010, it is expected that this industry will enter the explosive growth stage.

To exploit this opportunity, it is expected that there will be a wild proliferation of companies producing everything from basic materials, such as silicon, to finished products ready to be installed on rooftops.

Once an industry shakeout occurs, opportunities for investors will still abound, as those growth companies move into global markets. High-tech facilities, such as those that house several farms, use enormous amounts of electricity and are extremely vulnerable to power interruptions.

Anyone, who can supply a self-contained, reliable source of electricity, will be able to dominate in places like Bangalore.

Beyond those who create the fundamental technology, a wave of start-ups will emerge that will supply individual homes with rooftop solar arrays at a price point and efficiency that will ultimately make it possible for everyone to go off-grid and even supply power back to the grid. Along with efficient fuel cells powered by natural gas, this will usher in “the era of widely distributed power production.” This industry is expected to take off by 2017. With the U/S. electricity market worth \$1 trillion, there is plenty of incentive to go around. And with growing demand in China and India, the sky appears to be the limit for those who can produce cheap, efficient solar production equipment that can be shipped anywhere and installed quickly and reliably.

Geographic Information Systems GIS

GIS is a combination of computer hardware, software, and databases for capturing, managing, analyzing, and displaying information involving a geographic component. Soon GIS enabled businesses will be able to make highly accurate marketing decisions based on precise data that reveal where products have not yet achieved market penetration, where a market is already saturated, and where the opportunity exists to cross-sell or upsell additional products or services.

Businesses that have implemented GIS have reportedly realized many benefits. Among these are:

- Saving time
- Increased efficiency
- Saving money
- Increasing sales
- Improving decisions
- Automating workflow
- Increased communication and collaboration?
- Increased productivity
- Managing knowledge efficiently
- Increased accuracy

For example, a company can integrate the location of its service technicians, monitored by GPS devices, with location of customers’ homes from its customer database. GIS maps the data so dispatchers can send the closes worker to the customer’s home and plan the quickest route.

In many industries, GIS will be transformed from a competitive advantage for the few to a competitive requirement for everyone in the coming decade. As new applications emerge, GIS will impact more and more industries. Retailers and government agencies have been among the first organizations to take advantage of GIS. GIS could also be used to track the spread of a disease and predict where it will spread next. In the coming decade, GIS technology will be combined with other technologies to dramatically transform the way business is done. For example, GPS and RFID tags are already implanted in many products. By 2015, advanced GIS applications will be able to map the location of every tagged product in the market. Companies will be able to identify in real time for example, how many iPods, espresso machines, or bottles of a new laundry detergent are currently located in a specific residential area, or even in the individual home.

Conclusion

Many innovations are in the pipeline waiting to be converted to marketable opportunities. Through entrepreneurship, it is up to those brave individuals with vision to speed up our quality of life.

References

- 1.) Canton, James. The Extreme Future: the Top Trends That Will Reshape the World for the Next 5, 10, and 20 Years. Dutton Adult (September 21, 2006), 2006.
- 2.) Kuratko, Donald F., and Harold P. Welsch. Strategic Entrepreneurial Growth. 2nd ed. South-Western College Pub (July 10, 2003), 2003.
- 3.) Schramm, Carl J. The Entrepreneurial Imperative: How America's Economic Miracle Will Reshape the World (and Change Your Life). Collins (October 10, 2006), 2006.
- 4.) Schumpeter, Joseph A. Capitalism, Socialism and Democracy. 1st ed. Taylor and Francis (June 28, 2005), 2005.
- 5.) Smith, Adam. The Wealth of Nations. Bantam Classics; Bantam Classic Edition (March 4, 2003), 2003.
- 6.) Trends Magazine. 15 Feb. 2007 <<http://www.trends-magazine.com/>>.

A European Union Strategy for Sustainable Development in 21st Century.

Tatjana KOLTSOVA,

lector of Estonian-American Business Academy

A quiet revolution has been under way during the 1990s as environmental sustainability has gradually become an important theme in policymaking around the world (Andrew Steer).

Sustainable development means different things to different people, but the most frequently quoted definition is from the report *Our Common Future* (also known as the 1987 Brundtland Report): "Sustainable development is development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs. Economic growth provides the conditions in which protection of the environment can best be achieved, and environmental protection, in balance with other human goals, is necessary to achieve growth that is sustainable". Sustainable development focuses on improving the quality of life for all of the Earth's citizens without increasing the use of natural resources beyond the capacity of the environment to supply them indefinitely. It requires an understanding that inaction has consequences and that we must find innovative ways to change institutional structures and influence individual behavior. It is about taking action, changing policy and practice at all levels, from the individual to the international. In turn, versatile, dynamic, responsive and profitable businesses are required as the driving force for sustainable economic development and for providing the managerial, technical and financial resources to contribute to the resolution of environmental challenges. Market economies, characterized by entrepreneurial initiatives, are essential to achieve this. Business, thus, shares the view that there should be a common goal, not a conflict, between economic development and environmental protection, both now and for future generations. Sustainable development is not a new idea. Many cultures over the course of human history have recognized the need for harmony between the environment, society and economy. What is new is an articulation of these ideas in the context of a global industrial and information society. Progress on developing the concepts of sustainable development has been rapid since the 1980s. In 1992 leaders at the Earth Summit built upon the framework of *Brundtland Report* to create agreements and conventions on critical issues such as climate change, desertification and deforestation. They also drafted a broad action strategy – *Agenda 21* in the 1992 Rio de Janeiro Earth Summit – as the workplan for environment and development issues for the coming decades. Throughout the rest of the 1990s, regional and sectoral

sustainability plans have been developed. A wide variety of groups – ranging from businesses to municipal governments, to international organizations such as the World Bank – have adopted the concept and given it their own particular interpretations. These initiatives have increased our understanding of what sustainable development means within many different contexts. Unfortunately, progress on implementing sustainable development plans has been slow.

In the last 200 years mankind has made remarkable progress with the development of new technologies, enhanced economic productivity, transportation and energy systems. However, this progress has not benefited all on this planet and also has its price. Advancement in some areas has been coupled with environmental degradation. Images of destroyed forests, polluted waters, desertified grasslands, melting glaciers and devastating hurricanes have become all too familiar in today's media. Our global environment matters to all of us – independently of where in the world we call "home".

International recognition of the challenges is growing, hand-in-hand with public concern. *The Rio conventions* of 1992 were a major achievement for environment protection, setting a clear framework for international action on Biodiversity, Climate Change and Desertification. The EU is committed to the implementation of these Conventions which also include the enhancement of international co-operation and assistance.

Representing 25 countries, 450 million people and a land area of nearly 3 700 000km² (1 425 000 squares miles), the European Union is a major stakeholder in the drive to ensure a balanced and sustainable environment worldwide.

The EU and its Member States are active and committed participants in global efforts to address a wide range of environmental issues, working closely with a range of supranational organizations, national administrations and civil society throughout the world. Environmental responsibility is one of the threads that run through fabric of EU policy initiatives and legislation. The concern for environmental conservation is paralleled by a commitment to sustainable development. In addition, as poverty and environment are closely linked, these considerations are increasingly reflected in our co-operation programs with developing countries and economies in transition.

At the multilateral level the European Union is a signatory to many Environmental Agreements. The three conventions on biodiversity, climate change and desertification, derive directly from the 1992 Earth Summit. They offer important synergies and require international co-operation and mutual dialogue. Efforts in the different areas are strongly correlated with each other. For example, climate change impacts on biodiversity and desertification; for the more intense and far-reaching it is, the greater will be loss of plant and animal species, and the more the drylands and semi-arid terrain around the world will lose vegetation and deteriorate.

The European Commission is working together with its international partners on these intimately interlinked issues, for which there is a single goal: to preserve our common environment for the benefit of present and future generations.

“The EU will lead global efforts to curb unsustainable consumption and production patterns. We will assist developing countries in implementing the Multilateral Environmental Agreements and promote pro-poor environment-related initiatives.”

*Joint Statement by the EU Council, European Parliament and the European Commission:
“The European Consensus on Development”, November 2005.*

The Framework Convention on Climate Change and its Kyoto Protocol

The UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) sets an overall structure for intergovernmental efforts to tackle the challenge posed by climate change. It recognizes that the climate system is shared resource, the stability of which is affected by emissions in the atmosphere of greenhouse gases resulting from human activities.

The objective of the UNFCCC is to stabilize greenhouse gas concentrations in the atmosphere at a level that will prevent dangerous anthropogenic interference with the climate system. This has to be achieved within a timeframe sufficient to allow ecosystems to adapt naturally to climate change, to insure that food production is not threatened, and to enable economic development to proceed in a sustainable manner.

Under the UNFCCC governments are expected to: 1) gather and share information on greenhouse gas emissions, national policies and best practice; 2) launch national strategies for addressing greenhouse emissions, including the provision of financial and technological support to developing countries; and 3) co-operate in preparing for adaptation to the impacts of climate change. In 1997 governments agreed to the Kyoto protocol of the UNFCCC, which entered into force in February 2005. The Kyoto protocol sets targets for developed countries to reduce their collective emissions between 2008 and 2012 by 5 per cent compared to 1990 emissions.

The development implications of climate change are vast: decreasing precipitation in arid and semi-arid areas, aggravating land degradation, reducing livelihoods and increasing the threat of famine. Other projected impacts include shifts in climatic zones, leading to the potential spread of insect infestations and influencing the range and season of some infectious diseases. Climate change could also increase sea levels and heighten the risk of extreme weather events.

The European Union confirmed its commitment to assist developing countries in addressing the issues of climate change in its Action Plan of November 2004. It recognizes that climate change must be integrated into strategies aimed at enhancing development and reducing poverty in EU partner countries and regions. The Action Plan, which addresses both adaptation to the adverse effects of climate change and mitigation of its causes, comprises four main elements:

- raising the policy profile of climate change;
- support for adaptation to climate change;
- support for mitigation and low greenhouse gas development paths;
- capacity development.

It is currently being implemented jointly by the EU Member States and the European Commission.

Let us focus on a few topics as priority areas included in the European sustainable development strategy.

Public Health

A healthy population is crucial for the well-being of our society, and is, therefore, a prerequisite for sustainable development. A safe environment and decent healthcare are basic elements of social and economic progress. How a society cares for its most fragile members is also a measure of its own health and sustainability. Good health is important for our economic and material prosperity-sick or unhealthy people cannot work and are dependent on those who do.

In general terms, the health of the Community population has never been better. Infant mortality has fallen sharply. People are living longer: between 1960 and 1999, average life expectancy increased by 8 years for men and women. Nevertheless, in recent years new potential threats to health have emerged. A number of major public health issues which threaten social and economic development are set out further:

social and economic inequality, life-style problems (poor nutrition, lack of exercise, tobacco use and misuse of alcohol, obesity and poor diet, to name just a few), food safety, chemicals, transport-related air pollution, communicable diseases, etc.

Management of natural resources

Natural resources underpin sustainable development. They provide essential life support functions, such as foods and habitats, carbon storage and water catchment, and provide essential raw materials. Although small changes in most stocks of natural resources pose little immediate threat, a persistent decline is of great concern for resources that are difficult or impossible to replace, such as biodiversity.

We can distinguish broadly between those natural resources that are renewable if carefully managed (such as fish stocks and fresh water) and those that are non-renewable (such as oil and mineral resources).

There are a number of general problems that undermine the efficient and sustainable use of natural resources. Different forms of industrial and agricultural activity affect many natural resources. When natural resources are part of shared “commons” and access to their use is open to all, this means that there is often little incentive for individuals to conserve and use them in a

responsible way. Overexploitation can be the result. Poorly defined or disputed rights of ownership or access to resources weaken the incentives to conserve and use natural resources in a sustainable way.

Bio- diversity

At present, we are failing to secure the long-run viability of our eco-systems. Despite measurement problems, there are indications that recent decades have very significant losses in virtually all types of eco- systems at EU level. A high percentage of existing species within the EU are at risk of extinction. In recent decades, the trend has been persistently in the wrong direction, and this poses a serious long-term threat to the natural resources on which our economic and social system depend.

Poverty and social exclusion

Reducing poverty is central to sustainable development. Although it is not a new phenomenon, it has an enormous direct effect on individuals in terms of ill health, suicide rates, persistent unemployment, and potential exclusion from the mainstream of society. The burden of poverty is borne disproportionately by single mothers and older women living alone. Poverty also has a strong tendency to repeat itself, often remaining within families for generations. This has a high social cost, particularly the waste of human talent and energy implied by unequal opportunities. A well-designed set of integrated policies to reduce these social costs would improve both fairness and efficiency. Poverty is a problem with long-term consequences and requires a long-term approach.

Poverty can arise for a whole range of interdependent reasons. Major factors are differences in family background and wealth, differences in access to education and jobs, effort and luck, the effects of tax and benefit systems on redistributing wealth, and the direct provision of some services by the State(for example, health, policing, social services). These different effects can offset or reinforce one another, so small initial differences can sometimes have big effects. This complexity also explains part of the difficulty in arriving at a satisfactory definition of poverty. The willingness to accept different forms of deprivation depends on our social and political values. These inevitably vary from Member State to Member State, but there is also a shared commitment between countries of the EU to forming a more cohesive society, and the fight against poverty and social exclusion is acknowledged to be a major element in the value systems of Member States.

Long-Term targets and intermediate milestones

Sustainable development is a framework for policy that focuses on long-term management rather than short-term quick-fix solutions. Identifying concrete, ambitious, achievable long-term

objectives is necessary to give substance to policies for sustainable development, and to develop popular understanding and support for these policies.

These objectives should lead to the establishment of clear – and preferably measurable – targets. Intermediate milestones allow us to judge our progress. Then the policy target can be expressed in very precise terms, it may be possible to meet targets agreed at the European level through Member States applying their own, cost-effective solutions. Clear long-term targets also provide other important advantages:

- Sustainable development means living an adequate legacy to future generations. Long-term targets are required to limit the scope for short-termism and to ensure this obligation is met.
- Uncertainty and instability in the policy regime generate their own costs. Clear long-term signals can help companies and individuals plan better. This is particularly important as the capital stock of an economy turns over only relatively slowly. Investment decisions have long-lasting effects and are costly to reverse.
- Provided targets can be clearly defined, it can make sense to delegate responsibility for meeting targets to those most closely involved with particular policy areas, or to an independent authority free from short-term political pressures. The latter is the case of European Central Bank, which has been given responsibility to provide stable prices. However, not all policy objectives can be defined in such clear terms, and there are
- limits to the extent to which it is desirable to devolve power to unelected, unaccountable bodies.
- Implementing new policy measures can gradually reduce the costs of change considerably by allowing adequate time for business and individuals to change their patterns of production and consumption. For example, companies that have to adapt to new technologies to remain competitive generally have much less trouble adjusting if these changes can be made as part of the normal investment cycle. Taking a gradual approach avoids the unnecessary creation of unemployment and gives workers time to acquire new skills.

Technology at the service of society

In the context of sustainable development, technology can be a double-edged sword. Technological progress has enormously increased our material wealth and improved our quality of life in every area, from communications and transport to new foods and health. They can also offer major opportunities for more efficient use of resources through changes in production techniques and the way services are delivered. Moreover, technology can help us ease potential tradeoffs between competing ends. New technologies can often reduce pollution or risk for

health and safety at work at much lower cost than adjusting existing technologies. Without further advances in technology and its wider use, the most challenging environmental problems, such as climate change, can only be tackled through painful changes in production and consumption patterns. Technology will therefore be at the heart of moves to sustainable development.

Conclusion

Living up to international commitments is never simple. Sustainable development is a global challenge calling for coordinated efforts from all involved. Moreover environment, one of the pillars of sustainable development, is not always given the attention it deserves.

Critical to any success is the need to understand that the environment is intimately linked with social, economic and, increasingly, political issues. Not only have we inherited a legacy of unsound management, of our natural resources from the past, we are now also faced with a situation where much of the remedial action will require the investment of effort and patience for a very long time. This is not easy when dealing with uncertain planning horizons and urgent national priorities.

As a major proponent of environmental protection, the European Commission is lending its support to a wide range of initiatives. This does not mean that we can be expected to come up with magic fixes, 'out-of-box' solutions, or even that such solutions exist.

But, by pooling resources and acting in concert with the international community, we believe we can contribute to the task of making the world a better place to live in.

All the projects featured here have received support from the European Commission under a range of programs in the fields of external assistance (both geographical and thematic instruments) and research. Different forms of collaboration with a variety of partners – national administrations, research institutes, the private sector and civil society – have enhanced our knowledge of the approaches and practices that work.

Even the most advanced and best conceived projects can only bring the right results if there is a genuine level of ownership and commitment on all sides. 'Common commitment' means persistence, a shared vision, the willingness to listen and learn, and readiness to take action today. All the projects featured in this brochure match up to these exacting criteria.

In sum, sustainable development sets us the task of reshaping our policies to combine high environmental standards and social cohesion with dynamic economy. The EU sustainable development strategy has set out a challenging road map for achieving this, and it is now up to us to live up to these challenges, both for ourselves, and to protect the interests of those generations to come.

Võimalus jõuda tagasi antiikdemokraatiasse.

Enno SELIRAND,

Eesti-Ameerika Äriakadeemia sotsiaal- ja ühiskonnateaduste õppetooli juhataja

I Ühiskonna juhtimine antiikmaailmas ja kapitalistlikus formatsioonis.

II Anomaaliad ühiskonna juhtimisel.

III Uued paradigmad 21 sajandil.

IV Uue paradigma riskid ja eelised.

I Ühiskonna juhtimine antiikmaailmas ja kapitalistlikus formatsioonis.

Igat protsessi saab vaadelda tema arengu ajaloolises kontekstis, samuti ka ühiskonna juhtimise muutumist.

Sageli ei pöörata piisavat tähelepanu Aristotelese ja Platoni ajale. Inimesed on harjunud pidama seda mingiks kaugeks „ügajaks” millest tänase päeva kontekstis pole midagi õppida.

Paraku on kauge aeg meile tunduvalt lähedasem kui 50 aastat tagasi olnu.

Antiikfilosoofid pidasid isiku vaba tahet ja tema soovi ühiskonda - riiki paremaks muuta kõige olulisemaks. Suurt tähelepanu pöörati ühiskonda juhtivate isikute ettevalmistusele ja koolitusele. Aristotelese põlguse teenib mõte, et ühiskonnas võiks tekkida olukord, kus riiki asuks juhtima ilma ettevalmistuseta ja ilma valitsejaks kasvatamata mustatööline. Säärane jube mõte pani filosoofi hirmust värisema. Vanas Roomas saadi aru ja peeti endastmõistetavaks, et ühiskonna suunamiseks ja juhtimiseks seatud inimestel peab olema vastav ettevalmistus ja kasvatus. Ühiskonna arengut ei käsitletud teadusena, kuid aduti selle teaduslikku alust.

Selle ajastu käsitluses ei maksaks ka unustada mõistete erinevaid mahte. Kui Aristoteles kõneles riigist (*polisest*), siis pidas ta silmas 2000 - 3000 inimeste asumit.

Täna rääkides riigist - siis see võib olla hoopis 100 miljonit inimest. See, mis väikeses koosluses on normaalne, ei ole seda enam kordi suuremates mahtudes.

Kõneleme sellest ajast just see pärast, et õnneliku riigi sai luua vaid ühiste jõupingutustega, kus kogu kodanikkond pingutab üldise õnne nimel.

Ühiskonna õnn on dedermineeritud üksikisiku õnnega.

Antiik filosoofid hindasid kõrgelt demose - rahva otsuseid. Loomulikult oli oht, et kui juhiks peaksid saama mustatöölised ja ettevalmistamatud kodanikud, võib ühiskonna areng vales suunas minna. Jäi lootus, et niisuguseid asju ei juhtu, sest terve mõistus võidutseb.

Ajaloo vahepealseid perioode pole mõtet analüüsida, sest see on olnud normaalne ühiskonna areng formatsioonide lõikes.

Vaadeldagem vaid eelmist sajandit, mis pakub analüüsiks kahte suunda.

Kapitalistlikku, normaalses - sajandeid kestnud võtmes inimkonna arengut ei analüüsiks.

Vaataks ühiskonna juhtimise aspektist vaid nn sotsialistlikus leeris toimunut.

II Anomaaliad ühiskonna juhtimisel.

20 sajandil juhtus see, mida antiik filosoofid kõige rohkem kartsid.

Veriste revolutsioonidega kerkisid pinnale kõige julmemad ja võhiklikumad lumpenklassi esindajad.

Venemaa.

Eelmise sajandi alguse Venemaal said toimuda revolutsioonid, sest vaesus oli nii suur, et töölistel ei olnud midagi enam kaotada. Muide, selle eest hoiatas Aristoteles kui ta ütles, et mustatöolistelt ja vaestelt ei tohi kõike ära võtta, sest siis ei ole nad huvitatud enam normaalsete protsesside jätkumisest vaid hakkavad mässama, sest kaotada ei ole neil midagi. Vene tsarism eksis selle ühiskonna seaduse vastu ja sellest sai korrastatud riigi lõpu algus.

Peale revolutsiooni püstitati Venemaal loosung - iga kõõgitüdruk peab olema valmis riiki juhtima. Niisugune lähenemine ühiskonna juhtimisele oli täielik antipood filosoofilisele kontseptsioonile ühiskonna juhtimisest. Sotsiaalpsühholoogid teavad, et vaid üksikud isikud on oma omaduste poolest võimelised riiki juhtima, evides selleks teadmisi, oskusi ning kasvatust. Kõõgitüdrukute juhitud riik kestis paraku üle poole sajandi. Koos haridusega minetati ka teised tsiviliseeritud, demokraatliku riigi elemendid. Ühiskonda kooshoidvaks jõuks sai diktatuur ning totalitarism.

Peale revolutsiooni asuti vaenlaste vastu võitlema. Kõik need, kes olid õppinud ühiskonna juhtimist ja selleks ka oskused omandanud, tuli elimineerida või lausa füüsiliselt hävitada. Venemaa revolutsioon püstitas küll loosungi - haridus on valgus, harimatus on pimedus. Ometi oli see vaid formaalne tekst, sest, hariduseks peeti eelkõige marksismi-leninismi dogmade tundmis. Kõik teised filosoofiad loeti isiksuse arengut pidurdavaks ebateaduseks. Verine plebeide terror sekkus jõuliselt ühiskonna ellu. Selle perioodi tunnuslauseks võiks olla: „las mõistus kaob”.

Kambodza.

20 saj. lõpu Pol Poti terrorirežiim Kmbodzas läks haritlaste hävitamises veelgi kaugemale. Nad eksekuteerisid kõik prille kandvad inimesed põhjendusega, et raamatuid lugedes on nad oma nägemist rikkunud. Inimene, kes on lugenud raamatuid, on läbi selle saanud ka hariduse, seepärast kuulub ta hävitamisele.

Hiina.

Eripärane oli ka aasia demokraatia. Punahiina oli ideoloogilise ajupesuga tunduvalt kaugemale jõudnud kui Venemaal unistada osati. Fanaatilise andumusega Mao Ze Dongile (kommunistlik diktaator) alustati Puna-Hiinas kultuurirevolutsiooni. See tähendas, et fanaatilise andumuse märgiks õpetaja Mao vastu hävitati korvamatuult sajandite jooksul arenenud kultuur. Kõik see, mis ajaloo pärandina vääriskaitset ja oli väärtuslik, hävitati kultuurirevolutsiooni käigus.

Kuuba.

Omaette ühiskonna juhtimise diktaatorlikku paradigmat kasutati ja kasutatakse senini Kuuba Rahvavabariigis. Selles riigikorralduses on suured sisemised vastuolud. Inimestel ei ole piisavalt tarbekaupe, toitu, puudub demokraatia. Samas on inimesed õnnelikud (nii nad ise väidavad). Nad tunnevad rõõmu lihtsatest asjadest - inimestevahelisest suhtlusest (omalaadne võrdsuse ilming) ja stressi puudumisest. Töö, hariduse ja arstiabi on tagatud kõigile elanikele.

Loomulikult ei austata seal inimõigusi ja inimeste vaba tahet, kuid kui see ei ole kuubalaste peamine eesmärk (nii nad väidavad ja nii ka välisel vaatlusel paistab). Kuubal pakutakse tasuta arstiabi isegi vaestele USA töölistele.

Kuuba ühiskonna juhtimise protsesse ei tohiks nii pealiskaudselt hinnata, kuid detailseid sotsioloogilisi uurimusi ei ole seal võimalik käesoleval ajal läbi viia.

Ühiskonna juhtimisega tekivad suured probleemid peale karismaatilise diktaatori, Fidel Castro, surma. Kuidas Kuuba peale seda edasi areneb, näitab ainult aeg, kindlaid prognoose teha ei ole võimalik.

Nõukogude - sotsialistlikku leeri iseloomustav paradigma: ühiskonna juhtimine kui teaduslik tegevus on peatatud.

Ühiskonna juhtimiseks oli kujundatud eriline grupp inimesi, nn partei nomenklatuur. See eliit võimutses üle riigi. Kui kuskil keegi juhtimisega toime ei tulnud - tekitas majandusliku kahju - kaose, siis nimetatud isik lihtsalt tõsteti ümber, viidi üle mõnda teise ettevõttesse.

Nende inimeste elukutseks sai - "juht", - "direktor", polnud oluline kas ta juhtis teatrit, tehast, ülikooli, või kaevandust. Partei andis inimesele ameti, siis iseenesest mõistetavalt andis partei ka mõistuse ja oskuse protsesses juhtida. Ühiskonna juhtideks määrati üldreegline need isikud, kes oma professionaalsetes oskustes olid küündimatud kuid süsteemile lojaalsed. Nii devalveeriti ühiskonna juhtimise põhiprintsiibid.

Näiliselt järgiti demokraatlikke printsiipe. Toimusid võimuorganite valimised jms. Kuid valimistel esitati kandidaat, kes pidi valituks sama. Nimekiri koostati kindlaid proportsioone arvestades. Oli oluline, et nimekirjas oleks teatud % naisi, teadlasi, töölisi, kolhoosnikke jne. Elektoraat käis valimas (mis oli formaalne). Seda tehti kas kaastundest tuttava agitaatori ees, sest see ei saanud enne koju kui kõik valijad olid valimas käinud. Inimesi tõi valimisjaoskondadesse ka hirm, et valimistest eemale hoidmine võis kaasa tuua mitmesuguseid repressioone. Aktiivset valimistest osavõttu stimuleeris ka kaubadefitsiidi olemasolu.

Valimisjaoskonna puhvetist sai osta midagi defitsiitset, milleks võis olla apelsin, vorst, või lahustuv kohv. Valimine kui demokraatlik tegevus oli välistatud. Teati, et isegi kui kohalikus jaoskonnas loeti hääled ära ja käituti ausalt (sest mõnedki rikkusid valimisedeli), siis valimiste keskkomisjon jälgis täpselt etteantud direktiive valimistulemuste osas. Valimistulemuste %% ei tohtinud reeglina langeda alla 99.98 %.

Niinimetatud sotsialismileer oli jõudnud selleni, et ühiskonna juhtimises puudus igasugune sisuline demokraatia. Kapitalistlikus formatsioonis toimusid ajaloo jooksul väljakujunenud demokraatlikud mehhanismid samal ajal edasi.

Niipalju kokkuvõtvalt kahest põhimõtteliselt erinevast ühiskonna juhtimise mudelist.

III Uued paradigmad 21 sajandil.

XXI sajand on rahvusliku eneseteadvuse ja identiteedi võidukäik. XX saj lõpus algasid impeeriumide lagunemised ja riike hakati rahvuslikul alusel looma (või taastama). Seda mitte ainult endises Nõukogude Liidus vaid kõikjal üle maailma. Demokraatia oli inimühiskonna viinud sellesse seisu, kus inimõigused ja vabadus said tähtsamaks kui impeeriumide säilitamise iha.

XXI sajandil hakkasid kehtima uued paradigmad:

DEMOKRAATIA JA INIMÕIGUSED ÜLE KÕIGE

ning

KES INFORMATSIOONI EI LEVITA KÕIKIDELE JA KÕIKIDES KANALITES ON KAOTAJA

Eelmisel sajandil oli hoiak informatsiooni tagurpidine - kes valdab informatsiooni ja hoiab seda kiivalt enda valduses on võitja.

Info, eriti vähestele kättesaadav info, andis võimu.

Sellest paradigmast johtuvalt ehitati Berliini müür ja ümbritseti nn nõukogude leer raudse eesriidega.

„Valede” raadiojaamade kuulamist püüti igati takistada., et inimesed ei saaks vabast maailmast infot. Selleks ehitati raadiolainete segamiseks suur süsteem. Psühholoogiliselt tehti vale arvestus, sest läbi segajate poolt tekitatava müra teksti kuulamine oli raske, kuid mitte võimatu. Samas tajupsühholoogia õpetab, et raskuste ja segavate faktoritega võideldes saadud informatsioon säilitatakse kui eriti tähtis ja vajalik.

Nii viisi löid nõukogude segajad hoopis soodsa pinnase vabast maailmast tuleva informatsiooni levikule.

Vaatamata ühiskonna juhtide soovile sulgeda riik,(nagu näitasid kunagine Hiina müüri), ei õnnestu see. Inimeste nälg uue informatsiooni järele on suur ja see kuidagi moodi ikka hangiti.

Ühiskonna juhtimise arengus on võtmetähtsusega informatsiooni kättesaadavus.

Demokraatia areng on teinud kodanikest otsustajad. Virtuaalmaailm on sõltumatult isiku enda geograafilisest asukohast alati ühtemoodi avatud.

Üleminekuriike iseloomustab suur avatus. Seda nii ideedele, informatsioonile, kui ka kapitalile. Keeruline on ette kujutada, et XXI sajandil õnnestuks inimeste eest varjata tähtsat infot. (Ometi allveelaeva Kursk põhjaminemist suudeti varjata pea päeva) Nendel kes peavad ühiskonda juhtima, on seda lihtsam teha otsuseid kui nad omavad piisavalt infot ja samas nad saavad olla kursis kõikide maailma arengusuundadega.

Eesti on kuulus siin algatatud tiigrihüppe projektiga. Lisaks veel e-valitsus e-riik, e-valimised, e-kool, e-maksuamet ja mitmesugused e-andmebaasid.

Täna oleks mõeldamatu, kui avaliku halduse süsteemis ei toimiks e-post või poleks olulisi dokumente võimalik internetist leida.

Samas laiendab see kodanike vastutust riigis toimuva ees. Eelmisel sajandil sai öelda, et mina ei olnud sellest kuulnud ja see tähendab, et ma ei vastuta niisuguse otsuse eest.

Avalikustamine ja läbipaistvus ühiskonna juhtimisel on XXI sajandi väljakutse Eestile.

Kogu otsustamise mehhanism ühiskonnas peaks olema jälgitav netis ja mõistetav igale lugejale-kasutajale.

See on kogu Euroopa XXI sajandi ühiskonna juhtimise väljakutse.(realsus on, see et 2/3 maakerast ei vaja veel täna demokraatiat. Ükskõik kuidas me seda ei püüaks neile peale suruda)

Eestil on XXI sajandil vastata tõsisele väljakutsele, see võiks olla Eesti nn Nokia:

ASENDADA DELEGEERITUD ESINDUSDEMOKRAATLIK RIIGIJUHTIMINE OTSESE OSALUSDEMOKRAATIAGA.

Šveitsis on mindud seda teed, et kantoni (piirkonna) legislatiivi ei moodustata.

Valitud esindusorgan on, vaid selleks et väljendada rahva tahet, siis interneti ajastul pole seda vaheorganit enam tarvis.

Uus, internetipõhine, otsustamise võimalus annab igale kodanikule võimaluse minna tagasi Aristotelese aega kui otsustajaks olid polise kodanikud.

Kõrgema võimu kandja on saanud võimu tagasi enda kätte ja keerukas ja mittetäiuslik võimu delegerimine esindusdemokraatiale on jäetud vahele.

Nimelt kui TÄIDESAATEV VÕIM tahab midagi teha, siis esitab ta eelnõu rahvale (Eestis Volikogule - või Riigikogule) otsustamiseks, vastuvõtmiseks. Legislatiiv, olles saanud demokraatlikelt valimistelt mandaadi, otsustab rahva eest. Selles riigis, aga jäetakse see etapp vahele, rahvas jätab kõrgema võimu enda kätte ja ise otsustab millist seadust toetada ja millistest reeglitest lähtuda.

Internetis avaldatud seaduseelnõu saab rahva (nagu referendumi) kinnituse, kui valijad toetavad seda piisavalt, siis see võetakse see vastu, kui ei, siis lükatakse tagasi.

Šveitsis on ühiskonna elu korraldatud tasakaalustatult. St kodanikel on õigus valida kuid samas ka kohustus seda teha. Isikuid, kes hoiduvad valimisest kõrvale, karistatakse kas vanglakaristuse või rahatrahviga. Selle seaduse abil saadakse valimistel kui rahva hääletustel uskumatult kõrge osaluse %. Interneti versiooni kasutamine annab kodanikele suurema vabaduse ja nii sünnivad kõik otsused kõrgema võimukandja kontrolli all.

Eestile kui e-riigile on see XXI sajandi suur väljakutse. Sellest võiks saada Eesti nn Nokia, kui me esindusdemokraatia kogu riigi tasandil asendaksime otsese osalusdemokraatiaga. Ene Šveitsi süsteemi üle võtmist tuleks minimaliseerida riske.

Eesti seadused on tasakaalustamata, st kodanikud omavad õigust valida, kuid see ei ole kohustus. Säärane ühiskonna elu juhtimise kasutusele võtmine Eestis ilma seaduse paranduseta oleks seepärast ohtlik. Aktiivsuse minetanud ja pettunud elektoraat võiks jätta seaduse arutelud tähelepanuta. Osalusprotsent oleks madal sest kui valijad enam ei vaevu otsustada ja jälgida mida otsustada, võib see kaasa tuua omavoli.

Esimene samm oleks seaduse muudatus.

Tehniliselt ei ole seda sugugi raske ellu rakendada, sest läbi ID koodi on võimalik igal hääleõiguslikul kodanikul siseneda otsustusruumi ja langetada vaid üks kord oma otsus.

Infotehnoloogia annab võimaluse otsustada sadadel tuhandetel inimestel üheaegselt.

Probleem on vaid selles kas kodanike teadvus on sellel tasemel, et mõista, see on õigus kuid ka KOHUSTUS üheaegselt.

Eesti, olles vähemalt oma arvates IT riik, võiks selle menetluse rakendamise üle kaaluda, sest alla miljoni otsustaja on just nii pisike rühm, et siin poleks küll riigikogu vaja mis pealegi on EL parlamendi dubleerija. Pealegi EL otsused on ülemuslikud ja nii ei oleks karta ka ühiskonna kraavi minemist, sest EL hoiaks Eesti ka kõige halvemal juhul, kui püütakse mingeid ebareaalseid seadusi vastu võtta ikka teel ja minimaliseeriks riskid.

Lühidalt, e-riik koos e-otsustajatega (- legislatuuri kaotamisega andes võimu tagasi kõrgema võimu kandjale endale) olekski Eesti Vabariigi Ühiskonna juhtimise väljakutse.

IV Uue paradigma riskid ja eelised.

Oluliseks riskiteguriks oleks ebateadlikud ja kodanikuvastutuseta inimesed. Kindlasti leidub riskitegureid veelgi. Riskitegureid uurides, neid tundes, saab riske minimaliseerida.

Infotehnoloogiline baas parlamendi asendamiseks e-valitsusega on sisuliselt valmimas.

Tehniline teostus ja rahaliste vahendite leidmine on samuti lahendatavad küsimused.

Seega, oleme väga lähedal sellele, et võtta omaks uued paradigmad.

Uue paradigma suurimaks eeliseks tuleks lugeda seda, et pääseb võidule otsene osalusdemokraatia. Eesti muutub tõeliseks kodanikuühiskonnaks.

Eeliseid vaadeldes ei saa märkimata jätta ka ökonoomsust.

Kui parlamendi halduskulud, liikmete ja nende abipersonali ühe aasta töötasufond, esinduskulud jms. kulutada elanikele arvutite soetuseks, siis jääks ilmselt raha ülegi.

Kokkuhoitud esinduskulude ja hüvitiste eest võiks internetiseerida ka kõige kaugema Eesti ääreala.

Lisaks veel kokkuhoid inimressuris – praktiliseks tööks vabaneb 101 kõrgelt haritud ja ühiskondlikult aktiivset kodanikku.

Teen ettepaneku Vabariigi presidendil kaaluda XXI sajandiväljakutse vastuvõtmist .
Olen valmis kõikide poliitiliste jõududega koostööks sellele innovaatilisele väljakutsele vastamiseks ja elluviimiseks.

Edu Eesti reformimisel ja XXI sajandi väljakutsete vastuvõtmisel!

Потенциал и прогноз развития человеческих ресурсов Эстонии

Светлана КАННИКЕ,

Ph.D., доцент Таллиннского технического университета

Введение

Каждое государство ставит перед собой цель – обеспечить достойный уровень благосостояния населения посредством поддержки и развития человеческих ресурсов, так как чем выше уровень трудовой занятости и потенциал человеческих ресурсов, тем выше конкурентоспособность страны. На конкурентоспособность большое влияние оказывают общемировые тенденции таких процессов, как глобализация и информатизация, которые затронули не только сферу бизнеса, но и мировой рынок труда. Это привело к общему повышению межстрановой мобильности населения. Все больше стран конкурируют за привлечение иностранных специалистов и студентов на свою территорию.

В последние годы эти тенденции и процессы затронули и Эстонию. Причем влияние этих процессов сказывается двояко: высокие темпы освоения инфотехнологий как положительный момент, так и негативные тенденции – увеличение эмиграции молодых и дееспособных людей, нехватка рабочей силы на рынке труда Эстонии и как следствие этого уже сейчас по ряду специальностей идет активная перекупка компетентных работников.

Чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу – *действительно ли общемировые процессы могут повлиять на снижение потенциала человеческих ресурсов Эстонии и усиление дефицита рабочей силы на внутреннем рынке труда*, целью данной статьи будет проведение анализа потенциала человеческих ресурсов, прогнозов потребностей рабочей силы и возможностей их удовлетворения за счет ресурсов рынка труда Эстонии, миграционных процессов и ориентации студентов Таллиннского технического университета на работу в Эстонии и в других странах.

Потенциал и использование человеческих ресурсов Эстонии

По данным Департамента статистики (1) структуру человеческого потенциала Эстонии в 2002-2006 гг. характеризуют следующие показатели:

Руководители (законодатели, высшие чиновники и руководители) составляют 12% от общего количества экономически занятого населения. Они, как правило, имеют высшее образование.

Специалисты (высшие специалисты, специалисты среднего звена и техники) – 27%. К этой категории работников относятся врачи, учителя и преподаватели, инженеры, адвокаты, судьи и т.д. Имеют высшее академическое или прикладное образование.

Обслуживающий персонал (чиновники, служащие, торговые работники) – 17%.

Квалифицированные рабочие (операторы машин и оборудования), в большинстве случаев это выпускники профтехучилищ, составляют 32%.

Неквалифицированные работники (просторабочие) занятые трудом, не предполагающим наличие специальных знаний, составляют 12%.

Работодатели отмечают трудности с набором квалифицированных работников, причем с каждым годом им все труднее найти квалифицированных работников на рынке труда. Половине таллиннских и в меньших размерах предпринимателям всех уездов по Эстонии требуются работники на должности руководителя (6%), специалистов (39%), квалифицированных рабочих (28%), просторабочих (17%), практикантов (1%). Большинство предпринимателей, занятых в производственном секторе экономики, готовы

завозить рабочую силу (2). Центральный союз работодателей отмечает, что в 2005 г. число ушедших с рынка труда впервые превысило число вступающих на него. И хотя занятость в возрастной группе от 15 до 64 лет в Эстонии возросла почти до 70%, а безработица держится в пределах 5%, все это не решает проблему нехватки трудовых ресурсов (9). Это свидетельствует о том, что местный рынок труда удовлетворить возросший спрос в человеческих ресурсах уже не может.

Вместе с тем, несмотря на имеющийся дефицит рабочей силы, нельзя утверждать, что человеческие ресурсы в Эстонии используются рационально. Как отмечалось автором данной статьи в публикации (3), уровень образования и трудовая занятость мужчин и женщин Эстонии имеет некоторые сходства и различия. Наличие высшего образования повышает конкурентоспособность на рынке труда и мужчин, и женщин. Это доказывает тот факт, что количество безработных среди людей с высшим образованием в 3 - 4 раза меньше. В 2004 г. экономическая занятость мужчин снизилась до 61,3%, а женщин, наоборот, увеличилась до 56,8%. В среднем в Эстонии работающих мужчин с высшим образованием несколько больше (около 12%), чем женщин. Однако такая тенденция пока еще держится за счет старших возрастных групп. По молодым и основным трудоспособным возрастным группам наметилась тенденция к увеличению числа женщин с высшим образованием и изменению средних показателей. В последние годы число получивших высшее образование девушек превышает число молодых людей мужского пола. Казалось бы, учитывая уровень образования и преобладание на экономических факультетах девушек, женщины могли бы делать успешную карьеру менеджера. Однако в этой области ситуация совсем другая, как свидетельствуют данные Департамента статистики по структуре должностных групп (1). Так на практике, должностные места на высшем уровне управления занимают мужчины почти в 2 раза чаще, чем женщины. Почти обратная картина данного соотношения по количеству высших специалистов и руководителей среднего звена, а должностных лиц – женщин в два раза больше, чем мужчин. Рассматривая управленческий потенциал, следует отметить малочисленность женщин на высшем уровне управления, отмечается тенденция медленного роста женщин – руководителей в органах госслужбы. Женщина-руководитель крупного предприятия – редкость для Эстонии. Мужчин-работодателей почти в три раза больше, чем женщин, на протяжении 6 прошедших лет. Мужчин-предпринимателей в 2 раза больше, нежели женщин-предпринимателей. и при этом число мужчин-предпринимателей увеличивается более быстрыми темпами.

По данным доклада, подготовленного Программой развития ООН, по уровню развития человеческого потенциала Эстония в 2003 году занимала 36-е место в мире, а по числу женщин-специалистов – второе. 69% специалистов в различных областях деятельности – женщины. По общему числу женщин-руководителей (37% от общего числа) Эстония занимает 15-е место. По сравнению с 2002 годом позиция улучшилась на пять мест, а с 2001 г. – на 27 мест (была на 42 месте). Для сравнения следует привести следующие данные: Литва в 2003 г. занимала 41 место, Латвия - 50, Финляндия - 13, Россия – 57. Первое место, как и раньше, занимает Норвегия. В первую десятку входят Швеция, Австралия, Канада, Голландия, Бельгия, Исландия, США, Япония и Ирландия.

Согласно прогнозу Министерства экономики и коммуникаций (4, с.51-52), к 2011 году в Эстонии будет 623 тысячи рабочих мест. Однако, согласно данным Департамента статистики по состоянию на сентябрь 2006 г., число работающих уже составило 650 тыс. человек. Согласно прогнозам, структура человеческих ресурсов по секторам будет различаться, а в целом прогнозируется увеличение потребностей в руководителях на 1,4 тыс. рабочих мест, в специалистах на 20,7 тыс. рабочих мест и квалифицированных рабочих на 3,3 тыс. рабочих мест, а потребность неквалифицированных рабочих уменьшится на 1,2 тыс. рабочих мест. Данные прогнозы указывают, что в будущем потребуется самое большое количество специалистов, что соответствует общемировым тенденциям. По прогнозам Организации по экономическому сотрудничеству и развитию

(OECD) (5, 6, 7), в ближайшие 20 лет наиболее острый дефицит потребностей рабочей силы будет отмечаться именно в сфере высококвалифицированного труда. Если численность экономически занятого населения Европейского Союза (ЕС) в возрасте 25-64 лет с низким уровнем образования уменьшится в 2000-2010 гг. на 15%, то с высоким – увеличится на 12%. Вследствие расширения знание- и наукоемких секторов экономики обостряется конкуренция за так называемые «человеческие ресурсы в сфере науки и технологий», к которым, согласно совместному определению OECD и Евростата, относятся «лица, успешно окончившие третью ступень образования в научно-технической сфере (ученые, инженеры, преподаватели, врачи, менеджеры и техники и др.), а также лица, которые, формально не имея соответствующего диплома, заняты в тех сферах, где требуется подобная квалификация» (6).

Политика привлечения иностранных специалистов и студентов

Большой спрос на квалифицированных специалистов и их нехватку на внутренних рынках труда вызвали необходимость в миграционных политиках принимающих стран усилить приоритеты приема дефицитных категорий специалистов и студентов, въезд которых облегчил бы им доступ на рынок труда. Используются специальные программы, гибкие системы квот, упрощаются процедуры и условия найма для иностранных специалистов, стимулирующих приток дефицитных категорий специалистов (5). Глобализация в сфере образования и науки проявляется в интеграции стандартов и программ. Так называемый Болонский процесс призван способствовать созданию пространства, в границах которого будут действовать единые условия образовательных стандартов и признания дипломов, трудоустройства и мобильности граждан. Расширение возможностей обучения в развитых странах приводит к постоянному увеличению количества молодых людей, обучающихся за рубежом. Это не только становится заметным источником поступления финансовых средств в принимающих странах, но и при этом завершающие обучение иностранные студенты выполняют важные функции на рынке труда, компенсируя нехватку определенной категории наемного высококвалифицированного персонала. При этом иностранные выпускники учебных заведений рассматривается как особо ценный потенциальный ресурс пополнения человеческого капитала, поскольку на учебу за рубеж едут, как правило, лучшие и наиболее мотивированные студенты. В глазах работодателей дополнительную привлекательность им придает и то, что в отличие от многих других мигрантов они уже хорошо владеют языком страны приема, знакомы с ее законами и обычаями, а также правилами и условиями на рынке труда. Это неизбежно, как показывают международные исследования (6), приводит к тенденции постоянной потери специалистов странами-донорами. Поэтому многие страны-доноры активно реализуют программы по сдерживанию эмиграции и мотивации обратной миграции специалистов и студентов, завершающих обучение за рубежом.

Эстония же придерживается политики жестких ограничений привлечения рабочей силы из третьих стран, несмотря на нехватку целого ряда специалистов. Уровень зарплат в Эстонии пока еще не привлекателен для иностранной рабочей силы из стран ЕС. Так, по данным Департамента гражданства и миграции, 1649 жителей ЕС имеют краткосрочный вид на жительство с разрешением на работу, 680 граждан ЕС имеют краткосрочный вид на жительство для ведения бизнеса в Эстонии. Из третьих стран в Эстонии официально работает 861 человек и 7 человек имеют краткосрочный вид на жительство для ведения бизнеса в Эстонии. Официальные лица не приветствуют привлечение рабочей силы из третьих стран, а вот свободное передвижение рабочей силы внутри ЕС – это одно из основных положений для стран ЕС. Однако работодатели предлагают упростить въезд в Эстонию граждан из третьих стран и сократить сроки оформления документов. Эстонские жители уже могут получить информацию по странам ЕС на сайте этого департамента на портале EURES. Сразу после вступления новых стран в ЕС Британия, Ирландия и Швеция

заявили о том, что откроют для них свой рынок труда. Испания, Португалия, Финляндия и Франция приняли аналогичное решение по данному вопросу в 2006 г. Европейская комиссия уже готовит пакет документов, который позволит упростить легальный въезд в ЕС работников из стран восточной Европы и других стран. Так, можно утверждать, что процесс либерализации рынка труда для новых стран в ЕС уже начался. Эта тенденция уже сейчас негативно сказывается на экономическом росте, а также может повлиять на сроки присоединения Эстонии к еврозоне (8).

Количество студентов, уезжающих учиться в другие страны из Эстонии, почти в 3 раза превышает количество приезжающих иностранцев из стран ЕС учиться в нашу страну (7). Несмотря на то, что ряд ведущих высших учебных заведений организовали обучение на английском языке и активно занимаются привлечением иностранных студентов, пополнение трудовых ресурсов за счет этого источника для Эстонии пока еще не реально.

Большинство будущих специалистов не намерены работать в Эстонии

Проведенное весной 2005 года в Таллинском техническом университете (ТТУ) исследование и общемировые тенденции миграции населения показывают, что эта проблема даже более серьезная, чем кажется на первый взгляд.

В ходе анкетирования студентов ТТУ, как будущих специалистов, с целью выявления их ориентации на работу в Эстонии и за рубежом, было опрошено 507 студентов с различных факультетов в возрасте от 18 до 30 лет. Анализ данных анкетирования показал, что желание жить и работать только в Эстонии у будущих специалистов не велико. Утвердительно ответили на этот вопрос только 12,2% эстоноязычных и 11% русскоязычных юношей, а среди девушек это желание еще меньше (3,7% и 3,9%). В зависимости от возраста отмечались незначительные колебания, но после 25 лет у юношей заметно уменьшается желание оставаться в Эстонии. Причем, на любую работу согласна небольшая часть молодежи (2,2% эстоноязычных девушек и 3,3% юношей). Русскоязычная молодежь согласна начать с любой работы (девушки 7,7% и юноши 8,7%). На работу в другой стране только по получаемой в ТТУ специальности ориентирована пятая часть опрошенных студентов. Что же касается возрастных изменений в предпочтениях, то после 25 лет согласились бы на любую работу в 3 раза больше молодых людей и все меньше надеются найти работу по специальности в других странах. С одной стороны, хорошо, что будущие молодые специалисты так активно стремятся приобрести свой практический опыт в других экономически более развитых странах. При возвращении их в Эстонию приобретенный ими опыт мог бы быть очень полезен для повышения потенциала человеческих ресурсов нашей страны. Однако результаты исследования не позволяют строить особо радужные планы, так как ориентирована на возврат в Эстонию только пятая часть опрошенных студентов. Причем русскоязычная молодежь менее ориентирована на возвращение (16,8% девушек и 18,9% юношей), учитывая, что у эстоноязычной молодежи соответственно 20,7% и 22,2%.

Оплатой труда в Эстонии не удовлетворены все опрошенные, но недовольство выше у русскоязычных студентов, для которых и более остро стоит недовольство ограниченностью карьерных возможностей. Также наблюдаются некоторые различия в оценках по половому признаку. Оплатой труда девушки более недовольны, чем представители мужского пола: 31,1% эстонских и 55,5% русских, в то время как это соотношение среди юношей 14,4% и 40,9%. Ограниченность карьерных возможностей отметили эстонские (23%) и русские девушки (43,2%), а у представителей мужского пола это соотношение 3,1% : 34,6%. Поэтому, если русскоязычные студенты второй по значимости причиной возможной эмиграции из Эстонии называли ограниченность карьерных возможностей, то эстоноязычные студенты отмечали такие причины, как желание сменить обстановку, узнать как живут в других странах и желание по возвращении на родине сделать более успешную карьеру.

Несмотря на то, что эстоноязычные студенты мужского пола видят неплохие возможности карьерного роста в Эстонии, настораживает тот факт, что, тем не менее, желание работать только на родине у них невелико, и они также не очень заинтересованы возвращаться назад после приобретения практического опыта в других странах. Как отмечалось ранее, только пятая часть опрошенных предполагают, что вернулись бы на родину.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что в целом Эстония обладает довольно высоким потенциалом человеческих ресурсов. Однако есть возможности более рационального использования управленческого потенциала женщин, а также необходимы корректировки в действующей модели образования, чтоб она больше соответствовала потребностям на рынке труда.

Учитывая общемировые тенденции и высокую ориентацию молодежи на рынок труда стран ЕС, можно предположить, что эмиграция специалистов из Эстонии со временем будет увеличиваться. Уровень оплаты труда, хотя и является очень важной причиной оттока специалистов из страны, но не является определяющей. Растущую нехватку рабочей силы и повышение потенциала человеческих ресурсов можно было бы решить с помощью адекватной политики в данной области с учетом мировых тенденций и опыта как принимающих стран, так и стран-доноров. В настоящий момент жизненно необходима не только корректировка оплаты труда, но и программа по сдерживанию эмиграции и мотивации обратной миграции эстонских специалистов и студентов, завершающих обучение за рубежом.

Используемая литература

1. Eesti Statistikaamet, <http://www.stat.ee>
2. Тооман, А. Рабочая сила потянулась к нам. Деловые ведомости, 23-29 ноября, 2005, с.8
3. Каннике,С., Лютов,О., Хельм-Росин,М. Потенциал и управленческая карьера женщин в Эстонии. Сборник трудов XIII Международной научно-практической конференции «Управление организацией: диагностика, стратегия, эффективность», издательство Политехнического университета, Санкт-Петербург, 2005, с. 66-74.
4. Tööjõu vajaduse prognoos aastani 2011. Tln., Majandus- ja Kommunikatsiooniministeerium, 2005
5. International Mobility of the Highly Skilled. P.: OECD, 2001, <http://www.oecd.org>
6. The Economic and Social Aspects of Migration. Conference jointly organized by the European Commission and the OECD. Brussels, 21-22 January, 2003 <http://www.europa.eu.int/>
7. Tendences des Migrations Internationelles. P.: OECD, 2003, <http://www.oecd.org>
8. Кянгсепп,Л. Завозить рабочие руки придется. Деловые ведомости, 30 августа-5 сентября, 2006, с. 5
9. ЕС привлекает иммигрантов. Деловые ведомости, 21-27 февраля, 2007, с. 4

Энергетическая безопасность требует энергетической революции

Владимир НЕМЧИНОВ,

доктор экономических наук, профессор Эстоно-Американской бизнес-академии

По существу проблемы

Внимание к проблеме энергетической безопасности (ЭБ) в мире возрастает буквально с каждым днем. Активность субъектов приближается к темпам военного времени. Заметно, как проблема ЭБ приобретает качественно другой уровень, и сейчас уверенно можно говорить о том, решение проблемы требует *энергетической революции*, свидетелями начала которой мы уже являемся. Суть ее в том, что Запад оказался в энергетической зависимости от стран, которые не считаются его традиционными надежными союзниками. Тенденция быстрого возрастания этой зависимости приобрела такие масштабы, что потребовала радикального пересмотра прежней политики не только в области источников снабжения нефтью и газом, но и всего сложившегося уклада и традиций в области использования всех энергоресурсов.

Пожалуй, ни одна другая проблема не вызывала такого бурного обсуждения в мире.

Если исходить из постулата, что экономические интересы правят миром, то истоки проблемы надо искать в экономике. Но тогда как же быть с той шумной политической риторикой, которая ее сопровождает? Ответ, видимо, в том, что прежние методы, которыми пользовались мировые лидеры для получения экономических преференций, теперь оказываются не столь действенными, как прежде.

осле ухода СССР с мировой сцены США выступили в роли гегемона в продвижении процессов глобализации. Это обеспечило экономике США большие преимущества и превратило мир в объект их национальных интересов. Однако мир не стоит на месте, идет интенсивное экономическое, техническое, научное, этическое и политическое развитие мирового сообщества. В итоге это развитие подошло к рубежу, когда стало заметным значительное разнообразие в облике, взглядах, культуре и политике отдельных государств и сообществ. Среди них выделяются Европейский Союз, Китай, некоторые страны Латинской Америки, Ливан, Ирак, Иран, Северная Корея, Россия, Белоруссия. В результате этого процесса мир из однополярного постепенно трансформируется в многополярный. Прежние рычаги глобального управления мировыми процессами с помощью силового воздействия, дипломатического (политического) давления, финансовой помощи быстро утрачивают свою эффективность и действенность. Человечество не только осознало возможность, но и практическую необходимость перехода к управлению мировыми процессами на основе норм международного права и сотрудничества. Более того, осознается необходимость согласования или даже подчинения своих национальных интересов с общечеловеческими. Насущность подобного эпохального изменения мышления стала очевидной под влиянием двух глобальных проблем, которые приобрели характер вызовов – это перспектива дефицита энергии и угрожающее загрязнение окружающей среды. А поскольку пока еще не накоплено достаточного опыта, традиций и не разработаны общепринятые международные правовые нормы, которыми должны руководствоваться страны при разрешении противоречий, то стороны прибегают к резкой риторике и преувеличенным обвинениям партнеров. Так раздаются голоса, что складывающаяся зависимость Запада от нефти и газа из России может привести к краху его экономики, а чтобы этого не произошло, необходимо защитить себя от экономического шантажа восточного партнера. Надо признать, что привлечение широкого международного внимания к проблеме ЭБ и массивная критика России в связи с ее нефтегазовыми конфликтами с Белоруссией и Украиной, привели к заметным сдвигам в позиции России. Кроме заверения западных партнеров в

надежности поставок в дальнейшем, она согласилась допустить иностранные компании к разработке некоторых своих крупных месторождений. Однако надо иметь в виду, что в основе напряженности в вопросах энергетической безопасности лежит не столько физическая нехватка энергоносителей сейчас или в будущем, сколько экономический фактор. Дело в том, что нефть и газ, поступающие из России, имеют заметно меньшую *стоимость*, чем из других районов поставки.

Таким образом, решение проблемы энергетической безопасности состоит *в создании международной правовой и экономической системы*, обеспечивающей надежное энергоснабжение, учитывающей интересы не только потребителей, но и поставщиков энергоносителей. Именно такой сбалансированный подход, узаконивающей интересы обеих сторон, и может помочь ослабить напряжение вокруг проблемы (ЭБ). А пока внимание к проблемам энергетической безопасности в мире нарастает. Это относится и к Эстонии.

Истоки проблемы энергетической безопасности

- Они связаны с такими глобальными факторами, как:
- нестабильность в ключевых нефтедобывающих районах;
- снижение стабилизирующей роли ОПЕК и ее доли на нефтяном рынке;
- быстрый рост мирового спроса на нефть и газ традиционных покупателей и появление новых крупных импортеров таких, как Китай и Индия;
- окончание эпохи дешевой нефти и газа, когда лидеры мировой экономики уже не могут, как прежде, влиять на поставщиков и уровень их цен;
- многие компании и транснациональные корпорации испытывают трудности в получении новых концессий и вынуждены вести агрессивную политику;
- как на Западе, так и на Востоке государства сосредоточивают в своих руках нефтегазовые активы, ограждаясь от иностранного влияния. Это особенно заметно в России и других странах СНГ, в прочем не только там. Например, в Норвегии государство владеет 70-ю процентами активов нефтегазовых фирм.

Насколько реальна энергетическая опасность?

Борьба за владение энергетическими ресурсами вышла за экономические рамки. Те, кто владеет нефтью и газом, получают в руки мощный инструмент политического влияния.. Запад особенно болезненно воспринимает в этом смысле позиции России и ее очевидное стремление к монополизации международного топливного рынка. Раздаются голоса, что Россия строит энергетическую сверхдержаву. Сейчас она, действительно, находится на вершине своего влияния на энергетический рынок, но вряд ли сможет сохранить свои позиции в будущем, когда мировые лидеры по запасам нефти (Иран, Ирак, Венесуэла, африканские страны вернутся на рынок в качестве его стабильных участников. К тому же не стоит забывать, что Россия по размеру ВВП занимает лишь десятое место в мире, а величина ее ВВП на порядок меньше, чем у США. По ключевому показателю – уровню развития электроники- Россия отстает от Запада на два-три поколения.

Доля России в мировых запасах нефти оценивается в 13-15 %, газа – 42, угля – 43; в добыче: нефти – 11%, газа – 28, угля – 14. Если к 2015 г. нефтедобыча достигнет, как ожидается, 530 млн.т в год, то Россия обойдет Саудовскую Аравию и выйдет на первое место.

Западных партнеров беспокоит сложившееся положение, когда энерго- ресурсы с Востока покрывают 80% потребности Украины, 50 – Восточной и Центральной Европы и свыше 25% – Западной Европы. И эти показатели возрастают. К тому же политизированная ценовая политика поставщика и его конфликты с партнерами по транзиту привели к тому, что многие деятели западного сообщества теперь оценивают сложившееся положение как серьезную угрозу его безопасности.

Реакция на энергетическую опасность

Неблагоприятный для США и их союзников ход войны в Ираке ограничивает их международную активность и в энергетической сфере. Это тем более заметно в условиях роста влияния других центров мировой политики и прежде всего Китая. В 2005 году страна потребила 310 миллионов тонн нефти из них 130 за счет импорта. В дальнейшем неизбежен рост потребности страны в углеводородном сырье, о чем говорят прогнозы западных экспертов. Так, через семь лет величина ВВП страны может достигнуть уровня ФРГ, к 2015 году – Японии, а к 2035 – 2040 году – США.

На требования подписать Энергетическую хартию, предусматривающую гарантированный доступ иностранных компаний к топливной инфраструктуре России, она ответила отказом. Наиболее радикальные политики выступают даже за трансформирование НАТО в военно-энергетический альянс. Однако большинство экспертов считает, что реальная возможность для западных стран получить доступ к источникам сырья – создание совместных консорциумов и фирм. Как бы в подтверждение этого, Россия согласилась допустить немецкие фирмы к разработке крупнейшего в мире Штокмановского нефтегазоконденсатного и Южно-русского месторождений.

Одна из важных стратегических задач ЭБ Запада – поиск альтернативных поставщиков и строительство трубопроводов в обход России. Наибольшим его вниманием пользуются страны Каспийского региона, обладающие богатыми запасами углеводородов. Наглядным примером успеха Запада является введение в строй трубопровода Баку-Тбилиси-Эрзурум-Джейхан (с выходом на турецкий порт). В ближайшей перспективе будут построены нефтепроводы из Казахстана и Туркмении в Азербайджан с присоединением к трубопроводу, идущему до Джейхана. С помощью США, ЕС и Турции вскоре начнется строительство транскаспийского газопровода Средняя Азия-Турция с последующим продлением на Балканы и в Центральную Европу.

Все это свидетельствует о глобальном характере развернувшейся борьбы за стратегический контроль над энергоресурсами и стремлении Запада к демонтажу топливной монополии России. Но острота борьбы не снижается. Продолжается процесс активного внедрения российских транснациональных корпораций в топливный бизнес Казахстана, Узбекистана, Турции, Ирака, Ирана, Алжира, Венесуэлы и других стран.

Поиск системы энергетической безопасности

Апогей активности был связан с подготовкой и проведением саммита „восьмерки“ в Петербурге.

Отстаивая свои позиции, Путин настойчиво подчеркивал необходимость трактовать ЭБ более широко и защищать интересы не только стран-потребителей энергоресурсов, но и государств-поставщиков. Наиболее заметным событием оказалось подключение к саммиту президента Казахстана Назарбаева, который привез целый пакет предложений, направленных на обеспечение ЭБ в Евразии. В опубликованном заключительном документе отсутствуют конкретные обязательства и не содержится упоминаний о согласованной энергетической политике.

В ответ на раздававшиеся на Западе призывы занять жесткую позицию для коллективного давления с целью противодействовать росту цен на газ и получить гарантии стабильности газоснабжения, Россия активно приступила к разработке нефтегазовой политики, ориентированной на Китай.

Любопытная динамика цен на нефть и газ, есть над чем задуматься

С середины прошлого века периодически публикуются прогнозы о том, что запасы в недрах нефти и газа вот-вот будут исчерпаны. Однако сегодня благодаря постоянно вновь открываемым месторождениям запасы не только не снижаются, а даже возрастают. Однако геологические, климатические и географические условия добычи на нынешних месторождениях теперь хуже тех, которые были в 1970-х годах. Представление о том, как

изменилась цена добываемой нефти за последние тридцать пять лет, могут дать следующие цифры. Оптовая цена тонны нефти в 1970-х годах в СССР стоила 3 рубля при затратах на добычу вдвое меньше. В то же время затраты на добычу одной тонны нефти на Ближайшем Востоке равнялась приблизительно одному доллару. При этом цена на мировых биржах была менее 10 долларов за барель (159 литров) или около 65 долларов за тонну. Некоторые эксперты допускают, что в перспективе цена нефти может возрасти до 100 – 120 долларов за тонну. У многих политиков и экономистов это вызывает вполне обоснованное беспокойство.

Грозит ли миру энергетическая катастрофа?

К 2030 году потребность в энергии возрастет в мире еще на 60 процентов. Это значит, добыча топлива должна быть увеличена. Беспокойство вызывает продолжающееся увеличение потребления *моторного топлива* для сухопутного, морского и воздушного транспорта. Наиболее простым и доступным *альтернативным* вариантом сегодня являются *биодобавки* на основе спирта, получаемого из растительного сырья. США планируют через 15 лет 20 процентов потребности в бензине покрывать за счет спирта, производимого из кукурузы. Согласно программе „Зеленая книга“, принятой Евросоюзом, к 2020 году до 20 процентов потребления дизельного топлива должен составлять „*биодизель*“. К этому времени его производство в мире может составить 23 млн.т. В 2007 году в Латвии должен начать работать завод с производительностью около 100 тыс.т в год этого топлива. Однако наибольшего успеха пока добилась ФРГ.

Продолжается работа по расширению применения *сжиженного газа* в качестве экологически чистого моторного топлива.

Специалисты ожидают „прорыва“ в ближайшие несколько лет в производстве легких и емких аккумуляторов вместо бензиновых двигателей.

Большинство автомобильных концернов проводит исследования и испытывает опытные образцы автомобилей с двигателями, работающими на *водородном* топливе. Эксперты предсказывают, что к 2015 г. уже начнется массовый выпуск автомобилей, имеющих новую топливную систему. Однако для этого предстоит сделать крупные вложения в развитие предприятий, производящих водород, и строительство сети заправочных станций. Наиболее крупные шаги в этом направлении также сделаны в ФРГ.

Значительными потенциальными возможностями обладают такие альтернативные источники, как *малая гидроэнергетика*. Минигидроустановки могут работать на довольно малых перепадах уровня стока воды. Среди слабо освоенных возобновляемых источников энергии можно назвать геотермальные источники, тепловые насосы, приливные электростанции.

Большая энергетика

Средний ежегодный прирост мощности электростанций составляет 2,7%. При этом мощность станций, работающих на газе, возрастает на 4,9, а на угле – на 1,3%. Такое соотношение еще больше увеличивает спрос на дефицитный газ. Три проблемы большой энергетики продолжают висеть над обществом, как дамоклов меч. Это дефицит электроэнергии, надежность ее поставки и загрязнение окружающей среды.

Есть ли пути решения этих проблем? Полнее всего их решению отвечает *атомная* энергетика. В настоящее время в мире работает 140 атомных станций, которые удовлетворяют 11% всей потребности в электроэнергии. К 2025 г. их доля возрастет до 30 процентов, хотя и сейчас в ряде стран доля энергии, вырабатываемой на АЭС, уже значительна: во Франции – 76 процентов, Бельгии – 58, Словакии – 50, Японии – 33, США – 23. К этому надо добавить, что стоимость энергии АЭС на 20% ниже, чем станций, работающих на угле, и в 2,5 раза ниже, чем на мазуте. Под влиянием роста цен на топливо интерес к АЭС резко повысился. Только что президент Буш объявил о выделении 30 млрд. долл. для строительства 80 АЭС.

Россия планирует ежегодно вводить в работу по два энергоблока с тем, чтобы к 2020 году довести долю электроэнергии, вырабатываемой на АЭС, до 25%.

Ядерная энергетика (не урановая, а водородная) уже пятьдесят лет рассматривается учеными как направление, способное решить энергетические проблемы человечества. Академик Евгений Велихов еще в начале 1980-х гг. обещал к 2000 г. запустить в работу опытно-промышленный ядерный реактор. Однако сегодня он надеется исполнить свое обещание к 2035 г. Интернациональное строительство подобной установки вскоре начнется во Франции. Перспективное направление большой энергетики – использование бытовых и растительных отходов для производства **биогаза**. В Китае уже работает 10 миллионов установок, которые обеспечивают топливом примерно 60 млн. крестьян. В Европе лидирует Дания: биогаз занимает 18% в ее общем энергобалансе. Заглядывая за горизонт, специалисты предсказывают, что текущее столетие будет временем широкого распространения биотоплива, а основой европейской энергетики станет **водород**. Но вот в чем можно быть совершенно уверенными, это в том, что человечество имеет огромный источник энергии – это ее более рациональное использование или другими словами – **энергосбережение**.

Энергетическая безопасность Эстонии

Этот вопрос пока не имеет достаточно надежного решения. Хотя наличие сланцевой энергетики, производство сланцевого масла, ввод в работу подводного кабеля „Estlink“ повышают надежность энергосистемы страны. Однако газохранилище на территории Латвии, которое планируется расширить в ближайшие годы, все же уменьшает риск лишь кратковременных перерывов в газоснабжении, тогда как для многих бытовых объектов, частных домов и многих предприятий газ – главный или единственный вид топлива.

В свете проблем энергетической безопасности, на наш взгляд, необходима основательная оценка экономических и социальных последствий ожидаемого увеличения цен до мирового уровня на магистральный газ из России.

Не останавливаясь на частных вопросах проблемы ЭБ, хотелось бы выделить два стратегических направления, которые особенно актуальны для Эстонии.

Первое. Ориентация в макроэкономической политике на **структурную перестройку** народного хозяйства страны с целью уменьшения доли производимой энергоемкой продукции и стимулирования перехода на выпуск наукоемких изделий на основе новых технологий, а также развитие современных и других услуг. Это не только уменьшит удельную энергоемкость экономики, но и снизит ее энергозависимость. Одновременно повысится международная конкурентоспособность страны и сократится потребность в кадрах. В итоге именно структурная перестройка обеспечит развитие экономики Эстонии более высокими темпами.

Второе. В условиях продолжающегося удорожания энергоносителей необходимо в программах и планах по обеспечению ЭБ уделить серьезное внимание **бытовому сектору**. Он потребляет почти треть энергоресурсов и при этом имеет недопустимо низкую эффективность их использования. В каждом домашнем хозяйстве и небольшой фирме есть реальные возможности экономии тепла и энергии. Для этого существует множество технических способов, путей и мер. В определенных случаях не обойтись без затрат. Поэтому было бы полезно предусмотреть возможность для владельцев жилищ и небольших фирм брать целевые беспроцентные или льготные кредиты, а также получать консультации специалистов по энергосбережению. Здесь есть место и услугам по энергосбережению и на коммерческой основе.

О возможной эффективности мер по энергосбережению, а следовательно, и повышению ЭБ, свидетельствует опыт зарубежных стран и, в том числе, Франции. После энергетического кризиса 1971 г. благодаря разработке и реализации государственных энергосберегающих программ в последующие десять лет потребление энергоресурсов в стране осталось на прежнем уровне, несмотря на рост ВВП более, чем на треть.

Постановление, принятое на прошлой неделе Еврокомиссией в качестве проекта для обсуждения его в марте на саммите ЕС, призывает к принятию безотлагательных

радикальных мер по обеспечению ЭБ. Предусматривается резкое увеличение ассигнований (на 50 процентов) на исследования в области альтернативных источников энергии и защиты окружающей среды. Доминанта постановления – единая позиция, единый голос, единая энергетическая политика членов ЕС. Понятно, что это непосредственно относится и к Эстонии. По существу, речь идет о необходимости приступить к осуществлению энергетической революции.

Энергетические отрасли науки в Эстонии традиционно находятся на хорошем уровне, имеют высококвалифицированных специалистов, которые способны внести заметный реальный вклад в осуществление на практике призыва Еврокомиссии. В силу своих небольших размеров, Эстония имеет ограниченные возможности влиять на решение глобальных проблем ЭБ, но она имеет все предпосылки, чтобы стать примером того, как небольшая страна способна внести свой заметный вклад в общую для Евросоюза задачу повышения ЭБ. Для того, чтобы осуществить эту задачу на практике, необходимо объединить усилия трех сторон: государственных структур, самого населения и бизнеса, готового подключиться к практической работе по осуществлению энергосберегающих мероприятий. Необходимо четко осознать, что в мире началась энергетическая революция и невозможно остаться от нее в стороне. Чтобы включиться в нее, необходим не только общественный заказ, но и решительные волевые усилия правительства. И в этом оно найдет общую поддержку.

Разработка концепции энергообеспечения Эстонии требует системного эколого-социально-экономического подхода.

Ханон БАРАБАНЕР,

профессор, действительный член-академик Международной Академии биосферных наук,
ректор Института экономики и управления (Таллинн)

Как мы уже писали ранее, выполненные в последние годы в ряде стран системные исследования выявили новые важные тенденции в развитии мировой энергетики, способные оказать существенное влияние не только на социально-экономические процессы, но в целом на миропорядок. Общий вывод этих исследований – энергетика становится определяющим фактором социально-экономического развития как отдельно взятых стран, так и мира в целом.

Энергетика (или точнее, прежде всего энергетика) объективно диктует необходимость усиления всеобщего внимания к четырём позитивным составляющим процесса глобализации (мы здесь говорим только о позитивных составляющих этого процесса, зная и о негативных):

- экономизации;
- экологизации;
- коммуникативности (как информационной, так материально-вещественной);
- социализации.

Энергетическая независимость той или иной страны становится важнейшим фактором её национальной, политической независимости.

Учитывая вышеизложенное, принятие той или иной концепции энергообеспечения Эстонии окажет фундаментальное воздействие на масштабы и характер социально-экономического развития страны и наоборот.

Но что значит принятие той или иной концепции энергообеспечения Эстонии? Какие принципы должны быть положены в её разработку?

Прежде всего очевидно, что в основу должен быть положен системный эколого-социально-экономический подход (кстати, пионерами разработки такого подхода явились в 70 – 80 годах XX столетия эстонские учёные из Института энергетики АН Эстонии, в том числе автор настоящей статьи). При этом компетентное рассмотрение возможных вариантов энергообеспечения Эстонии требует предварительного определения (или получения) ряда прогнозов как регионального (странового), так и мирового характера на период не менее 20-30 лет.

Назовём важнейшие из них:

- прогноз развития экономики Эстонии (естественно в нескольких вариантах), т.е. её направленности, масштабности, энергоёмкости, капиталоемкости, трудоёмкости;
- прогноз численности и развития социально-экономического состояния и быта населения Эстонии;
- прогноз цен на разные виды энергоресурсов как с учётом их запасов, так и с учётом экологических особенностей их использования;
- прогноз надёжности получения тех или иных видов энергоресурсов с учётом политической составляющей в странах их добычи и транспортировки;
- прогноз цен на энергетическое оборудование (с учётом связи этих цен с ценами на металл);
- прогноз стоимости рабочей силы;
- прогноз стоимости капитала;
- научно-технический прогноз усовершенствования и повышения эффективности традиционных методов генерирования, передачи и полезного использования энергии и появления и внедрения новых энерготехнологий.

Такой подход соответствует хорошо себя зарекомендовавшему европейскому методическому уровню проведения такого рода работ (исследований). Результатом такого подхода является установление потребностей страны в топливе и энергии, приблизительно (ибо это прогноз) сбалансированных с возможностями их покрытия за счёт внутренних источников и импорта, нахождение наиболее оптимальных вариантов развития энергетического хозяйства, отвечающих масштабу и характеру развития экономики страны, выявление инвестиционных возможностей для реализации того или иного варианта энергообеспечения. Только такой подход даёт возможность принятия обоснованного решения на уровне законодательной и исполнительной властей. К сожалению, сегодня мы видим ряд необоснованных решений.

Даже одно перечисление требуемых прогнозов для выработки концепции энергообеспечения Эстонии позволяет утверждать, что работа эта требует привлечения широкого круга специалистов и проведения серьёзной научной дискуссии (дискуссий). Ряд проблем при этом подлежит и общественному обсуждению.

К сожалению, слабо ориентирующиеся в системном характере рассматриваемой проблемы лица зачастую некритично распространяют микроэкономические расчёты и тенденциозные прогнозы заинтересованных фирм, отождествляя их с полной макроэкономической оценкой, а ведь различие в этих оценках весьма значительны.

Обратить внимание автора на отмеченные аспекты разработки концепции энергообеспечения Эстонии побудил абсолютно не системный, не научный подход к принятию решения об участии Эстонии в строительстве АЭС в Литве или о строительстве собственной АЭС. Точно такой же дилетантский подход характерен для обсуждения возможностей и перспектив развития «ветровой» энергетики в Эстонии. Приведу лишь характерный образец «обоснования» экономичности ветровой энергетики по сравнению с атомной: «Если у ветровой энергетики срок окупаемости 20 лет, то у атомной 40 лет». И та, и другая цифра, как говорят по-русски, высосаны из пальца.

Не собираюсь в настоящей статье излагать концепцию энергообеспечения Эстонии, ибо, как уже сказано, это работа большого коллектива. Хочу только отметить, что в Эстонии до недавнего времени работала одна из наиболее продвинутых групп специалистов в области общей энергетики, специалистов, признанных в мировом энергетическом и экономическом научных сообществах. Убежден, что привлечение их к обсуждению и решению поднятой проблемы даст серьёзный позитивный эффект.

Новый этап эстонской экономики

Лев ГОЛУБ,

доктор экономических наук, профессор Института экономики и управления (Таллинн)

В основе успешного развития эстонской экономики в прошедшие пятнадцать лет лежали несколько благоприятных факторов:

- удачная денежная реформа;
- успешно осуществленная приватизация;
- рациональная для бизнеса система налогообложения;
- наличие квалифицированной рабочей силы при низком уровне заработной платы.

-

Первые два фактора играли временную роль на начальном этапе перехода от централизованной экономики к рыночной.

Наоборот, два последних обстоятельства действовали на протяжении всех последних лет.

И хотя освобождение от налогообложения реинвестированной прибыли достаточно серьёзный фактор для вложений в эстонскую экономику, все-таки он представляется менее значимым, чем рынок труда.

Главную роль в развитии бизнеса играли хорошие и дешевые кадры.

Сейчас этому приходит конец.

Быстрый рост оплаты труда в частном секторе, особенно в строительстве, проявил тенденцию к началу перехода нашей экономики к новым реалиям.

Повышение заработной платы медицинским работникам, то есть трудящимся уже публичного сектора, эту тенденцию закрепило и сделало по существу необратимой.

Совершенно очевидно, что за врачами последуют и другие группы этого сектора. Особенно те, у которых уровень оплаты труда неоправданно занижена: учителя, спасатели, полицейские.

В принципе рост зарплат – это очень важное и нужное направление развития всей социально-экономической системы страны.

Однако у этого явления есть и резко негативная сторона в случае, когда такой рост оплаты труда не подкреплён соответствующим ростом производительности труда и качеством его результатов. А именно такое положение имеет место в эстонской экономике. Дело в том, что на протяжении многих лет производительность труда в Эстонии составляла порядка 40% от такого показателя в странах ЕС. При этом зарплата была в 3 – 4 раза ниже.

Следовательно, работникам существенно не доплачивали, то есть платили в два раза ниже того, что они зарабатывали.

Для привлечения инвестиций такое положение было весьма заманчивым. Однако в последнее время рост зарплат начал быстро опережать увеличение

производительности труда, и, похоже, данный резерв был почти исчерпан. Можно считать, что зарплата в Эстонии сравнялась с зарплатой в странах ЕС, если принимать во внимание производительность труда работников.

В результате всего описанного, Эстония покидает список стран, важнейшим притягательным фактором которых для бизнеса была дешевая рабочая сила.

Одновременно в экономике Эстонии появились многие отрицательные тенденции:

- Существенным тормозом развития эстонской экономики может стать дефицит рабочей силы, который уже остро ощущается в целом ряде важных отраслей народного хозяйства. Такой дефицит стимулирует в свою очередь рост зарплат, поскольку предприятия начинают конкурировать между собой на рынке рабочей силы.

- В Эстонии быстрыми темпами растет инфляция, которая является основным тормозом перехода на евро.
- Очень быстро возрастает внутреннее потребление, причем в значительной степени за счет кредитов.
- Негативное отношение России к Эстонии, в связи с проблемами «бронзового солдата», может существенно повлиять, даже без официальных санкций, на состояние транзита.
- Недостаточные темпы роста экспорта, по сравнению с увеличением импорта, отрицательно влияют на финансовое состояние всей экономики. Внешнеторговый дефицит составляет порядка 11% ВВП.
- Ценовые пузыри на рынке недвижимости могут прорваться в любой момент и привести к непредсказуемым последствиям.

Можно и еще перечислять негативные явления в нашей экономике.

В противовес им многие политики и политически ангажированные экономисты говорят только о положительных явлениях, в первую очередь о быстром росте ВВП, и благоприятном государственном бюджете.

Однако за всеми этими явлениями нужно видеть сущность изменения всей экономической обстановки в стране, и, что самое главное, изменение характера нашей экономики на мировом рынке.

Нынешняя ситуация требует принципиального иного направления развития всей экономики – переориентации с относительно недорогих и трудоемких работ, на высокотехнологичное и наукоёмкое производство. Только такой переход, причем достаточно быстрый, позволит обеспечить долгосрочное и устойчивое развитие экономики.

Пока еще своих научных и опытно-конструкторских разработок, которые могли бы играть ключевую роль в развитии значительной части народного хозяйства, в Эстонии нет. Конечно, можно надеяться на отечественный бизнес и существующую науку, но вероятность появления работ такого масштаба в этой среде слишком мало.

В настоящее время в Эстонии нет крупных фирм, которые готовы тратить значительные ресурсы на научные исследования и опытно-конструкторские работы. Следовательно, этим должно заниматься государство.

Опыт других развитых стран, в том числе и США, и Японии. И многих других показывает, что в переходе к инновационной экономике как никогда важную роль может и должно играть государство. Причем вектор работ государства в этом направлении должен быть максимально широким.

Во-первых, необходимо резко увеличивать государственные вложения в научные разработки.

Во-вторых, государство должно всесторонне поддерживать предприятия, в том числе в малом и среднем бизнесе, которые работают в инновационных сферах. Тут важна поддержка таких работ за счет венчурного капитала.

В-третьих, нужно резко увеличивать качество образования, и расширять подготовку людей с высшим образованием в области технических и естественных наук. Именно такие специалисты могут стать основой для создания предприятий с современной, наукоёмкой продукцией.

Опасность состоит в том, что если в самое ближайшее время государственная политика в области экономики принципиально не изменится, то время может быть упущено практически безвозвратно. Именно сейчас, когда поступления в госбюджет очень велики, необходимо закладывать в него средства на развитие новых направлений высокотехнологичного производства и на научные исследования. В противном случае, в процессе спада экономической активности найти такие средства будет уже не возможно.

ILLUSIOONIDE OHTLIKKUS

Vlady KELLIK, Avo ORG
Tallinna Tehnika Ülikool

Turg paneb kõik paika. Riik paneb kõik paika. Mõlemad vastakad eksiarvamused on vältimatult illusoorseid, nagu absurdsed äärmused ikka. Tegelikuses puhtakujulisi („kõikseid“) äärmusi mõistagi ei esine, kuid hälbeid ühes või teises suunas küll. Turuülimuslikkuse teisendiks, lisagem, on väide, et raha paneb majanduse paika. Selle väite ohtlikkuses pidi USA veenduma kurikuulsa „monetaristliku eksperimendi“ käigus (1979-1982). Ameerika oma autorid kirjeldavad tulemit sõnadega „laialt levinud pankrotioht ja isegi rahandussüsteemi kokkuvarisemise võimalus“, nii et „raha lakkas olemast hea siht“ [Mayer jt 1993:141]. Majanduse paikapanelise asemel kogeti niisiis paigaltnihutamise tööka. Hullema vältimiseks tuli eksperiment kiiresti lõpetada. UK monetaristlikud püüdlused omakorda lõppesid konservatiivide hävitava lüüasaamisega valimistel (1990). Mis puutub aga brittide äpardumistesse raudtee turujõudude meelevolda andmisega, siis neid valusid saime meiegi oma nahal tunda. Arvukalt leidub aga veelgi kurvemaid, ka suitsiidse lõpuga fakte, mis inimeste poolt turule pandud illusoorsete lootuste purunemisega seonduvad.

Ometi jäetakse pahatihti meenutamata, et 18. s. pööras Adam Smith esmatähelepanu „nähtava käe“ (lepingujõu) ja alles teises järjekorras „nähtamatu käe“ (konkurentsijõu) reguleerivale toimele, pidades seega õigeks turu „kahekäelist“ ehk eel- ja järelreguleerimist. Ta hoiatas otseselt „nähtamatu käe“ kui inertse ja sihipäratu mõjuri toimest tulenevate ohtude eest. Niivõrd kui tema hoiatusi siiski eirati, tulid turuosalistele aja jooksul tõepoolest kätte just need vapustused, mida klassik kartis. Ent nüüdsestki maailmast pole sugugi kadunud pimesikumäng illusioonide „virvatuledega“. Nt ei suuda mitte ainult õppurid, vaid sageli ka õpetajad teha selget vahet reaalaraha ja tinglikku laadi nominaalaraha võimaluste vahel. Ettekujutuste segadikust võrsuvad paljudki enesepetlikud lootused. Need omakorda sünnitavad aeg-ajalt paanikapuhanguid, nagu juhtus nt veebruaris 2007 Lätis, reaktsioonina ühe majandusteadlase ennatlikule mõtteavaldusele meedias. Inimlik eksitus? Mitte päriselt.

Majandusteadust ei saa süüst puhtaks pesta. Vigadest pole vaba ei alus - ega rakendusteadus, millest esimene peajasjalikult tõetsingu, teine optimiotsinguga tegeleb. Kumbagi otsitavat pole põrmugi lihtne leida. Otsingute käigus kohtame tõsiseid raskusi, mida tihtipeale suurendavad otsijate iseseisva mõtlemisvõime vajakud. Probleem saab alguse koolist. Nagu kogu inimühiskonnal tema pika ajaloo vältel, nii tuleb igal inimlapselgi kiirkorras läbida vaimse arengutee kolm põhietappi algsest sünkretistlikust (mitteeristuslikust „ei mina teadnud muud kui seda, mida nägin silmaga“) järgneva taksonoomilise (eristamis - ja rühmitamisvõimelise) ning lõppeks täissüsteemse mõtlemise juurde. Raskeim on viimase astmeni väljajõudmine. Ühekülgusus/poolikus tõkestab teekonda. Mitte üksnes õppurit, vaid, ütleme, ka poliitikut kimbutab kroonilise hädana mõttearenduste „rajalt lahkumise“ oht, mis ei lase kaugeltki kerge vaevaga süsteemsete konstruktiivjäreluste ihaldatud finišini välja jõuda.

Võtkem mõni aktuaalne näide, alates paljukirutud haldussuutlikkusest. Meie haldussüsteemi nõrgestusmõjuriks peetakse õigusega korralduslikku lünklikkust ehk süsteemitut kvaliteedijuhtimist haldusalal, aga samuti nõrka tagasisidestust [Levald 2007:401-402]. Teine näide puudutab loomesuutlikkust. Noorte, kuid mitte ainult noorte mõttehävete ja käitumisvääratuste mõjurit nähakse mitesüsteemsetes väärtushinnangutes, tulenevalt suuresti ka ühiskondlikest väärmõjudest. Nimelt ei leia alati motiveerivat tunnustust (või siis kohtab hoopis kadestavat halvaksapanu) kodumaine panustavat laadi loometegevus, samas kui ausse upitatakse hedonistlikku saamapaleust. Mõne analüütiku arvates lükkab taoline enesehävituslik hoiak märgatava osa inimesi illusoorsest virtuaalmaailmast („virvatuledest“) või mängupõrgust

lohutust otsima [Luiker 2007:5]. Ettevõtjatel omakorda, nagu nähtub sellekohasest rahvusvahelisest uuringust, jätab soovida riskianalüüsi süsteemsus. Ohtude liiga kitsa hindamise tõttu ei teadvustata piisavalt strateegilisi riske [Mere 2007:4]. Maailmapanga hinnangul võib meie jätkuv sisetarbimise kasv väliskaubanduse defitsiidi suurenedes kollapsiga lõppeda [Laanjärv 2007:23]. Need on vaid üksikud fragmendid paljude ärevusttekitavate häiresignaalide hulgast. Kõigi nende ühisnimetajaks on vaegsüsteemsus.

Kuivõrd öeldu ikkagi majandusteadust puudutab? Teaduse ebameeldiv kohustus seisneb ohtlike illusioonide purustamises, mistõttu hoopis halb oleks koguni omapoolsete illusioonide külvamisega tegelda. Paraku tuleb seda ette. TÜ eksdekaan nt leiab, et „pikka aega ei vastanud *economics* ootustele. Ta tegeles nn puhta teadusega, millel oli tegelike probleemidega vähe pistmist“ [Sepp 2006:17]. Siinkohal peetakse silmas marginalismi, mis on vägeva formalismikantsi püstitanud. Ägedatest rünnetest hoolimata on see kants üle 130 a. vastu pidanud. Ründajad pole „Trooja hobust“ leidnud. Selle asemel on nüüd avastatud omamoodi peitpomm, mis oli olnud märkamatu otse kantsi südamikus kogu aeg varjul. Meenutagem kunagist analoogiat: enne A. Marshalli ei märgatud võimalust viia pakkumis-nõudluskõverad kokku ja nad niimoodi „käärideks“ ühendada. Peitpomme töid võib-olla ettevaatamatusest oma õpiku joonisel 37-3 (uuemas väljaandes 34-3) päevavalgele ameerika marginalistid C. R. McConnell ja S. L. Brue. Kui robinsonaadlik põhimõte oli varem dikteerinud nõude vaadelda iga indiviidi valikueelistusi eraldi, siis nimetatud teoreetikud viisid skeemide varal kokku vaese A (Andersoni) ja rikka B (Brooksi) eelistuskõverad. Tulemus oli rabav: kahe indiviidi summaarse piirkasulikkuse maksimeerimine eeldab tulude täielikku võrdsustamist! Ent ühtaegu tõukab lesseferne individualism just ebavõrdsuse maksimeerimise poole. Ilmneb kahe lepitamatult vastaka maksimeerimise antagonism. Formalismi pinnale jäädes kujuneb täiesti absurdne olukord, mis ei lase mingit optimaalset lahendit leida. Reaalse optimumi leidmine eeldab formalismi ahelate purustamist ja empiirika pinnale astumist. Sellega, leiavad kriitikud, on marginalismi tuumik purunenud. Kuid inertsi jõud hoiab mõttekäike ikka veel formalismi trendil. Tähendab illusioonide vaimne toitepinnas pole kuhugi kadunud.

Ohtlikkuse medalil, tõdegem, on teinegi külg. Kuna praeguses elus aeg järjest kallineb, sest inimaja tihenemise seaduse toime tugevneb, siis võib õppurite aja formalistliku tuupurluse altarile ohverdamine talumatult kahjulikuks raiskamiseks muutuda [Hubiev 2006:52]. Pealegi ei piirdu kahjurlus öelduga: „pühade dogmade“ külge klammerdumine pärsib iseseisvat mõtlemisvõimet. Milline võiks siis alternatiiv olla? Kas ehk institutsiooniökonomika? Tõsi, olles eluvõõra formalismi kantsist elu avarustele välja murdnud, tõi see õpetus „majandusteooria jälle maa peale tagasi“ [Sepp 2006 : 10]. Ja mitte ainult seda. Tänu marginalismile omase staatilist laadi antihistorismi hülgamisele tehti kindel panus historismile. Sellisena väärib antud mõttesuund küll tõsist tähelepanu, kuid samas on mainitud koolkond märgatavalt teise äärmuse poole hälbinud. Peamine viga seisneb pinnalibistusliku ajalookirjelduse (deskriptiivse metodoloogia) võimaluste ületähtsustamises süvaanalüüsi kahjuks. Nii jääb paraku täissüsteemsusest vägagi palju puudu.

Pöörakem lõpuks tähelepanu majandussubjektile. Omamoodi paradoks seisneb selles, et kuigi marginalismi nn austerlaste tiiba subjektivistlik-psühholoogiliseks koolkonnaks kutsutakse, on marginalism just majandussubjekti uuringud täiesti unarusse jätanud. Nn agent on pigem abstraktne figuur või mänguteoreetiline marionett kui elav subjekt. Tekkinud tühimikku ei ole aga kuigivõrd täita suutnud ka institutsiooniökonomika. Järelikult on tegemist mõlemale, ehkki muidu vastandlikule mõttesuunale, ühise lüngaga. Majandusteooria vajab tõesti, nagu sageli öeldakse, teatavat „sotsiologiseerumist“, kuid seda siiski mitte mingil juhul sõna otseses mõttes. Uurimismeetodid erinevad suuresti. Majandusteooria peaülesandeks jääb faktilähtese süvaanalüüsi taotlus. Induktsioonimeetodi taoti täheldatav halvustamine deduktsiooni ületähtsustamise juures vajab kriitilist mõtestamist, sest ohtlikud illusioonid kipuvad sündima pigem siiski deduktsiooni kui induktsiooni pinnal. Tõetsingu, nagu ka optimumiotsingu lõppkriteeriumid peituvad lakkamatult muutuva elu enda rüpes.

Kirjandus

- Hubiev, K. 2006. O problemah nautšnoi metododlogii // Ekonomist № 10.
- Laanjärv, O. 2007. Kõik pole kuld, mis hiilgab // Äripäev, 21. veebr.
- Levald, H. 2007. Eesti haldus vajab kvaliteedijuhtimist // Akadeemia nr. 2.
- Luiker, L. 2007. Vähem riiki ja rohkem tõhusat turgu // Postimees / Majandaja, 21. veebr.
- Mayer, T., Duesenberry, J., Aliber, R. 1993. Raha, pangandus ja majandus III. Tallinn: EMI.
- McConnell, C.R., Brue, S. 1990. Economics.
- Mere, M. 2007. Ettevõtja vajab kaalutletud riskipilti // Postimees / Majandaja, 21. veebr.
- Sepp, J. 2006. Majandusarengu institutsionaalsed tegurid. Tartu : TÜ.

**II. TURG. RESSURSID.ŌIGUS
MUDELID JA MENHANISMID**

**РЫНОК. РЕСУРСЫ. ПРАВО
МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ**

МАРКЕТИНГ КАК ФИЛОСОФИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕСОМ

Владимир КОЛЧАНОВ,

профессор Международного института менеджмента (Санкт-Петербург)

Опыт использования маркетинга на его родине - в Соединенных Штатах Америки - насчитывает уже более 50 лет, что позволило ему зарекомендовать себя в качестве высокоэффективной концепции экономического поведения, подтвержденной практикой.

В ряде других стран Западной Европы, например в ФРГ, активное применение маркетинга началось позже, в основном во второй половине 60-х годов, когда народное хозяйство этих стран было полностью восстановлено после второй мировой войны и достигло близкого к современному уровня развития.

Причиной этого является то обстоятельство, что результативное использование маркетинга становится возможным (и целесообразным) только при наличии ряда объективных рыночных условий, а именно только тогда, когда *«рынок продавца»* преобразуется в *«рынок покупателя»*.

Под *«рынком продавца»* обычно понимают такой рынок, на котором спрос на товар превышает его предложение. В этой ситуации, которая, например, преобладала в России до сравнительно недавнего времени практически на всех секторах рынка по большинству товарных групп, особенно в части потребительских товаров, перед предпринимателем стоят задачи в основном в области снабжения, производства и финансирования, в то время как проблемы сбыта не возникает. На рынке доминирует продавец, а наиболее активным деятелем рынка приходится быть покупателю. В этом случае *«деньги бегут за товаром»*.

«Рынок покупателя» имеет место тогда, когда предложение в целом преобладает над спросом и покупатели (или потребители) имеют достаточный выбор среди предлагаемых им товаров и услуг. На таком рынке больше власти имеют покупатели, а наиболее активными деятелями рынка становятся производители и продавцы. В этом случае *«товару приходится бегать за деньгами»*.

Исторически можно выделить несколько стадий стратегической ориентации современного предпринимательства:

- **ориентация на производство** (концепция совершенствования производства)- сосредоточение усилий предприятия на вопросах производства и повышения эффективности системы распределения. Цель - снизить издержки за счет улучшенной организации производства при сохранении высокого качества продукта;
- **ориентация на продукт** (концепция совершенствования товара) - фокус приложения усилий предприятия направлен на создание продукта, обладающего высокими потребительскими качествами;
- **ориентация на торговлю** (концепция интенсификации коммерческих усилий)- фокус приложения усилий предприятия направлен на создание эффективной системы сбыта;

- **ориентация на маркетинг** (концепция маркетинга) - фокус приложения усилий предприятия направлен на создание и сбыт продукта, максимально отвечающего потребностям покупателя;
- **ориентация на общество** (концепция социально-этического маркетинга) - задачей предприятия становится установление нужд, потребностей и интересов целевых рынков и обеспечение желаемой удовлетворенности более эффективными и более продуктивными, чем у конкурентов, способами с одновременным сохранением или укреплением благополучия потребителя и общества в целом.

В настоящее время в научной и популярной литературе можно найти несколько сотен разнообразных определений маркетинга, отражающих различные подходы к трактовке этого понятия, подчас весьма противоречивые.

Обычно выделяют два исторически сложившихся направления в маркетинге.

Традиционный маркетинг понимается как:

- предпринимательская деятельность, которая управляет продвижением товаров и услуг от производителя к потребителю или пользователю; или*
- социальный процесс, посредством которого прогнозируется, расширяется и удовлетворяется спрос на товары и услуги посредством их разработки, продвижения и реализации.*

При этом подходе предполагается, что главное в маркетинге - физическое перемещение товаров и услуг, преувеличивается роль товароснабжения и каналов сбыта. Игнорируется то, что маркетингом часто занимаются и государственные организации, упускается важность взаимодействия покупателей и продавцов, а также сильное воздействие на маркетинг различных социальных групп – таких как служащие, профсоюзы, акционеры, объединения потребителей и государственные органы.

Однако объектами маркетинга могут быть не только товары и услуги.

Современный маркетинг понимается как

Процесс планирования и воплощения замысла, ценообразование, продвижение и реализация идей, товаров и услуг посредством обмена, удовлетворяющего цели отдельных лиц и организаций.

(Определение Американской ассоциации маркетинга - АМА, 1985 год)

Или более широко:

Маркетинг - предвидение, управление и удовлетворение спроса на товары, услуги, организации, людей, территории и идеи посредством обмена.

(Дж.Р.Эванс, Б.Берман)

Существуют значительные разногласия в отношении определений маркетинга. Многие зарубежные специалисты считают, что это понятие должно быть расширено и должно включать непредпринимательскую деятельность. Другие критикуют подобные толкования, подчеркивая, что маркетинг:

- должен связываться с куплей и продажей
- имеет традиционные области применения, которые только и должны учитываться
- должен ограничиваться исследованием экономических потребностей и желаний, поэтому не все виды обмена имеют маркетинговый характер
- принципы маркетинга применимы не ко всем ситуациям

Необходимо понимать, что хотя концепция маркетинга и позволяет анализировать, максимизировать и удовлетворять потребительский спрос, она является лишь руководством к планированию. Фирма должна также учитывать свои сильные и слабые стороны в таких областях, как производство, технология, финансы, сбыт. Планы маркетинга должны увязывать цели, требования потребителей и ресурсные возможности.

Кроме того, необходимо оценивать воздействие конкуренции, государственного регулирования и другие силы, внешние по отношению к фирме.

Современная концепция маркетинга схематично представлена на рис.1

Рис. 1. Схематичное изображение концепции современного маркетинга

Несмотря на преимущества маркетингового подхода, широко распространенную практику создания всевозможных подразделений маркетинга, признание его важности, по оценкам экспертов, лишь небольшая группа крупных корпораций действительно понимает и практикует "настоящий" маркетинг. Наличие занятых им больших отделов и разработка соответствующих планов не обязательно означают, что компания применяет эту концепцию должным образом.

Данная ситуация типична и для многих российских предприятий. Ориентируясь на модное понятие "маркетинг", но плохо представляя себе его сущность, руководители часто ограничиваются простым переименованием отдела сбыта в отдел маркетинга, его начальника – в начальника отдела маркетинга (или заместителя директора по сбыту, коммерческого директора - в директора по маркетингу), не меняя поставленные перед этой службой задач, полномочий и областей принятия решений и ответственности, а также не обновляя кадровый состав и не повышая уровень его подготовленности.

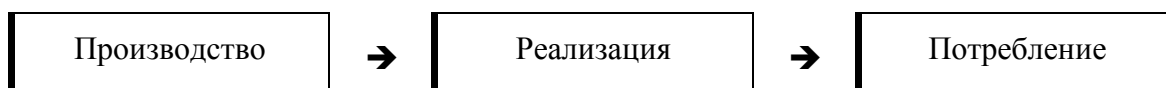
Маркетологи должны быть по возможности освобождены от повседневных проблем предприятия, действовать творчески, как мозговые центры фирмы, определять выгодные возможности для компании и предлагать реальную стратегию для их исполнения.

Некоторые коренные отличия между сбытом и маркетингом приведены в таблице 1 и на рисунке 2.

Таблица 1. Отличия маркетингового и сбытового подходов

Сбыт	Маркетинг
Ориентация на объем продаж	Ориентация на прибыль
В центре внимания - покупатель (клиент)	В центре внимания - потребитель, товар, сектор рынка
Краткосрочное планирование (результат)	Долгосрочное планирование (стратегия)
Тактическое (практическое) мышление	Стратегическое (аналитическое) мышление
Работа на местах	Работа на местах и в конторе

СБЫТОВОЙ ПОДХОД

МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД

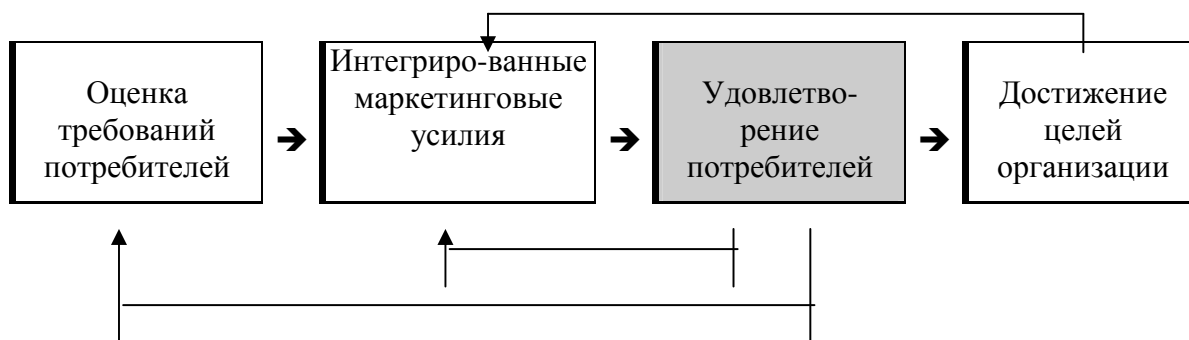

Рис. 2. Сущность маркетингового и сбытового подходов

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что

мы встречаемся с маркетинговой ситуацией на "рынке покупателя", где покупатель с тактической точки зрения находится в лучшем положении, чем продавец:

- предложение превышает спрос (перевес предложения или отсутствие спроса)

- сбыт является узким местом предприятия, по причине чего оно сначала должно направить свои усилия на пробуждение спроса (устранение дефицита спроса) и на систематическое поддержание заинтересованности у покупателя.

При этом предприятие должно:

- осуществлять последовательную привязку всех принимаемых решений, имеющих отношение к рынку, к потребностям покупателя (*маркетинг как максима*)
- направлять свои усилия на создание преимуществ у себя и на сокращение числа преимуществ, имеющихся у конкурентов; достигаться это должно через целенаправленные мероприятия со стороны предпринимателя (*маркетинг как средство*)
- добиваться систематического, последовательно ориентированного на условия рынка и использующего последние достижения в области науки и техники принятия решений при организации производства, сбыта и коммуникаций (*маркетинг как метод*)

В последнем случае маркетинг рассматривается как специфическая основополагающая установка (стиль мышления) или *философия управления* бизнесом, которую можно определить следующим образом:

Концепция маркетинга - это ориентированная на потребителя, интегрированная целевая философия фирмы, организации или человека.

Понятие *коммерческий маркетинг* означает, что его непосредственной целью является получение предпринимательской прибыли.

С точки зрения потребителей различают **три основные формы коммерческого маркетинга**.

а) Маркетинг потребительских товаров

Эта форма маркетинга направлена, как правило, на последнюю ступень экономического процесса - индивидуальное потребление, или на конечного пользователя.

Несмотря на различия между отдельными категориями товаров для всех видов маркетинга товаров широкого потребления характерны следующие общие признаки:

- оригинальность спроса (потребности)
- большое число носителей спроса
- большая доля индивидуальности при принятии решения
- многоступенчатый косвенный (опосредованный) сбыт
- анонимность рыночного контакта

Исходя из этого, маркетинг потребительских товаров требует наиболее тщательной проработки как самого товара, так и каналов его продвижения к потребителю.

С точки зрения производителя различают следующие **направления потребительского маркетинга**:

- на потребителя - *пул-маркетинг (Pull-marketing)*, при котором акцент делается на рыночную обработку конечного потребителя, "*спрос тягивается на товар*";

- на торговлю - *пуш-маркетинг (Push-marketing)*, при котором акцент делается на торговые организации, заставляя их активной продажей "давить на спрос предложением товара";
- *вертикальный маркетинг* предполагает тесную координацию усилий производителя и торговля на всех ступенях производства и реализации товара.

б) Маркетинг инвестиционных товаров (промышленный маркетинг)

Эта форма маркетинга направлена на сбыт факторов производства, используемых в основном предприятиями и организациями для дальнейшего производственного потребления.

Его особенности требуют учета следующих факторов:

- производная потребность (определяется спросом и потребностью в конечных или промежуточных продуктах)
- коллективность и формализованность принятия решений
- высокие централизация и концентрация спроса
- прямой процесс переговоров и совершения сделок
- особые акценты при использовании инструментов маркетинга (кредит, особые условия поставки и платежа, лизинг, франчайзинг и т.п.)
- высокая степень интернационализации рынка

Кроме того, для промышленного маркетинга характерны относительно большая длительность процесса принятия покупателями решений, рациональность их поведения и другие особенности.

в) Маркетинг услуг (сервисный маркетинг)

Его объектом являются услуги, то есть самостоятельно рыночно потребляемые результаты. Различают также потребительские и инвестиционные услуги.

Особенности предложения услуг характеризуются следующими признаками:

- абстрактность, нематериальность (иногда иррациональность) результата
- неотделимость от источника
- неспособность к хранению и складированию
- нетранспортируемый результат (за исключением редких случаев)
- часто индивидуальное, одноразовое предоставление
- трудно стандартизируемый результат

В маркетинге услуг акцент делается на обеспечении тесноты связи с потребителем и предоставлении комплекса услуг одновременно "из одних рук".

Наряду с коммерческим маркетингом, в настоящее время активно используется и *некоммерческий маркетинг*:

- маркетинг отдельных лиц:
 - маркетинг знаменитостей
 - маркетинг политических деятелей
 - самомаркетинг
- общественный маркетинг:

- программа борьбы с курением и алкоголизмом
- программа борьбы со СПИДом
- экологическая пропаганда и т.п.

Tootlikkuse mõõtmise ja andmebaaside täiustamise probleemid

Eedo KALLE,

Tallinna Tehnikaülikool

Tootlikkus on majandamise, heaolu ja konkurentsivõime oluline näitaja. Maailma majandusajalugu on näidanud, et tootlikkus on majanduskasvu ja konkurentsivõime põhitegur nii makro- kui mikrotasandil. Tulenevalt riikidevahelise konkurentsi teravnemisest, süvenevast tööjõu puudusest ja sellega seotud palgakasvust, on tootlikkuse tõstmine Eesti majanduse võtmeküsimus. Kuid tootlikkus ei suurene automaatselt ega stiihiliselt vaid teatava juhtimissüsteemi kaudu, nagu näitavad arenenud riikide pikaajalised kogemused. Selle juhtimissüsteemi esmaseks lüliks on tootlikkuse mõõtmine, millele toetuvad järgnevad juhtimisfunktsioonid (analüüs ja hindamine, prognoosimine ja plaanimine, tootlikkuse kasvuprogrammi koostamine ja evitamine jt). Erinevatel juhtimistasanditel on muidugi teatav eripära tootlikkuse aspektides, kuid kui puudub konkreetne ja usaldatav tootlikkuse mõõtmisüsteem, siis ei hakka toimima ka tootlikkuse kasvu juhtimissüsteem.

Eestis puudub tootlikkuse juhtimissüsteem nii riiklikul, regionaalsel, harulisel kui ka enamasti ettevõtete tasandil. Selle üks põhjusi on seotud tootlikkuse mõõtmise problemaatikaga. Kui makrotasandil on tootlikkuse mõõtmisüsteem teataval määral väljaarendatud, siis regionaalsel ja ettevõtete tasandil on see episoodiline või puudub täielikult.

Lihtsustatud käsitluses ja kõige üldisemalt võidakse makrotasandil tootlikkust arvutada kui sisemajanduse koguprodukti (-toodangu) (SKP) ja elanike arvu jagatist. See näitaja esitatakse Eesti Statistikaameti (ESA) aastaraamatutes (1), rahvusvahelistes statistikaväljaannetes ja konkurentsivõime võrdlustes (2). Seejuures võib SKP olla kas jooksev- või püsivhindades. Riikidevahelistes võrdlustes arvutatakse SKP nn ostujõu pariteedi järgi, mis elimineerib hinnataseme erinevused riikide vahel ja arvestab rahvusvaluuta tegelikku ostujõudu.

Kuid SKP elaniku kohta ei ole päris adekvaatne tootlikkuse näitaja, sest kogu elanikkond ei tööta. Täpsem makromajanduslik tootlikkuse näitaja on SKP (püsivhindades) ühe hõivatu, töötaja või töötunni kohta. Kahjuks just neid näitajaid ei avalda ESA regulaarselt ja Eesti andmed selguvad välismaiste allikate (Eurostat, IMD, Conference Board jt) kaudu.

SKP juures tuleb arvestada, et sagedased meetodika muudatused (Eurostat'i poolt) komplitseerivad näitaja ja seega ka tootlikkuse võrreldavust dünaamikas. Kuid problemaatiline on ka SKP näitaja sisuline olemus, kus ei tehta vahet kulude ja tulude, kahjuliku ja tootliku, jätkusuutliku ja mittejätkusuutliku tegevuse vahel. Igasugused pahed (kulud seoses kuritegevuse ennetusega, keskkonna saastega jms) kasvavad SKP-d ja teevad näitaja sotsiaalse väärtuse küsitavaks. Ilmselt tuleks täiustada SKP arvestusmetodoloogiat või konstrueerida uus sotsiaalselt korrektsem majandustegevuse näitaja.

ESA avaldab regulaarselt tootlikkuse näitajaid iga-aastases kogumikus „Ettevõtete majandusnäitajad” (3) ja elektroonilises kvartalibülletäänis (4). Aastakogumikus esitatud andmed on kogutud statistika aruannetega „Ettevõtte kompleksne kalendriaasta aruanne” (EKOMAR). See on riiklik aruanne, mis on väljatöötatud rahvamajanduse arvepidamise süsteemi, Euroopa Liidu statistika organisatsiooni Eurostat ja infotarbijate vajadusi arvestades. Statistiline üksus on äriühing. Hõlmatakse ainult kaupu ja mittefinantsteenuseid tootvaid äriühinguid. Eelarveliste asutuste ja organisatsioonide andmeid ei haarata. Erasektoris kuuluvate väikeste ettevõtete (1-19 tööga hõivatut) andmed kogutakse valikuuringutega. 2004. aastal hõlmati valikuuringuga

30% üldkogumi äriühingutest. Kuna algandmed on kogutud osaliselt valikuuringuga, siis sisaldavad kõik koondandmed valimi juhuslikkusest tingitud viga ehk valikuviga. 2004. aastal hälbis tegevusalade netokäibe suhteline viga 0 - 5,9% ja töötajate arvu suhteline viga 0 – 3,05% (3, lk. 141). Seega on teatav viga ka tootlikkuse näitajates, kuid see on suhteliselt väike.

ESA aastakogumikus „Ettevõtete majandusnäitajad” ja elektroonilises kvartalibülletäänis esitatakse tegevusalade lõikes realiseerimise netokäibe ja lisandväärtuse alusel järgmised tootlikkusnäitajad: tööviljakus, tunnitootlikkus, töökulude tootlikkus ja kogutootlikkus. Seejuures realiseerimise netokäibe on jooksevhindades. Tööjõukulud koosnevad palgast ja sellelt arvestatud sotsiaalmaksust ja töötuskindlustusmaksust.

ESA aastakogumiku „Ettevõtete majandusnäitajad” kasutamisel on järgmised eelised:

- aastakogumik (nagu ka teised ESA väljaanded) on rahvusvaheliselt tunnustatud (kakskeelne) ja andmete arvutusmetoodika rahvusvaheliselt kooskõlastatud (Eurostatiga) ning võrreldav;
- esitatakse info kogumi, valimi, valikuvea, andmete üldistamise, põhimõistete ja tootlikkusnäitajate arvutusvalemite kohta. Viimased on juhiseks ettevõtetele ja uurijatele tootlikkusnäitajate väljaarvutamisel, mis on siis võrreldavad ESA vastavate andmetega;
- väljaarvutatutena on esitatud kaheksa olulist tootlikkusnäitajat kahe aasta kohta põhiliste tegevusalade lõikes ja ettevõtete sektor kokku.

Kuid aastakogumiku statistikal on ka teatavad puudused ja probleemid:

- tootlikkusnäitajate arv on piiratud. Ei arvutata materjalide, energia ja põhivara tootlikkusi;
- tootlikkusnäitajad on jooksevhindades, mis ei võimalda leida tootlikkuse sisulise muutumise (välistades hindade mõju) dünaamikat;
- tootlikkusnäitajad on esitatud põhiliste tegevusalade lõikes ja seega ei nähtu allharude tootlikkused;
- suur ajaline nihe (ajaviibe) andmete tekke ja avaldamise vahel. Näiteks 2004. aasta tootlikkusnäitajaid sisaldav kogumik ilmus alles 2006. aasta teises kvartalis;
- teatav viga algandmetes, mis tuleneb valikuuringust. Lisaks tekib veel teatav viga seoses andmete esitamata jätnud ettevõtete andmete tingliku tuletamisega.

ESA elektroonilise kvartalibülletääni eelisteks on:

- väiksem ajaviibe (üks kvartal). Tootlikkuse näitajate jälgimine ja analüüs on võimalik neli korda aastas;
- võimaldab leida andmed tegevusalade allharude tootlikkuste kohta.

Nende kahe eelise võrra on vähem probleeme tootlikkuse andmetega võrreldes paberikandjal aastakogumikuga. Seega ülejäänud kolm probleemi (puudust) on ühised nii elektroonilisel kvartalibülletäänil kui paberil aastakogumikul. Paraku on aga aastakogumiku ja elektroonilise kvartalibülletääni vahel ka mõningad suuremad metodoloogilised erinevused. Aastakogumikus arvutatakse lisandväärtus Eurostati metoodika järgi, elektroonilises kvartalibülletäänis aga lihtsustatud otsearvutusega. Tööviljakus leitakse aastakogumikus töötajate keskmise arvu, elektroonilises kvartalibülletäänis tööga hõivatute keskmise arvu suhtes. Sisuliselt õigem on ettevõtlusstatistikas kasutada tööga hõivatud isikute arvu.

Peale ESA andmebaasi on tootlikkuse näitajad leitavad kasutades Kredidiinfo ja Äriregistri andmebaase.

Krediidiinfo AS andmebaas (5) võimaldab tellida (teenustasuga) koopia ettevõtete aastaaruannetest ja majandusaasta bilansist. Andmed pärinevad äriregistrile esitatud aruannete originaalidest. Tootlikkuse näitajad tuleb ise arvutada.

Netokäibe alusel on leitavad töoviljakus, töökulude tootlikkus, materjalitootlikkus, kogutootlikkus jm. Võib konstrueerida ja arvutada ka spetsiifilisi tootlikkusnäitajaid nagu müügitootlikkus (netokäive jagatud turustuskuludega) jt. Samuti on leitav klassikaline tegurirühma tootlikkus kui netokäive jagatud tööjõukulude ja põhivarakulumi (so kapitalikulu) summaga.

Lisandväärtuse näitajat Krediidiinfo andmebaas ei sisalda ja see tuleb ise arvutada. Lihtsustatult on see leitav kui realiseerimise netokäive miinus kulud kokku pluss tööjõukulud ja pluss põhivara kulum. Edasi on nüüd arvutatavad ka tootlikkusnäitajad lisandväärtuse alusel. Kuid lihtsustatud meetodil leitav lisandväärtus ei ole täpselt vastavuses Eurostati metoodikaga.

Krediidiinfo andmebaasi plussideks on:

- võimalus tekitada ise sobilik andmebaas ettevõtete suuruse (töötajate arv, käive, kapital), müügiturgude, toodete jne. sarnasuse põhjal ning selles ettevõtete grupis (klastris) arvutada tootlikkusnäitajaid ja teha analüüse;
- võrdlusettevõtete tausta parem teadmine (raamatupidamise korrektsus, spetsiifika – allhange või oma tootmine jms);
- võrreldes riikliku statistikaga saab leida rohkem spetsiifilisi ja ettevõtte jaoks olulisi näitajaid (sh tootlikkused).

Miinustena tuleb Krediidiinfo andmebaasi puhul välja tuua:

- tootlikkuse näitajad tuleb ise välja arvutada;
- info on saadav suhteliselt pika ajaviibega, realselt 7-9 kuud pärast majandusaasta lõppu;
- võib tekkida probleeme ja küsitavusi andmete võrreldavuses ning usaldusväärsuses – erinevate ettevõtete raamatupidamise korraldus, kulude jaotus jm võib olla erinev;
- rahalised näitajad on jooksevhindades, mis ei võimalda leida tootlikkuste sisulise muutumise (välistades hindade mõju) dünaamikat.

Äriregistri infosüsteem (6) põhineb äriregistrile esitatud Eesti ettevõtete tegevus- ja finantsaruannetel (aastaaruanded, kasumiaruanded).

Kõrvuti aastaaruandega võib tootlikkuse mõõtmisel pakkuda huvi ettevõtte kasumiaruanne. Seal on leitav müügi käive ja kulud (töö-, materjali-, turustus- jm. kulud). Bilansist on leitavad ettevõtte käibevara ja põhivara. Nende andmetega on võimalik konstrueerida ja arvutada mitmeid tootlikkuse näitajaid, millised mainiti juba eespool.

Kuna Äriregistri infosüsteem (tootlikkusnäitajate leidmisel) põhineb oluliselt ettevõtete aastaaruannetel ja bilansil, nagu Krediidiinfo andmesüsteemgi, siis kehtivad viimase plussid ja miinused ka Äriregistri puhul.

Seega erinevatel andmebaasidel on omad eelised ja puudused. Andmebaasi valiku võib oluliselt määrata kasutamise eesmärk ja objekt. Kui uuritakse (analüüsitakse) tootlikkusnäitajate taset makrotasandil ja tegevusalati, siis tuleks kasutada Eesti Statistikaameti informatsiooni. Statistikaameti infot saab kasutada ka ettevõtte tasandil. Kui ettevõtte teab millisesse tegevusalasse (või selle allharnusse) ta kuulub, siis on võimalik võrrelda ettevõtte tootlikkusnäitajate taset antud tegevusala (või allharu) vastava tootlikkusnäitaja keskmisega. See on lihtne otsevõrdlus (nn benchmarking analüüs). Kui aga on vaja uurida üksikettevõtte või

teatud ettevõtete grupi (klastrid) tootlikkusnäitajaid, siis peaks kasutama Äriregistri või Krediidinfo andmebaase. Kuid tootlikkusnäitajad tuleb nüüd ise välja arvutada.

Meie andmebaasid (ESA, Äriregister, Krediidinfo) tuginevad ettevõtete andmetele (EKOMAR vorm jms). Kuna statistika vormid ei nõua tootlikkusnäitajaid, siis nende arvutamine (sisuliselt tootlikkuse mõõtmine) on ettevõtete otsustada. Uuringud näitavad, et tootlikkuse mõõtmine ettevõtetes on enamasti episoodiline või puudub hoopiski. Tootlikkusena käsitletakse sageli ainult töövõljakust, mis on aga kõigest üks osatootlikkuse näitaja. Vähene on huvi kapitali, materjalide, energia ja kogutootlikkuse suhtes. Samuti puudub selgus teguri (ehk kulude) rühma tootlikkuse vajalikkusest ja arvutusviisidest (kas töö- ja kapitalikulu otsesummana või integreeritud seostamine).

Teaduslikus aspektis vajab edasist uurimist informatsiooni tootlikkus, samuti immateriaalse vara tootlikkus ja nn kõikehaarav ehk igakülgne tootlikkus, milles avaldub nii materiaalse kui immateriaalse vara mõju. Problemaatiline on ka tootlikkuse mõõtmine teenuste- ja valitsemissektoris (avalikus majanduses). Makrotasandil tuleks uurida tootlikkuse mõõtmist rahvamajanduse kogutoodangu ja rahvatulu alusel.

Tootlikkuse järjest suurenev tähtsus Eesti arengus tõstatab küsimuse infosüsteemi täiustamisest riiklikul, regionaalsel ja harulisel tasandil. Valitsus, regioonid, tööandjate ja ametiühingute liidud, haruliidud, ettevõtted jt. vajavad informatsiooni tootlikkuse näitajate tasemest ja dünaamikast. Ilma sellise infota on mõeldamatu tootlikkuse tõstmise sihipärane juhtimine. Oleks vajalik luua kompleksne regulaarne statistikakogumik „Tootlikkus”. See haaraks kõik Eesti tegevusalad ja sektorid ning maakonnad, esitaks tootlikkusnäitajate taseme ja dünaamika, tootlikkuse rahvusvahelised võrdlused, analüüside, uuringute ja prognooside tulemused.

Kasutatud allikad

1. Eesti statistika aastaraamat. 2006. Tallinn, Statistikaamet, 2006.
2. Eesti rahvusvaheline konkurentsivõime 2006. Aastaraamat. Tallinn, Eesti Konjunktuuriinstituut, 2006.
3. Ettevõtete majandusnäitajad 2004. Aastakogumik. Tallinn, Statistikaamet, 2006.
4. Eesti Statistikaameti veebileht: www.stat.ee. Rubriik „Statistika”, alamrubriik „Statistikaväljaanded/E-väljaanded”.
5. Krediidinfo veebileht: <http://krediidinfo.ee/>
6. Äriregistri veebileht: <https://ar.eer.ee/>

Mõtteid Euroopa Liidu tööturust

Lembo TANNING,

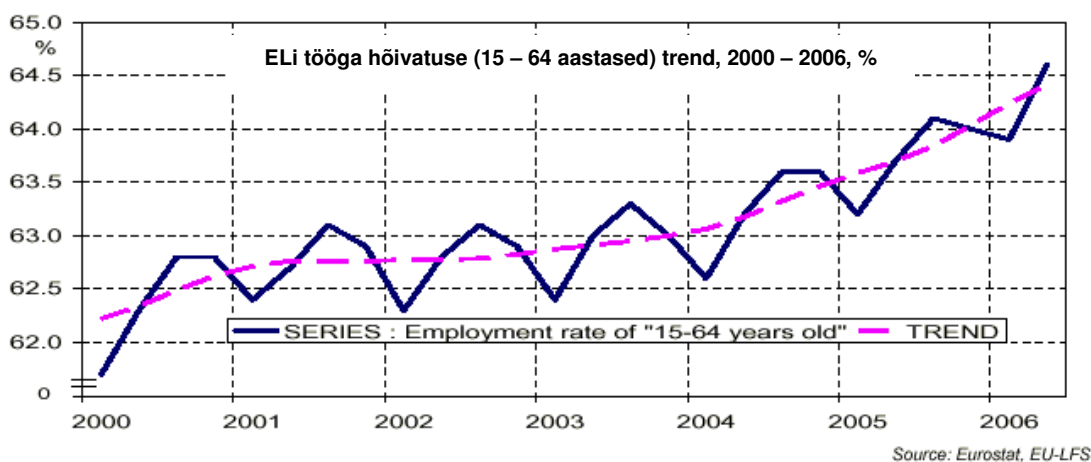
Ph.D., Tallinna Tehnikakõrgkooli dotsent

Tööhõive probleemid on aktuaalsed nii ELis tervikuna kui ka enamuses liikmesriikides eelkõige suhteliselt kõrge tööpuuduse tõttu, mis on ligi kaks korda suurem kui näiteks USAs või Jaapanis. Järgnevalt vaatleme Euroopa Liidu tööturu ja tööpoliitika arengut, mis on olnud Euroopa Liidu viimase kümne aasta üheks aktuaalsemaks teemaks. Seejuures on toimunud oluline rõhuasetuste muutus – passiivselt tööpoliitikalt aktiivsele tööpoliitikale. Kui enne Amsterdami lepingut tegeldi Euroopa Liidu keskorganite tasandil eeskätt tööpuuduse probleemidega (eelkõige selle leevendamise küsimustega), siis tänaseks räägitakse rohkem tööhõivest, uute töökohtade loomisest, täiendõppest ja üldse laiemalt aktiivsest tööpoliitikast.

Tööhõive teooriat, tegelikku olukorda ja töötuse määra seoseid SKP kasvuga analüüsime meie arvukate eelnevate raamatute vastavas peatükis ja artiklites.

ELi maade tööturu olukorda analüüsis aastatel 1994 – 2005 kasutame Eurostati tööturu lähteandmeid.¹

Viimased aastad on näidanud arengut ELi tööhõivepoliitikas, mida kinnitab töötuse vähenemine. Kui viimase 10 aasta jooksul on töötuse määr EL-15 riikides püsinud 10 – 11% piires, siis viimastel aastatel on trend paranemise suunas. ELi maades tervikuna on alates 1995. aastast tööga hõivatus kasvanud, kusjuures 2000. aastal oli suurim juurdekasv. Teatavasti oli 2000. aasta viimase kümnendi suurima majanduskasvuga aasta. Eesti hõivatus hakkas kasvama alles 2001.

aastal.²

15 – 64 aastaste tööga hõivatuse EL-25 trend on toodud joonisel. Trendijoon näitab kiirenevat hõivatuse kasvu.³

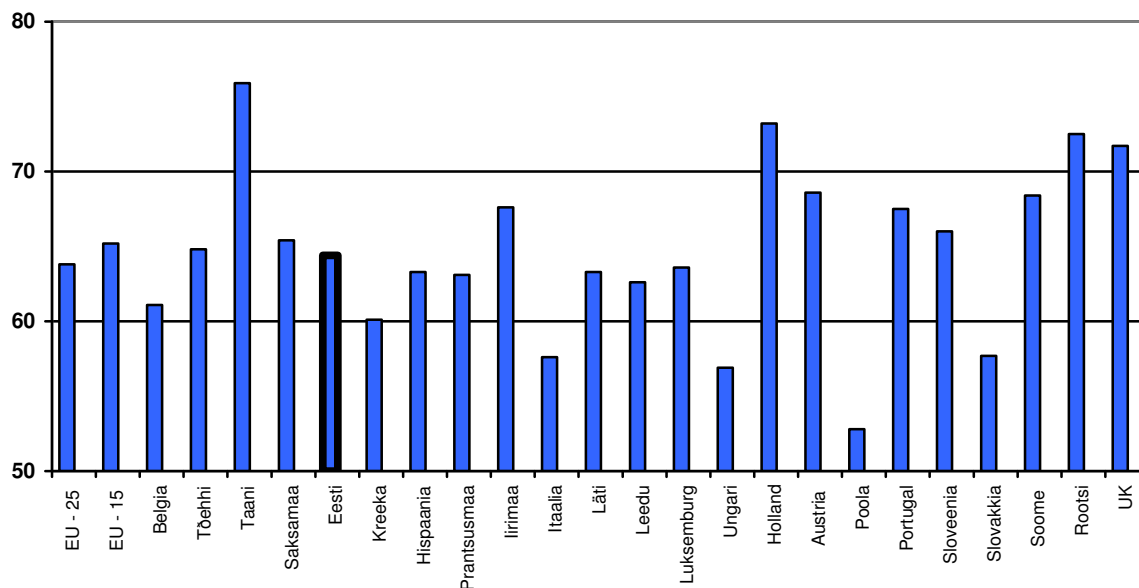
Tuletame meelde, et ELi strateegiline soov on tõsta hõivatus 70%-ni. Põhjuseks on töajõu puudus, elanike vananemine jmt põhjused. Tõsine põhjus on konkurents maailma kolme võimsa, vanasti USA, Jaapani ja Saksamaa, nüüd juba natukene laiemalt USA, EL ja Ida-Aasia vahel.

¹ <http://europa.eu.int/comm/eurostat>

² Tanning, L. ja T. Uus Euroopa Liit – 27. Tallinn. 2007, lk. 162 – 169.

³ Romans, F. ja Hardarson, O. S. [Labour Market Latest Trends - 2nd quarter 2006 data - Issue number 1/2007](#). Eurostat. Release date: 22-FEB-07.

ELi ja tema partnermaade tööhõive määrad, %, 2005

Kui

võrdleme ELi tööga hõivatuse määra maailma teiste majanduslikult tugevate riikidega, siis näeme, et tunduvalt kõrgem on see EFTA [Island, Norra (74,8), Šveits(77,2)] maades ning USA-l (71,5) ja Jaapanil (69,3).

EL jääb neist maha, kuid samas oli see näit üle 70% 2005. aastal Taanil (75,9), Hollandil (73,2), Rootsil (72,5) ja Ühendkuningriigil (71,7). Euroopa riikidest oli see aga kõrgeim Islandil – 83,8%.

Vanadest ELi maadest oli see madalaim Itaaliale (57,6) ning Kreekale (60,1) ja uutest Maltale (53,9) ning postsotsialistlikest maadest Ungarile (56,9) ja Poolale (52,8). ELi kandidaatriikidest oli vähem tööga hõivatud inimesi Türgis (46,0).

Eesti jäi 2005. aastal selle näitajaga napilt alla küll EL-15 maadele, kuid oli parem EL-25 ja eurotsooni riikide keskmisest tööga hõivatuse määrast. Suurim tööga hõivatusekvoot oli Eestil 1999. ja 2005. aastal, teistel aastatel oli see madalam.

Kui vanalt lõpetatakse töötamine, siin on mõeldud ametlikku töötamist töövõtjana? 2005. aastal keskmiselt EL-25 maades 60,9-aastaselt, EL-15 maades 61,1-aastaselt ja Eestis 61,7 aasta vanuselt.

Trendiks on olnud, et viimase viie aasta jooksul on see kasvanud keskmiselt ühe aasta võrra. Riikides loobutakse tööst nii Eestis kui ka Soomes ühe ajal (61,7 aastaseks). Kõrgeim iga oli 2005. aastal Islandis (66,3), Rootsis (63,7), Norras (63,1) ja Ühendkuningriigis (62,0), aga samuti Rumeenias (63,0). Naised (EL-25 = 60,4) lahkuvad tööturud natukene varem kui mehed (61,4).

Kuna Euroopas üha enam napib töötegijaid, siis on siin ka üheks väljapääsuks töötamine osalise tööajaga. Vaatame 2006. aasta kevade seisuturul. Siin kõigub osalise tööajaga osakaal kõvasti, alates 2,1%-st (Bulgaaria) kuni 46,3%-ni (Holland). Eesti keskmine oli 8,1%, s.h mehed 4,6% ja naised 11,6%. Kõrge on nende osakaal rikastes riikides nagu Šveitsis (33,1), Norras (28,9), Saksamaal (25,9), Ühendkuningriigis (25,5), Rootsis (25,1) jt.

Kui võrdleme täistööajaga töötajate nädala töötunde, siis oli kõikjal neid üle 40 tunni. Ainult Norra keskmine oli 2006. aastal 39,5. EL-25 keskmine oli samal ajal 41,9, EL-15 ka 41,9 ja Eestil 41,5 tundi.

Osalise tööajaga töötajate nädala töötundide arv oli EL-25 keskmiselt 19,9; EL-15 19,7 ja Eestil 20,9.

Naised töötavad kõikides maades vähem kui mehed. Eks nii ole see iidsetest aegadest, et naised hoiavad kodu ja kasvatavad lapsi. Kuid seoses võrdõiguslikkusega on loomulikult kasvanud naiste tööga hõivatus. Tänapäeval tahavad naised sõltumatud olla ja ise karjääri teha (!?). Kuid on ka hulgaliselt teisi põhjuseid nagu vanad tavad ja kombed, religioossetest tõekspidamistest lähtuv naiste kohta ühiskonnas jt.

Naiste tööga hõivatus on kõrgeim Põhjamaades: Rootsis (70,4%=2005), Islandil (80,5%) ning Norras (71,7%) ja Šveitsis (70,4%). USA = 65,6%. Suhteliselt kõrge on see näit ka postsotsialistlikes maades. Kõige madalam aga Maltal (33,7%), samuti Jaapanis (58,1%). Võrdluseks, et Eesti naised käivad enam tool kui Saksamaal.

Meeste keskmine hõivatus on kindlalt üle 70%. Euroopas töötavad mehed kõige enam Islandil (86,9%), Šveitsis (83,9%) ja Norras (77,8%). ELi maades aga Taanis (79,8%), Ühendkuningriigis (77,6%), Iirimaal (76,9), Hispaanias (75,2%) ja Rootsis (74,4%). Eesti mehed töötavad vähem (67,0%) nii nagu teistes suhteliselt vaesemates postsotsialistlikes riikides, kusjuures nende hulgast on kõrgeim tööhõivemäär Tšehhis (73,3%). Kindlalt väiksem on see näi Poolal (58,9%). Meeste suhteliselt madalat hõivatust võib põhjendada eelkõige elatusasemest ja teistest sotsiaalsetest teguritest tulenev nõrgem tervis vanemas eas ja teiselt poolt sunnib vanemaid pensioniealisi tööd tegema madal pension.

2005. aastal oli EL-25 keskmine naiste töötuse määr 9,9% ja meestel 7,9%. Tervikuna on ELi maades tööpuudus analüüsitaval perioodil küll reeglina vähenenud, kuid mitte kõikjal.

Ajavahemikul 1994 – 2005 on see suurenenud Saksamaal, Luksemburgis, Küprosel, Poolas ja Türgis. Meeldiv on tõdeda, et kui 1994. aastal oli Soomes rekordiline tööpuudus – 16,6%, siis nüüd on see kaks korda vähenenud (8,4%). Rõõmustav on ka, et meie lõunanaabrite, Läti ja Leedu töötus on samuti järsult kahanenud.

Samas peab aga märkima, et analüüsitaval perioodil on Saksamaal naiste töötuse määr kahanenud 11,4%-lt 10,3%-ni. Seal on probleem eelkõige uute liidumaadega – Ida-Saksamaa aladega.

Kõrgeim töötuse määr oli 2005. aastal Poolal: naised 19,1% ja mehed 16,6%.

Alla 25 aastaste töötuse määr oli EL-25 maades 18,7% ja EL-15 riikides 16,9%. Eestil oli see 15,9%, kusjuures 2000. aastal aga 23,9%. Trendiks on selle näitaja vähenemine proportsionaalselt kogu töötuse määraga.

Pikaajalisi töötuid (töötud 12 kuud ja enam) oli 2005. aastal EL-25 maades 3,9% ja EL-15 riikides 3,3% ning Eestis 4,2%, kusjuures trendiks on nende osakaalu vähenemine kogu töötajaskonnast.

Töötuse määr oli Eestis 2006. aastal 5,9%, millest madalam oli aasta keskmine töötus viimati 1992. aastal. Mitte-eestlaste töötus on kiiresti vähenenud kahel viimasel aastal.

1990ndatel suurenenema hakanud töötus saavutas haripunkti 2000. aastal ning hakkas pärast seda vähenema. Aasta keskmine töötuse määr oli madalam 1992. aastal (3,7%).

Töötajate-uuringu andmetel oli 2006. aastal 15–74-aastasi tööga hõivatuid Eestis 646 000, töötuid 41 000 ja mitteaktiivseid (õppijad, pensionärid, kodused, heitunud jt) 362 000. Varasema aastaga võrreldes tööhõive kasvas, töötus ja mitteaktiivsus vähenes.

2006. aastal oli hõivatuid 6,4% rohkem kui aasta tagasi. ELi Lissaboni strateegia üks eesmärk on tõsta 15–64-aastaste tööhõive määr 2005. aastaks 67%-ni ja 2010. aastaks 70%-ni. 2006. aastal oli Eesti 15–64-aastaste tööhõive määr 67,7%. Maakonniti oli 2006. aastal tööhõive määr üle 67% neljas maakonnas — Hiiu, Harju, Tartu ja Rapla maakonnas, s.h kahes maakonnas oli täidetud juba ka 2010. aasta eesmärk — Hiiu maakonnas töötas 76% ja Harju maakonnas 74%

15–64-aastastest. Tööhõive oli kõige väiksem Põlva maakonnas, kus 2006. aastal töötas vaid 51% 15–64-aastastest.⁴

Eurostati andmeil oli Eesti töötuse määr detsembris 2006 4,3%, millega me olime kolmandal kohal ELi liikmesriikide hulgas. Endiselt oli suurim tööpuudus Poolas (12,8%). Aastaga oli suurim tagasimine (paranemine) Eestil: 7,0%-lt 4,3%-ni. EL-25 riikides oli vaatamata tööpuuduse kahanemisele siiski 16,6 mln töötut.

ELis on viimase kahe aasta jooksul tööga hõivatus pidevalt kasvanud, suurim hõivatuse kasv oli aga 2006. aasta esimesel poolel Eestis: 1Q=6,2% ja 2Q=5,6%.⁵

Kokkuvõtteks, ühelt poolt on tööpuudus kahanenud peaaegu optimaalse piirini. Sellest tulenevad vastu-olud töövõtjate ja tööandjate vahel. Turu olukord tõstab töövõtjate palkasid, kuid vähendab samas tööjõu kvaliteeti (kutseoskused, töödistsipliin jmt). Osa inimesi, eelkõige noori siirdub tööle välismaale, kus on paremad palgad ja elutingimused.

Majandus saab areneda ekstensiivset ja intensiivset teed mööda. Viimane tähendab, et majandus või tootmine kasvab töövõime kasv arvelt. See peaks olema lahenduseks ka Eestile, mitte aga võõrtööjõu sissevool, eriti Venemaalt. Teine asi on ELi sisene tööjõu mobiilsus. Tootmist saab arendada ikka ainult niipalju, kui jätkub ressursse, s.h tööjõuressursse. Majanduskasv ei tohi olla omaette eesmärgiks, vaid vahendiks inimeste heaolu tõstmiseks, mille hulka kuulub ka see, kellega me koos töötame, elame ja vaba aega veedame.

⁴ <http://www.stat.ee/185513>

⁵ http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-QA-07-001/DE/KS-QA-07-001-DE.PDF

Arengutendentsid tööturul ning vajadused muutusteks spetsialistide koolitamisel ja tootmisstruktuuris

Ain KARJUS,

Eesti-Ameerika Äriakademia tootmispraktikaosakonna juhataja

Tööturgu võib käsitleda kui teatud omadustega tootmisressursside turgu, mida üldjuhul iseloomustab paljude müüjate olemasolu. Nagu meile on juba ammu teada, tuleb maailmas arvestada paljude ressursside piiratusega. Kahjuks tuleb arenenud riikides üha sagedamini arvestada ka inimressursside piiratusega.

Tööturu iseloomustus

Tööpuudus ei ole küll veel likvideeritud, kuid töötute arv on Eestis pidevalt vähenenud. Nii oli Tööturuameti andmeil 2004.a. lõpus Eestis registreeritud töötuid 32 tuhat, 2005.a. lõpuks oli see vähenenud 26 tuhandeni, 2006.a. lõpuks oli neid jäänud veel vaid 12 tuhat. Töötute tegelik arv on kahtlemata suurem, sest mitte kõik mittetöötavad tööjõulised inimesed ei ole ennast töötuna arvele võtnud.

Tööpuudus on Eestis peamiselt struktuurne, mis tähendab, et omandatud haridustase, oskused ja töökogemus ei ole sageli vastavuses kiiresti muutuvate tööturu nõuetega. Ka keskmine haridustase on töötutel tunduvalt madalam kui hõivatutel. Tööturul vajatakse oskustöölisi ning spetsialiste, töötute hulgas on aga suur osa ainult põhiharidusega isikuid, kellel puuduvad igasugused kutseoskused.

Sotsiaalministeeriumi töepoliitika info- ja analüüsi osakonna eestvedamisel teostatavate Eesti tööjõu-uuringute (edaspidi ETU) andmetel Eestis noorte (15 – 24 aastased) tööpuudus 2006.a. III kvartalis 11,7%. See näitaja on vaid veidi kõrgem, kui Euroopas kõige väiksema noorte tööpuudusega (9,0%) riikides Taanis, Iirimaa ja Hollandis. Mitmetes riikides nagu Poolas (36,7%) ja Slovakkias (30,5%), samuti Itaalias, Kreekas ja Prantsusmaal on noorte tööpuudus oluliselt suurem.

Vastaval ILO (*International Labour Organization*) definitsioonile eristatakse kolme hõiveseisundit: töötajad (hõivatud), töötud ja mitteaktiivsed (ei tööta ega otsi tööd). Noori hõiveseisundi järgi analüüsidest selgub, et noorte enamus (*ca 2/3*) on mitteaktiivne. See tähendab, et valdav enamus inimesi on selles vanuses seotud õppetööga, mitte töötamisega. Seejuures on õppijate arv viimastel aastatel pidevalt suurenenud, tööga hõivatute arv aga vähenenud.

Tuginedes „Eesti majanduskasvu ja tööhõive tegevuskavale 2005-2007 Lissaboni strateegia rakendamiseks“ on Eesti tööturg väljumas faasist, kus peamiseks hõive kasvu takistuseks on olnud töökohtade vähesus.

Tööhõive kasvu tempoka arengu põhjustajana võib siinkohal näha kiiret majanduskasvu (2004.a. 7,8%, 2005.a. 9,6%, 2006.a. esialgsetel andmetel 11,7%). Omapoolse panuse on samas andnud ka pensioniea järk-järguline tõus ning suurema rõhu pööramine aktiivsete tööturumeetmete individuaalsemale ja efektiivsemale osutamisele.

Tööturu prognoosid

Viimased kolm aastat on Majandus- ja Kommunikatsiooniministeerium koostanud pikaajalist tööjõu vajaduse prognoosi, mis kajastab Eesti majanduse vajadusi ning on sisendiks koolitustellimuste kujundamisel. 2006. aastal koostatud „Tööjõu vajaduse prognoos aastani 2012“⁶ järgi on oodata hõive kasvu 2006.a. 607,4 tuhandelt 625,4 tuhandeni 2012. aastal. Arvestades uute töökohtade loomist ja tööjõu kadu (pensionilejäämine ja suremus) kujuneb järgneva kaheksa aasta tööjõu vajaduseks 116,2 tuhat inimest ehk ligi 14,5 tuhat inimest aastas.

6

Kuna viimaseid aastaid on iseloomustanud suhteliselt suur välismaale tööle suunduvate inimeste arv, siis kujuneb tegelik vajadus välismaal töötavate inimeste võrra veelgi suuremaks.

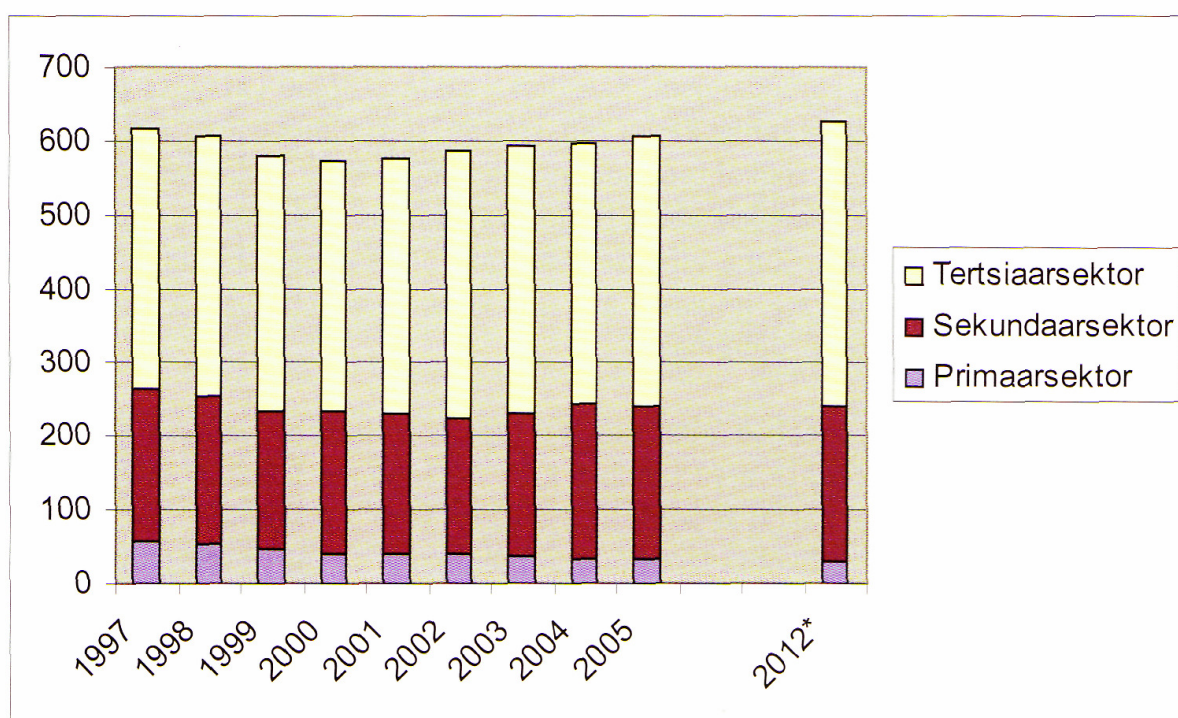
Prognooside järgi jätkub tööealise elanikkonna (15-74-aastased) vähenemine ning 2012. aastaks on oodata töökäte arvu langust juba 44 tuhande inimese võrra. Samal ajal prognoositakse aga igal aastal keskmiselt 0,6% ehk kuni 3,8 tuhande uue töökoha loomist. Suurem osa uutest töökohtadest luuakse teenindus- ja tööstussektoris, samas jätkub töötajate arvu vähenemine põllumajandussektoris, seda küll juba aeglustuvas tempos.

Rahvusvahelises perspektiivis on Euroopa seadnud endale kolm peamist tööturгу puudutavat eesmärki. 2010. aastaks peavad liikmesriigid tegema kõik selleks, et

- tõsta tööhõive määr 70%-ni,
- tõsta naiste tööhõive määr 60%-ni tööealisest elanikkonnast,
- tõsta vanemaeliste tööhõive määr 50%-ni.

Eesti on teinud olulisi edusamme nii naiste kui vanemaeliste tööhõive määra osas – seatud eesmärgid on juba käesolevaks hetkeks täidetud. Samas ei ole tööhõive kasv olnud piisav selleks, et Eesti suudaks täita Euroopa Liidu poolt seatud eesmärki tõsta tööhõive määr 70% aastaks 2010. Osaliselt võib siin arengut pidurdavate teguritena käsitleda pikaajalise töötuse ning heitumusega seonduvaid probleeme, millele veel hiljuti eriti intensiivset tähelepanu ei pööratud. Prognooside järgi tõuseb 2012. aastaks tööhõivemäär (15 – 64. aastased) üle 68%, koos võimalike välismaal töötajatega üle 70%.

Hõive muutused primaar-, tööstus- ja teenindussektoris. Primaarsektori hõives on oodata jätkuvat langust, seda eelkõige põllumajanduse ja kalanduse harus (vt. joonis). Teiselt poolt on aga, seoses mitmete investeeringutega, mis on andnud põllumajandusettevõtetele võimaluse ajakohastada oma tootmistehnikat, tekkinud vajadus uusi keerulisi seadmeid ja masinaid käsitleda oskavate inimeste järele. Tööstussektoris on järgneva 7-8 aasta jooksul oodata positiivseid arenguid, seda tänu uutele välispartneritele, välisinvestoritele ja kasvavatele ekspordimahtudele. Sektori kiiret arengut pidurdavad aga tööjõumahukad harud, kuna madalatel tööjõukuludel põhinev konkurentsieelis on ammendumas. Teenindussektoris jätkub hõive kasv, mis on peamiselt tingitud inimeste elatustaseme tõusust tulenevast teenuste tarbimise kasvust, aga samuti välituristide arvu suurenemisest.

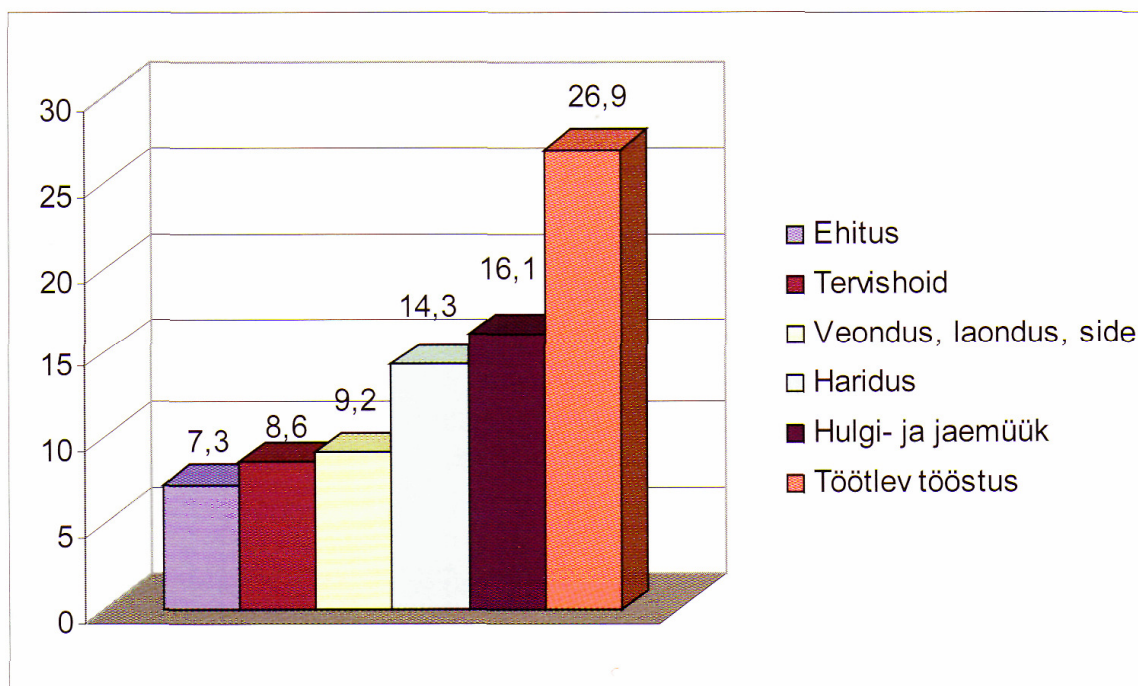

Allikas: Eesti Statistikaamet, Majandus- ja Kommunikatsiooniministeerium, 2006

Joonis 1. Hõivatud majandussektorite lõikes (tuhat)

Kõige suuremaid hõive muutusi sektorite lõikes järgneva 7-8 aasta jooksul on oodata töötlevas tööstuses, hotellide ja restoranide sektoris, kinnisvara teeninduses ning põllumajanduses ja metsamajanduses. Prognoosi järgi on töötlevas tööstuses oodata hõive suurenemist 2012. aastaks 12,4 tuhande inimese võrra arvestades tänasest seisust⁷, samal ajal kui põllumajandusest vabaneb töötajaid 5,2 tuhande inimese võrra. Lisaks paranenud investeringuvõimalustele on põllumajandussektori suur hõive langus tingitud ka kõrge vanusest selles sektoris.

Kõige suurema tööjõu vajadusega sektoriks on töötlev tööstus (joonis 2), kus 2012. aasta vajaduseks kujuneb 26,9 tuhat töötajat. Töötlevale tööstusel järgneb hulgi- ja jaemüük (16,1 tuhat), haridus (14,3 tuhat), veendus, laondus, side (9,2 tuhat) ning tervishoid (8,6 tuhat). Hulgi- ja jaekaubanduse tööjõu vajadus on tingitud eelkõige jaekaubanduses toimuvatest kiiretest arengutest, millele on kaasa aidanud elanike sissetulekute kasv, tööhõive suurenemine, aga samuti soodsad laenu- ja liisingutingimused. Veenduse, laonduse ja side sektori tööjõu vajadus on põhjustatud peamiselt oskustöölise lahkumisest teistesse Euroopa Liidu liikmesriikidesse (nt bussijuhid Soome) ning transpordisektoris juhtide suhteliselt kõrge vanusest. Tervishoiusektori suhteliselt suure tööjõu vajaduse taga peitub sektori töötajate kõrge vanus ning teatud osas ka meditsiiniõdede lahkumine välismaale (eelkõige Soome).

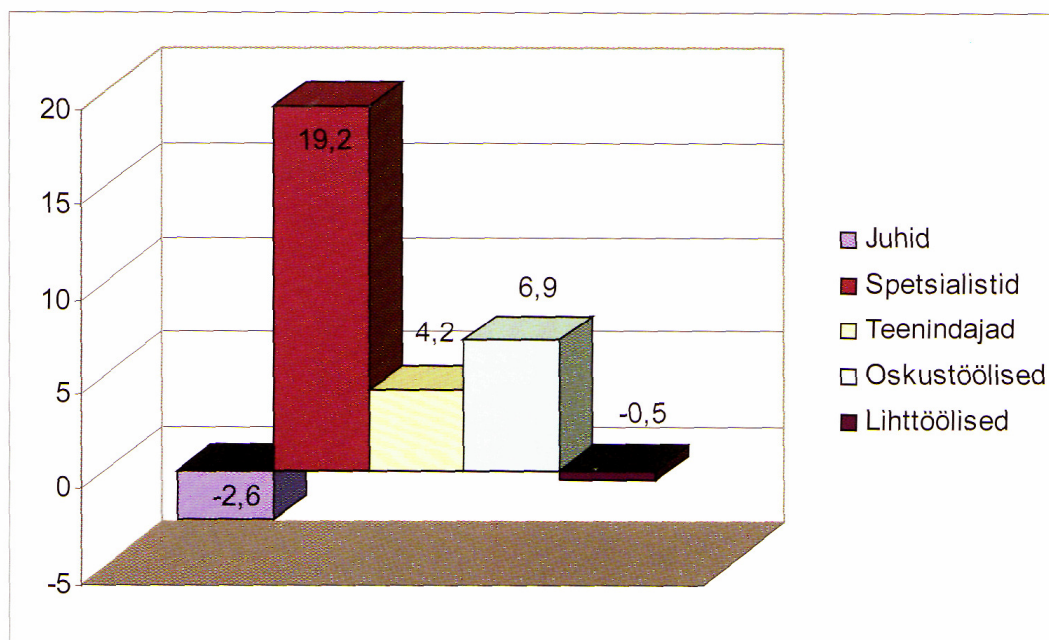
Allikas: Majandus- ja Kommunikatsiooniministeerium, 2006

Joonis 2. Suurima tööjõu vajadusega harud

Ametialade prognoos hõlmab viit ametialade gruppi: juhid (seadusandjad, kõrgemad ametnikud ja juhid), spetsialistid (tippspetsialistid, keskastmespetsialistid ja tehnikud), teenindajad (ametnikud, teenindus- ja müügitöötajad), oskustöölised (põllumajanduse ja kalanduse oskustöölised, oskus- ja käsitöölised, seadme- ja masinaoperaatorid) ja lihttöölised. Ametialade struktuuris on arengud sektorite lõikes küll mõnevõrra erinevad, kuid üldjoontes võib väita, et peamiselt suureneb vajadus spetsialistide ning masina- ja seadmeoperaatorite järele

⁷ Tööjõu vajaduse kujundamisel prognoosis on võetud tänaseks ehk baasseisuks mitte 2005. aasta vaid viimase kolme (2003-2005) aasta keskmine.

(joonis 3). Samuti on oodata oskustöölise arvu suurenemist, vaid lihttöölise arv jääb enamjaolt muutumatuks. Vajadus ametialade erinevate gruppide järele sõltub eelkõige sellest, missugustes harudes toimub hõive kasv ja missugustes mitte. Nagu jooniselt näha, on oodata juhtide arvu vähenemist (2,6 tuhande võrra), mis tuleneb sellest, et kõrge juhtide kontsentratsiooniga harudes on oodata langustendentsi.

Allikas: Majandus- ja Kommunikatsiooniministeerium, 2006

Joonis 3. Absoluutmuutused tööhõives ametialade lõikes 2012. aastal võrreldes 2003.-2005. aastaga (tuhandetes)

Joonis 3 annab kujuka ettekujutuse, millise kategooria töötajaid Eestis lähitulevikus vajatakse, keda tuleks haridussüsteemi asutustel ette valmistada.

Kus on väljapääs?

Tänast prognoosi vaadates, mille järgi iga-aastaseks tööjõu vajaduseks kujuneb 14,5 tuhat inimest pluss välismaal töötavad eestlased, tekib küsimus, kust vajalikud inimesed leitakse või kuidas olukord lahendatakse. Tööjõu vajaduse leevendamise võimalustena võib käsitleda:

- iibepoliitikat,
- tööjõu tootlikkuse tõstmist,
- investeeringuid uutesse masinatesse ja seadmetesse,
- välistööjõu sissetoomist ning
- vanemate inimeste aktiivsuste tõstmist tööjõuturul.

Arvestades meetmete ajalist raamistikku, siseriiklikke debatte välistööjõu osas ning lähtudes majanduse jätkusuutlikkuse suurendamise vajadusest, tundub, et pidev tööjõu tootlikkuse tõstmine on üks tõhusamaid meetmeid tööjõu puuduse leevendamisel.

Mida see tööjõu tootlikkuse tõstmine tähendab? Ka. 31. jaanuari Sirje Ranki „Äripäeva” artiklis „Kaks eesti töötajat võrdub ühe soomlasega” kommenteeris olukorda Eesti Konjunktuuriinstituudi juhtivteadur Leev Kuum et eestlase rohkem kui kahekordne mahajäämus tunnitootlikkuses SKP-st lähtuvalt ei tähenda, et eestlane töötaks soomlasest kaks korda aeglasemalt, vaid eelkõige tootmise struktuuris.

Samas artiklis on juhitud tähelepanu asjaolule, et töö tootlikku edasine areng sõltub sellest, millised sektorid tulevikus majanduskasvu veavad. Kui pole tegemist kapitalimahukate kõrgtehnoloogiliste tööstusharudega, ei ole Eestil mingeid lootusi ka paarikümne aasta pärast jõuda praegusele Soome tasemele. Samas on toodud ka näide soome pankuri investeeringust

hüpermoodsasse paberivabrikusse, millel on tohutu toodangumaht, kuid tööd saab seal vaid viis inimest, kes juhivad protsesse arvutitest.

Valimiskampaania käigus on mõned poliitikud lubanud viia Eesti lähema 20 aastaga Euroopa viie rikkama riigi hulka. Samas ei ole neil silmapiiril mingeid konkreetseid suurprojekte, mis annaksid kasvõi minimaalse lootuse nende lubaduste täitmiseks. On vähe usutav, et mingeid megainvesteeringuid saaks Eestisse teha ilma riigi toetuseta või poliitilise otsuseta.

Tootlikkusele avaldavad negatiivset mõju ka vead, milliseid on tehtud väikeettevõtluse arendamisel. Põllumajanduses 90-ndate aastate alguses valitud suund „Talud tagasi”, hävitas suures osak meie põllumajanduses suurtootmise, samal ajal kui arenenud maailmas toodeti juba siis üle 95% põllumajandustoodangust suurfarmides.

Ka tööstuses ei ole me suutelised tagama konkurentsivõimelist töö produktiivsust väike ja keskmiste ettevõtetega, millistest paljud on tekkinud endiste suurettevõtete allüksuste erastamise käigus. Suurele Euroopa Liidu turule ei saa toota efektiivselt 20 väikeettevõttega, kõrge produktiivsuse saab tagada vaid kaasaegset tehnikat ja tehnoloogiat kasutades. Masstootmises sobivad selleks ainult suurettevõtted.

Mida võiks teha Äriakadeemia

Nagu prognoos (vt. joonis 3) näitab, on (tekkimas) suur vajadus on spetsialistide järele. Millise valdkonna spetsialist on näiteks ärijuhtimise eriala lõpetanu? Sellele on sageli raske vastata, kuid neist võiksid saada head spetsialistid töökorralduse valdkonnas, ressursside kasutamise optimeerimisel, personalijuhtimise valdkonnas, kuid omandades spetsialistile vajalikke teadmisi 2 –3 ainepunktilise mahuga õppeainet läbides on see praktiliselt ainult unistus. Töökorralduse valdkond on niivõrd mitmekülgne ja mahukas, et see vajaks praktilist tervet aastat täiendavat teoreetilist ja praktilist õpet. Sugugi lihtsam ei ole ette valmistada spetsialisti, kes suudaks personalitöös tuua olulise muudatuse – personaalse lähenemise igale konkreetsele töötajale (õpilasele). Mida tähendab 80:20-mõtlemine, mida suudetaks ära teha selle mõtteviisi juurutamisega ressursside kasutamisel? Kas sellise mõtteviisi rakendamiseks vajatakse vastavaid spetsialiste? Kui jah, siis miks ei võiks ärijuhtimise eriala ümber kujundada vastavate spetsialisti erialaõppeks?

Vajadusele lõpetada kõrghariduse diplomite jagamine erialadel, millised ei ole Eestis kellelegi vajalikud, viitas oma Eesti Vabariigi aastapäevakõnes ka president hr. T.H. Ilves. Püüdkem siis koos leida lahendusi tööturuprobleemidele.

Märkus: enamik arvandmeid ja joonised, milliste algallikad tekstis on märgitud, pärinevad Elukestva Õppe Arendamise Sihtasutuse Innove poolt 2006.a. Tallinnas välja antud raamatust „Koolist tööle. Haridus ja tööturg 2006”

Eesti innovatsioonipoliitika põhiprobleemid.

Žanna ARONŠTAM,

Eesti-Ameerika Äriakademia majandusteooria õppetooli juhataja

1. Teadmispõhise majandusühiskonna kujundamine

Ärimaastik on 21. sajandil kiiresti muutumas. Konkurentsikeskkond ei ole enam lineaarne või ennustatav. Edu ja ellujäämine sõltub organisatsiooni võimest täpselt määrata ärikeskkonna dünaamikat. Selleks on ärimaastikul vaja dünaamilisi teadmisi ja pädevusi. Nende dünaamiliste teadmistega on vaja rikastada kõiki äriprotsesse.

Teadmispõhiseks nimetatakse ühiskonda, kus teadmised ja oskused on tähtsaim strateegiline ressurss ning eesmärkide saavutamine riigivalitsemises, majanduses, sotsiaalelus ja loodushoius toetub teadmistele, analüüsile, diskussioonile ja koostöövõimele. Ühiskonna praktiliste probleemide lahendamiseks on vaja otsese rakendusliku väljundiga eesmärgipäraseid uuringuid.

Teadmispõhist majandust iseloomustab toodete ja teenuste suur lisandväärtus, mis saavutatakse pideva uuendustegevuse kaudu. Uuendustegevus ehk innovatsioon hõlmab nii uute teadussaavutuste kui ka juba olemasolevate teadmiste, oskuste ja tehnoloogiate uudsel moel kasutamist.

Teadmispõhise ühiskonna keskmes olevad võtmetehnoloogiad(info-ja kommunikatsioonitehnoloogiad, biotehnoloogiad, materjalitehnoloogiad jt.) mõjutavad sügavalt majandusharusid, asendavad või täiendavad olemasolevaid tehnoloogiaid ning annavad tõuke uute tehnoloogiliste suundade arengule. Võtmetehnoloogiate rakendamine avaldab suurt mõju tootlikkuse kasvule ja mõjutab sügavalt ühiskonna toimimise kõike aspekte.

Teadmispõhiseid äriprotsesse vajavad eelkõige erasektori ettevõtted, kes üritavad parandada oma konkurentsipositsioone.

Eesti ettevõtluse kõige olulisemaks probleemiks on nii ettevõtjate, ametnike kui ka analüütikute kinnitusel erasektori vähene innovatsiooniteadlikkus.

Innovatsiooniteadlikkuse ja innovatsioonide suurendamise kaudu Eesti saab liikuda teadmispõhise majandusühiskonna suunas. See on paradigmiline liikumine tootmispõhiselt majandusühiskonnalt teadmispõhise majandusühiskonna kujundamisele.

Teadmispõhiste uuenduste tootmine võib kujuneda Eesti Nokiaks. Reaalne elu, inimeste, ettevõtluse, muu maailma ja ajaloolised kogemused näitavad, et enamusi uuendusi ettevõtluses toimub teadmispõhise innovatsiooni kaudu. See on innovatsiooni nn. dünaamiline käsitlus, mille kohaselt uuenduste väljamõtlemine ja juurutamine toimub uute või olemasolevate teadmiste rakendamise kaudu ning sellisel moel tekitatakse majanduse arengut.

Majandusteadlane Schumpeteri sõnade kohaselt on igasugune teistmoodi rakendamine majanduslikus sfääris uuendus. Uuenduse kaudu on võimalik:

- Tootmise muutmine ja/või uuendamine (tootmisinnovatsioon);
- Organisatsiooniliste struktuuride ja juhtimise muutmine ja/või uuendamine (organisatsiooniinnovatsioon);
- Protsesside muutmine ja/või uuendamine (protsessiinnovatsioon);
- Toodete/teenuste muutmine ja/või uuendamine (tooteinnovatsioon).
- Innovatsioon (teadmispõhine) on majanduslikus tegevuses konkurentsieelise saavutamise läbi ettevõtte tootmis-, juhtimis- ja muude äriprotsesside muutmise ja/või

tootmisuenduste. Nii mõistavad innovatsiooni EL, OECD jt rahvusvahelised organisatsioonid.

2. Innovatsioon ja ettevõtluse areng.

Kogu ühiskonna edukus sõltub suuresti sellest, kuidas areneb ja kinnistub ettevõtlus, sest innovatsioon tähendab eelkõige soodsast äriideest turukõlbliku tooteni jõudmist. Nagu näitavad arenenud turumajandusmaade kogemused, on väikeettevõtjad sageli innovatiivsemad, sest nende konkurentsieeliseks on paljudel juhtudel võimalus kiiresti tekkida, muutuda ja kohaneda uue olukorraga. Nad võivad tegutseda piirkondades, kus suurettevõtete jaoks vajalikud tingimused puuduvad.

Euroopa Liidus peetakse 0-9 töötajaga ettevõtet väga väikseks, 10-49 töötajaga väikeettevõtteks, 50-249 töötajaga keskmise suurusega ettevõtteks ja üle 250 töötajaga suurettevõtteks.

2000 a. lõpuks oli EL-i maades 16,5 miljonit ettevõtet, neist 99,8% olid väike- ja keskmised ettevõtted.

Tabel 1

Kesk- ja Ida-Euroopa majanduslikult aktiivsed ettevõtted 1.09.1995

Riik	Majanduslikult aktiivsete ettevõtete arv	Ettevõtete üldarvust %	1000 inimese kohta	100 töötava inimese kohta
Albaania	41460	71,0	13,1	39,6
Bulgaaria	302665	63,4	35,9	76,3
Eesti	30495	60,3	35,9	43,5
Leedu	57078	48,1	15,4	29,5
Läti	25663	42,8	10,1	19,7
Poola	1057102	48,7	27,4	62,2
Rumeenia	362662	61,5	16,0	29,9
Slovakkia	186710	63,7	35,8	73,4
Sloveenia	72387	92,1	36,8	76,5
Tšehhi	706495	63,8	68,4	112,7
Ungari	519502	64,1	50,7	128,4
Kokku 11 maad	3362121	57,3	31,0	64,9

Allikas: Eesti ettevõtete paneeluuring.

Tabel 2

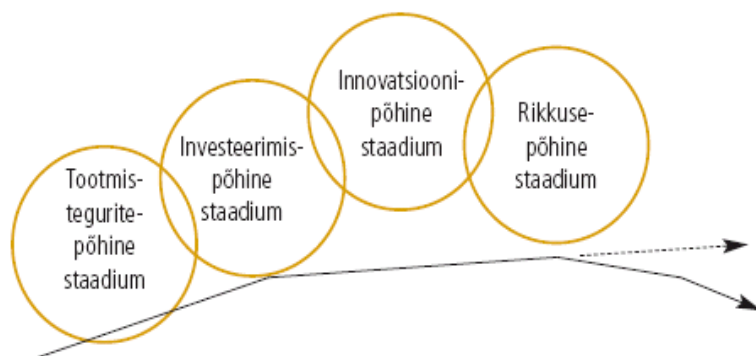
Eesti ning Kesk- ja Ida-Euroopa majanduslikult aktiivsete ettevõtete struktuur tegevusalati 1.09.1995 (%)

Tegevusala	Eesti	Kesk- ja Ida-Euroopa keskmine
Tööstus	16,1	16,9
Ehitus	9,7	10,6
Kaubandus	41,4	37,6
Transport	5,8	7,8
Hotellid ja restoranid	6,0	6,1
Muu	21,0	21,0
Kokku	100,0	100,0

Allikas: Ettevõtete paneeluuring.

Nii Eestile kui teistele postsotsialistlikele majandustele on olnud iseloomulik selline tootlikkuse kasv milles tehnoloogia ja tehnoloogilised uuendused ei ole mänginud kesksel osa. Alt ülesse kerkivatele maadele omaselt on tootlikkus tõusnud eelkõige elementaarsete tootmiskorralduse põhimõtete evitamise, praktiliste kogemuste saamisega kaasneva õppimisprotsessi ja mastaabiefekti tulemusel.

Vastavalt Michel e.Porteri konkurentsieeliste muutumise neljastaadiumilisele mudelile asus Eesti majandus 90-ndate aastate esimesel poolel mudeli esimeses tootmisfaktoripõhilisel arengustaadiumil.

Joonis 1. Domineeriva konkurentsieelise muutumine majandusliku arengu käigus

Nüüdseks on meie majandus jõudnud järgmisesse, investeerimis-põhisesse arengustaadiumi ja mõnedes valdkondades innovatsioonipõhisesse staadiumi.

Tootmistegurite staadium- majandus baseerub teatud loodusressursside, mida saab rohkemal või vähemal kujul töödeldult välja vedada, või spetsiifiliste looduslike tingimuste (teatud taimede kasvuks, turismiks) olemasolul, samuti odaval tööjõul. Kasutatakse passiivselt rahvusvahelist turult kättesaadavat tehnoloogiat. Tavaliselt mitte eriti keerulist. Kui on vajadus keerulisema järele, siis lihtsalt mõni arenenud maa firma teeb turu – key plant. Kohalikel firmadel reeglina toodangu lõpptarbijatega rahvusvahelisel turul kontakti ei ole.

Investeeringupõhine staadium- toimub investeringute hoogne suurenemine moodsamate, efektiivsemate ja laiaotstarbelisemate tootmisvahendite loomise näol, võime taolisi investeringuid nii kodu kui välismaiseid edukalt evitada ja korralikult kasutada, tagada vajaliku tööjõu ja muude tootmisfaktoritega aitab edasi järgneva arengu rajal. Paralleelselt peab tõusma töötajate kvalifikatsioon ja infrastruktuuri kvaliteet. Tehnoloogiat, ka tooteid hakatakse mitte ainult üle võtma, vaid ka täiustama. Ettevõtete arengutase ja konkurents muutuvad olulisteks teguriteks. Samal ajal omamaiste firmade koostöö ei ole veel arenenud, koduturul ja kodumaise turu mõju majandusele väike, eduka arengu jätkamine eeldab pigem vajadust palkade ja muude tootmiskulude kasvu pidurdamist.

Innovatsioonipõhine staadium- firmad mitte ainult ei kasuta ja täiusta mujalt ülevõetud tehnoloogiaid ja tegevus meetodeid, vaid otsustavaks saab see, kuidas suudetakse luua uusi, sh põhimõtteliselt uusi tooteid, tehnoloogiaid, meetodeid.

Samas Eesti firmad jätkavad rahvusvahelises tööjaotuses eelkõige kui odaval töö- ja odavatel ressurssidel baseeruvate funktsioonide täitjad. Tehakse valdavalt allhanget või täidetakse tooraine esmase töötlemisega seotud tootmisfunktsioone.

Välismandis olevate ettevõtete arvu suurenemine on parandanud võimalusi saamaks esialgu hakkama investeerimispõhise arengu tingimustes.

Strateegiline põhiprobleem Eesti jaoks seisneb aga selles kuidas liikuda edasi innovatsioonipõhisesse staadiumi. Vastasel juhul on oht kaotada varem või hiljem oma konkurentsivõime rahvusvahelistel turgudel.

Innovatsioonil on siin täita võtmeroll.

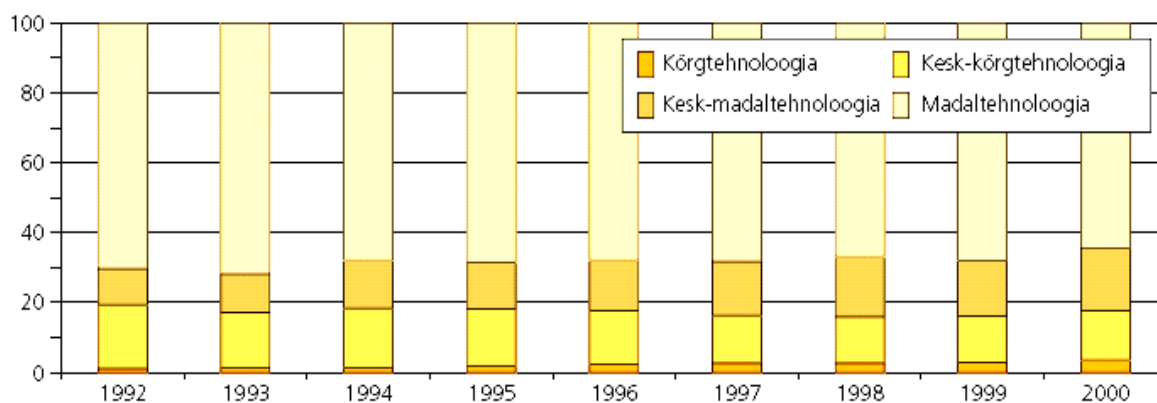
3. Innovatiivne tegevus tööstusettevõtetes.

Arenenud riikides hinnatakse ettevõtet nende tehnoloogilisest tasemest.

Kõrgtehnoloogilised firmad mõjutavad positiivselt ümbritsevat tööstusmaastiku läbi tehnosiirde. Tehnoloogilise info ja teadmiste levitamine aitab ka teistel firmadel osa saada uutest tehnoloogiast ja seeläbi areneda.

Tööstuse allharusid klassifitseeritakse nende tehnoloogiamahukuse alusel. Tehnologiamahukust arvutatakse T&A tegevuse kulude suhtarvuna müügikäibest. Allharud jagunevad sektoritesse järgnevalt:

- Kõrgtehnoloogiasektor: lennuki ja kosmosetööstus, arvutid ja kontorimasinad, elektroonilised kommunikatsiooniseadmed, ravimite tootmine.
- Kesk-kõrgtehnoloogiasektor: teadusinstrumendid, mootorsõidukid, elektrimasinad, kemikaalid, muud transpordivahendid, mitteelektronilised masinad.
- Kesk-madaltehnoloogiasektor: kummi- ja plasttooted, laevaehitus, muu tootmine, värviliste metallide tootmine, metalltooted, naftatöötlemine, mustmetallide tootmine.
- Madaltehnoloogiasektor: paberitootmine, trükitööstus, tekstiili ja rõivatööstus, toiduainetetööstus ja jookide tootmine, puidu- ja mööblitööstus.

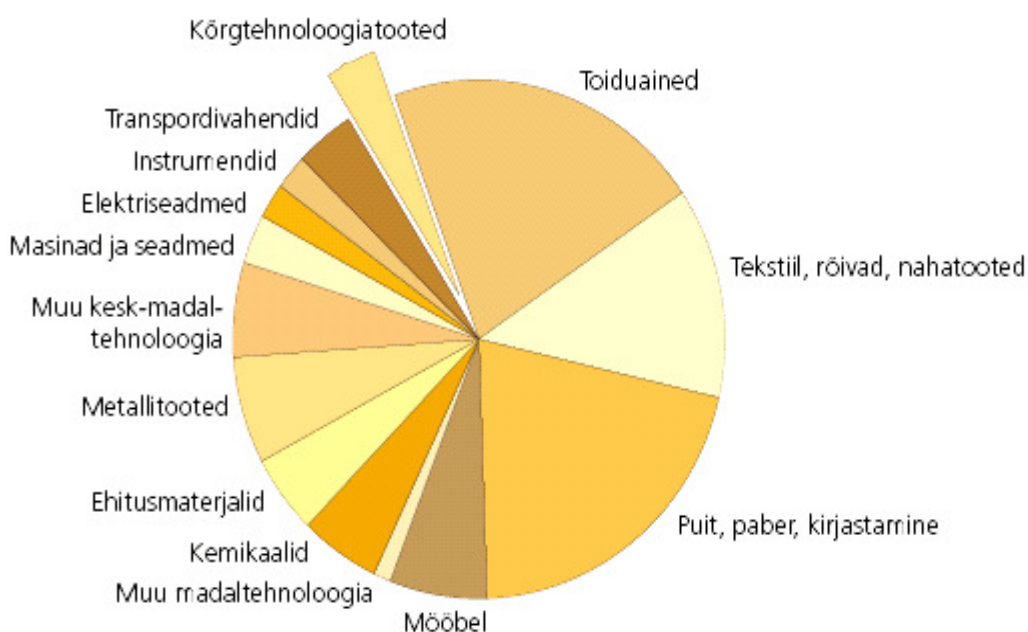
Allikas: Eesti Statistika aastaraamat 2002. Eesti Statistikaamet

Joonis 2. Tööstustoodangu jagunemine tehnoloogilise taseme järgi, 1992-2000

Eesti Majandus- ja Kommunikatsiooniministeerium on uurinud, et innovatiivsete e/v osakaal tööstuses kasvab koos sektori tehnoloogiamahukuse kasvuga: nende osakaal kõrgtehnoloogiasektoris on 64% ja madaltehnoloogiasektoris 38%.

Eesti kõrgtehnoloogiasektor koosneb põhiliselt kommunikatsioonivahendite ja kontorimasinate tootmisest. See sektor ja eriti just kommunikatsioonivahendite tootmine on kasvanud tunduvalt kiiremini, kui teised tehnoloogiasektorid.

EL-i maades jaotus keskmiselt tööstusstruktuuri järgi tehnoloogiamaahukuse alusel on järgmine: 43% madaltehnoloogiasektor, 30% keskmadaltehnoloogilised ettevõtted, 24% keskkõrgtehnoloogilised firmad ning 3% kõrgtehnoloogiasektor. Eesti tööstusstruktuuri kirjeldamisel peame tunnistama madaltehnoloogiliste ettevõtete ülekaalus olemist. Suur osa tööstusest on koondunud traditsioonilistesse tootmisharudesse: toiduainetööstus, tekstiili- ja rõivatööstus ning puidu- ja mööblitootmine. Kohalikule toorainele põhinevad puidu- ja toiduainetööstus ning suhteliselt odaval tööjõu baasil tegutsev tekstiilitööstus leidsid peale iseseisvumist tunduvalt kergemini tee eksporditurgudele kui teised tööstusharud.

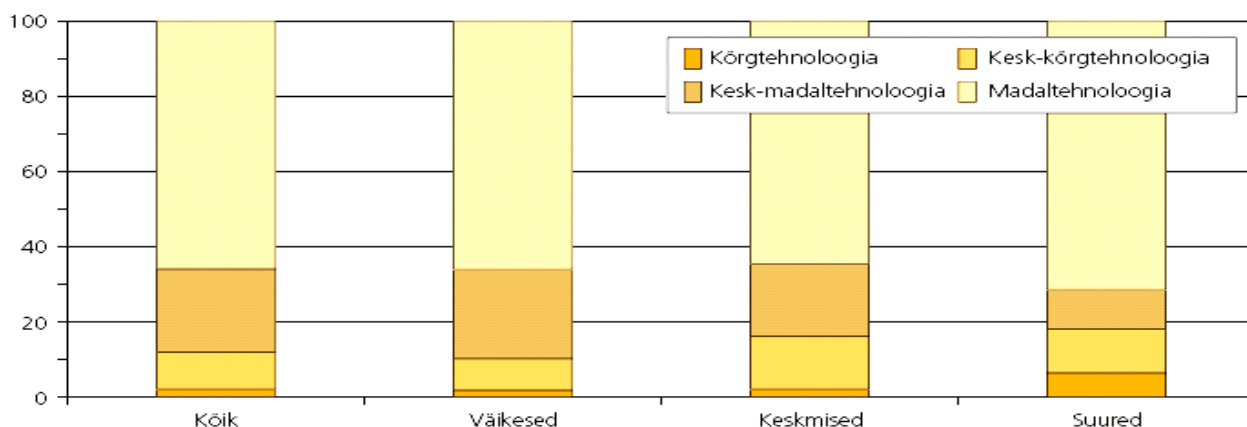
Allikas: Eesti Statistika aastaraamat 2002. Eesti Statistikaamet

Joonis 3. Tööstustoodangu struktuur, (%), 2000

Enamus teisi Eesti tööstuse allharusid on suhteliselt väikesed ning tihti esindatud ühe suure ettevõtte poolt.

Eesti kõrgtehnoloogiline tootmine on koondunud suhteliselt väikse arvu telekommunikatsiooni vahendeid ja kontorimasinaid tootvate ettevõtete kätte.

Tööstussektori märksa elujõulisema osa moodustavad keskmise suurusega ettevõtted. Nende hulgas on suur hulk masinate ja seadmete tootjaid, elektroonikaseadmete tootjaid, ehitusmaterjalide- ja keemiatööstuse ettevõtteid.

Joonis 4. Ettevõtete jagunemine suuruse ja tehnoloogilise taseme järgi, (%), 2002

4. Innovatiivne tegevus teenindussektoris

Eesti SKT-st moodustab 2/3 teenindussektor, mille osakaal kasvas järsult 90-ndate alguses ja stabiliseerus hiljem.

Tulenevalt sektori kõrgest osakaalust on ka selge, et tema ettevõtte innovaatiline käitumine on äärmiselt oluline küsimus.

Samas on väga raske rääkida teenindussektorist, kui tervikust. Nimetatud sektor on väga lai ja äärmiselt heterogeenne, ta üksikud osad tegutsevad erinevates majandustingimustes, ettevõtete jaotus suurgruppidesse on eri allsektorites väga erinev jne.

Teistest suuremat tähelepanu pöörab endale transpordisektor ja finantsteenuste sektor. Võrreldes teiste majandusharudega on finantsteenindus Eestis enamike uuendusindikaatorite osas parimate hulgas. Transpordisektori allharud, välja arvatud lennutransport, asuvad innovaatilisuse pingereas tagapool. Siinkohal tuleb aga arvestada, et ka teistes maades ei kuulu transport just suuremate indnovaatorite hulka (EL-i indnovaatoriteks loetud ettevõtteid oli selles sektoris 24%, samal ajal finantsteenindussektoris 54%). Selle taustal ei näe Eesti transpordi innovaatilisus oma tulemustelt üldse nõrk välja.

Tabel 3

Innovatiivsete ettevõtete arv

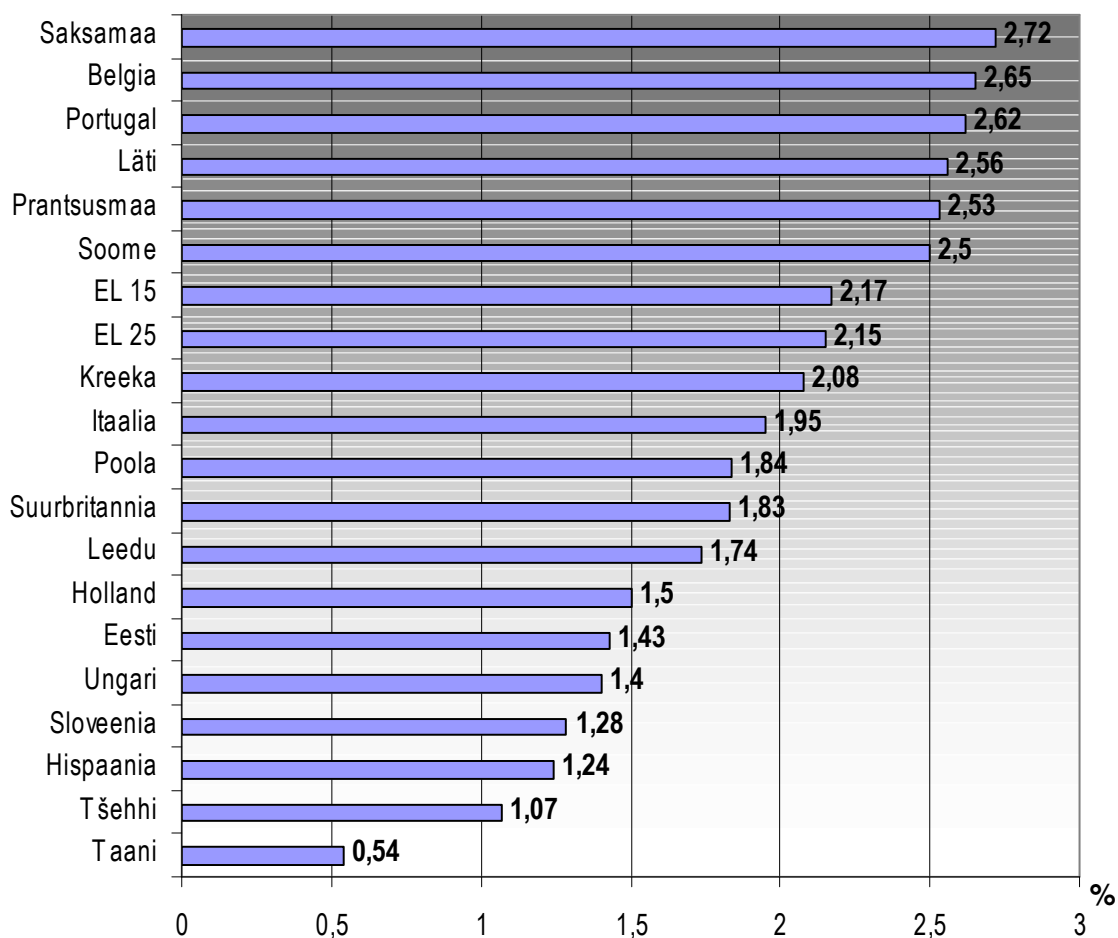
Teenindusettevõtted	Osakaal %	Arv
Elektri-, gaasi- ja soojusettevõtted	24	24
Veevarustus	31	9
Hulgimüük ja vahenduskaubandus, v.a. mootorsõidukid	34	148
Masinatransport	15	36
Vee transport	30	3
Õhutransport	50	2
Transpordi abiteenused; reisifirmad	27	40
Posti ja telekommunikatsiooni ettevõtted	69	15
Finantsvahendusettevõtted	46	8
Kindlustus- ja pensionifondid	73	9

Finantsvahenduse abiteenused	36	5
Arvutiteenindusfirmad	65	29
Teadus- ja arendustegevusfirmad	85	4
Arhitekti- ja inseneritegevus	34	38
Teimimine ja analüüs	31	7

5. Eesti ettevõtete innovatiivne tegevus ja T&A investeeringud rahvusvahelises võrdluse

Innovatsioonikulutused on laiem mõiste kui teadus-ja arendustegevuse kulutused. Innovatsioonikulutused hõlmavad ettevõttesisest T&A-d, väljast tellitud T&A teenuseid; soetatud masinaid ja seadmeid, mis on otseselt seotud toote- või protsessiuuendustega; kulutusi patentide ja litsentside omandamiseks, kulutusi tootedisainile, koolitusele ja innovatiivsete toodete ja teenuste turustamisele. Nimetatud kategooriate peale kokku investeerisid ettevõtted 2000. aastal 1,8 miljardit krooni ning 2004.aastal 3,8 miljardit krooni, mis näitab vahepealsete aastatega asetleidnud olulist kasvu. Kuid kulutuste struktuurist ilmneb, et endiselt läheb ülekaalukas osa investeeringutest masinatesse ja seadmetesse. Võrreldes 2000.aastaga on 2004.aastal kasvanud ettevõttesisene T&A osatähtsus.

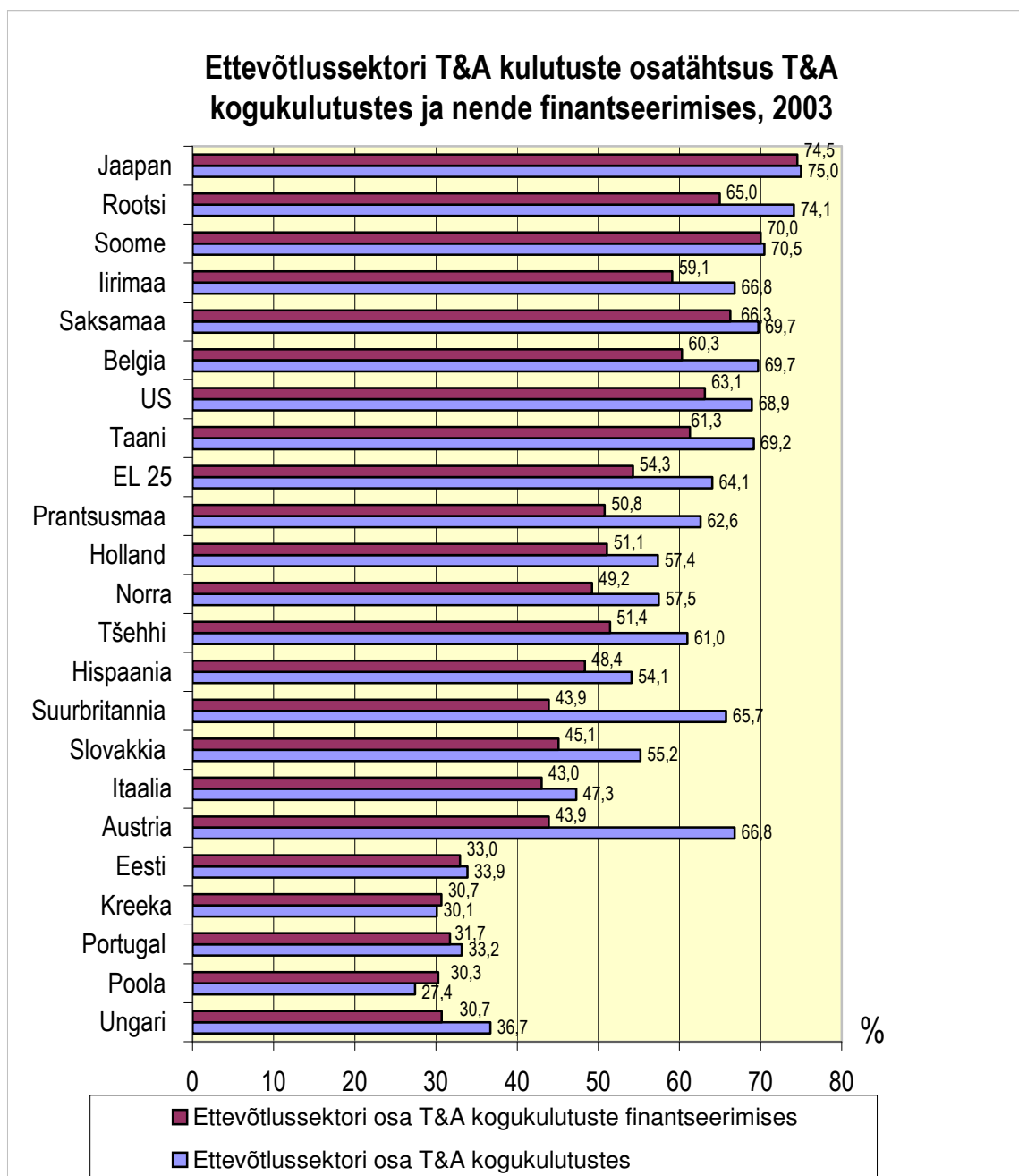
Ettevõtete kulutused innovatsioonile (% käibest)

.....

Joonis 5. Ettevõtete kulutused innovatsioonile. Allikas :EUROSTAT; New Orons; Results of the European innovation scoreboard indicators.

Enamiku Euroopa Liidu liikmesriikide, nende hulgas Eesti madala T&A intensiivsuse olulisem põhjus on T&A väike maht ettevõtlussektoris. Arenenud riikides ulatab ettevõtlussektori osatähtsus T&A kogukulutustes 2/3 kuni 3/4. Nii USA vastav näitaja moodustab 68,9%; Jaapani-75%, mis on kõrgemal EL-i keskmisest-64,15%. Veel suurem on lõhe aga T&A kulutuste finantseerimises: EL25 rahastab ettevõtlussektor vaid 54,3% T&A kogumahust, samas kui Jaapanis moodustab erasektori T&A rahastamine 74,5% ja USA-s 63,1%.

.....
 Joonis 6. Ettevõtlussektori T&A kulutuste osatähtsus T&A kogukulutustes ja nende finantseerimises. Allikas; Eurostat, R&D internet data base, 9.05.2006

6. Teadus-ja arendustegevuse rahastamine

Eesti teadus-ja arendustegevuse rahastamise kogumaht on kasvanud 0,71%-lt SKP-st 2001 aastal 0,88%-ni SKP-st 2004.aastal. Siiski jääb Eesti kaugemale maha Euroopa Liidu 25 liikmesriigi vastavast keskmisest näitajast (2004.aastal 1,9% SKP-st). Saavutada ei ole suudetud strateegias „Teaduspõhine Eesti 2002-2006“ seatud rahastamisesmärke (2004. aastal 1,1% SKP-st). Euroopa Liit on seadnud eesmärgiks suurendada 2010.aastaks teadus-ja arengutegevuse koguinvesteeringuid 3% SKP-st. Soome investeeris teadus-ja arengutegevusse juba 2004.aastal 3,51% SKP-st ja Rootsi 3,74% SKP-st.

Seoses sellega, et vastavad investeeringud on olnud viimastel aastatel kavandatavatest oluliselt väiksemad, on olnud ka väiksemad vajadustest võimalused realiseerida eesmärke. Eriti negatiivselt mõjub see teadlaste ettevalmistamisele ja karjäärivalikule ning infrastruktuuri

arendamisele, mis kõik eeldavad pikaajalist eelarvelist stabiilsust. See on olnud ka takistuseks võtmetehnoloogiate riiklike programmide käivitamisele.

Tabel 4. Rahastamine ja põhilised indikaatorid

Tabel 1. Strateegia rakendamise põhiliste indikaatorite sihtmärgid aastate lõikes vastavalt rahvusvahelisele statistikale.

Näitaja	2003	2004	2008	2010	2013	2014
T&A maht, % SKP-st	0,79*	0,88*	1,5	1,9		3,0
sh erasektori T&A maht, % SKP-st	0,27*	0,34*	0,7	0,9		1,6
Riigieelarvelised T&A eraldised, % SKP-st	0,38*	0,39*	0,8	1,0	1,3	1,4
Teadlaste ja inseneride arv 1000 töötaja kohta		5			8	
Ajakohastatud uute TA&I infrastruktuuride osakaal (%)		20			80	
Kvaliteetsete publikatsioonide arv * *		749			1200	
Euroopa Patendiameti patentide arv miljoni elaniku kohta	8,9***				45	
Ettevõtete innovatsiooniinvesteeringud (% käibest)		1,6			2,5	
Uutest toodetest ja teenustest saadav müügitulu (% käibest)		7,6			15	
Hõive kõrgtehnoloogilises ja kesk-kõrgtehnoloogilises tööstuses ja teeninduses (% koguhõivest)		7,53			11	
Ettevõtete tootlikkuse kasv töötaja kohta EL25 keskmisest (%)		50,6	68	72	80	

* Eesti Statistikaameti andmetel

** *ISI Web of Knowledge*'i andmetel

*** 2002. aasta andmed

Alates 2004.aastast on T&A toetuspoliitika elluviimisele kaasatud Euroopa Liidu struktuurfonde. Struktuurfondide panus T&A rahastamisse on olnud oluline, kuid nende rakendamisel on ilmnunud kaks tõsist probleemi. Esiteks rakenduvad toetused keeruka bürokraatia tõttu suure viivitusega. Teiseks ei ole alati suudetud tagada struktuurfondide piisavat lisandumist riiklikule rahastamisele, nagu see oli kavandatud.

Tähtsat rolli Eesti majanduse restruktureerimisel ja tehnoloogilisel ajakohastamisel, omavad välisinvesteeringud, mille senine maht inimese kohta on olnud Kesk- ja Ida-Euroopa riikide hulgas suurim. Alates 2001.aastast on üha suurenenud reinvesteeringute kasumi osakaal. Uute greenfield-tüüpi investeeringute maht pole kuigivõrd kasvanud. Suurima osa (üle 50%) oma kasumist teenisid välisinvesteeringud perioodil 2003-2004 vaid kahest sektorist- finantsvahendusest ja kinnisvarasektorist. Töötlevasse tööstusse on 2005. aasta lõpu seisuga suunatud vaid 13,3% kõigist välisinvesteeringutest.

Kokkuvõte

Teadmispõhise majanduse kujundamisel on suur ja mitmetahuline roll avalikul sektoril. Riik on investor, reguleeria, keskkonnalooja, strateegiliste valikute langetaja ja suunaseadja. Väljakutsetega toimetulekuks Eestis on väljatöötatud ja valitsuse poolt heaks kiidetud uus

strateegiline dokument: EESTI TEADUS- JA ARENDUSTEgevuse ning INNOVATSIOONISTRATEEGIA .TEADMISPÕHINE EESTI 2007-2013.Strateegia juurde kuulub ka rakendusplaan.

Eestil on potentsiaali konkurentsivõime saavutada. Võrreldes teiste Euroopa Liidu liikmesriikidega on siiski kolm suurt probleemi, mida praegune TA&I korraldus Eestis pole suutnud lahendada.

Esiteks, heade tulemuste saavutamiseks on tarvis piisaval hulgal motiveeritud teadlasi ja tippspetsialiste. Praegune teaduskorraldus ja vananenud infrastruktuur ei motiveeri küllaldaselt andekaid noori valima teadlaskarjääri ning jääma või tulema Eestisse. Seetõttu on Eesti teadlaste ja inseneride arv osakaaluna töäjõust (2004.aastal 0,5%) väiksem EL-i keskmisest(2003.aastal 0,54) ja mitmekordselt väiksem Põhjamaade vastavast näitajast(2003.aastal Soome 1,62%, Rootsi 1,02%).

Teiseks, et teha ajakohasel tasemel teadustööd ja osaleda rahvusvahelises koostöös on vajalik konkurentsivõimeline T&A infrastruktuur. Aastatel 2006-2008 on küll T&A infrastruktuuri arendamise programmi katsefaas, kuid see katab vaid väikese osa investeringuvajadustest. Kolmandaks, lahendada tuleb ka rakendusuuringute riikliku rahastamisega seotud küsimused. Tuleb rohkem arvestada Eesti vajadusi ja võimalusi ning tagada rahastamise stabiilne kasv kokkulepitud tasemel. Oluline on keskenduda eelkõige Eestile tähtsatele valdkondadele, suurendada sinna suunatud vahendite osatähtsust.:

- Info-ja kommunikatsioonitehnoloogia(s.h.rakendused tervishoius)
- Materjalitehnoloogia
- Energeetika(s.h.põlevkivitehnoloogia ja säästvad energiatehnoloogiad)
- Riigikaitse ja julgeolek

Teaduse-ja arengu ning innovatsiooni süsteem peab ühest küljest tagama Eesti kultuuriliseks taastootmiseks ja hariduse järjepidevuseks vajaliku uuringute mitmekesisuse, kuid teisalt suutma kontsentreeritult käsitleda nii tulevikuvõimalusi(uusi tehnoloogiaid) kui ka tulevikuriske, nagu näiteks rahvastiku vähenemine, kliimamuutused, energiaga varustus. Lisaks sellele tuleb ressursse koondada ka mitmete oluliste sotsiaalmajanduslike teemade käsitlemiseks, üha arendusmahukamate tegevuste käivitamiseks Eesti ettevõtetes ning TA&I investeringute kiire kasvu saavutamiseks.

Kasutatud kirjandus:

1. J-J.Siimon, R. Lumiste. Tooteinnivatsioon ja innovatsioonisüsteemid. Tartu. TÜ Kirjastus. 2000.
2. I.Liiv,E.Kalle. Teadmisjuhtimine. TTÜ kirjastus.2005.
- 3 J:Tidd, J.Bessant, K.Pavitt. Innovatsiooni juhtimine Kirjastus Pegasus.2006..
4. Kõörna,A. Jnnovatsioon ja teadus.Tallinn,2005.
5. Kattel,R., Kalvet,T. Teadmispõhine majandus ning info-ja kommunikatsioonitehnoloogia alane kõrgharidus: hetkeolukord ning väljakutsed kõrgharidussüsteemile aastani 2008, Tallinn;PRAHIS.2006.
6. Eesti Vabariigi Valitsuse strateegiadokument. EESTI INNOVATSIOONIPOLIITIKA, Eesti teadus-ja arengutegevuse ning innovatsiooni strateegia. Teadmispõhine EESTI 2007-2013.www.mkm.ee/index.php?id=9042

KOHALIKE OMAVALITSUSTE RAHASTAMISEST EESTIS

Olev RAJU,
Tartu Ülikooli professor

1. Omavalitsuse kohast Eestis ja Euroopas.

Omavalitsuse mõiste sisu ja tema poolt täidetavad funktsioonid fikseerib iga riigi põhiseadus. Eesti Vabariigi põhiseaduses on omavalitsuse mõiste kahjuks sisuliselt defineerimata. Lähtudes põhiseaduse eri osadest võib omavalitsusele anda kolm põhimõtteliselt erinevat tõlgendust: 1) haldusterritoriaalne üksus, 2) omavalitsuse organ või koguni organid, 3) riigisisene detsentraliseeritud juhtimise ja kogukondliku elu korraldamise vorm. Sellest ebajärjekindlusest Eesti Vabariigi põhiseaduses tuleneb ka segadus Eesti Vabariigi õigusaktides, kus mõistet omavalitsus on kasutatud erinevalt (Mäeltsemees, 2002).

Ühtset seisukohta omavalitsuse olemuses pole ka Euroopa Liidus. Sellest tulenevalt on riigi funktsioonide jaotus keskvalitsuse ja omavalitsuste vahel riigiti erinev. Seda vaatamata Euroopa kohalike omavalitsuste harta (mille on möödusteta ratifitseerinud ka Eesti) selgele seisukohale: "Riigi kohustusi täidavad üldjuhul eelistatavalt kodanikele kõige lähemal seisvad võimuorganid. Kohustuste määramisel mõnele teisele võimuorganile peaks kaaluma ülesande ulatust ja iseloomu ning efektiivsuse ja majanduslikkuse nõudeid" (artikkel 4).

Omavalitsuste poolt täidetavad funktsioonid ja seega ka nende rahastamine sõltuvad otseselt omavalitsustasanditest. Omavalitsustasandeid on Euroopas nii üks (Soome), kaks (Rootsi, Taani) kui koguni kolm (Itaalia, Suurbritannia). Eestis oma 1,3 miljoni elaniku juures on momendil 223 omavalitsust, kus elanike arv ulatub Tallinna 400 000 kuni Ruhnu valla 89 (minimaalne seis oli paari aasta eest isegi 68) elanikuni. On selge, et väikeses Eestis pole mõtet kahe- (veel rohkem kolmetasandilisel) omavalitsussüsteemil. Küsimus on eelkõige funktsioonide jaotuses keskvalitsuse ja omavalitsuste vahel ja väikeste omavalitsuste võimes oma ülesannetega toime tulla.

Omavalitsuste majanduslik tähtsus on Eestis suhteliselt tagasihoidlik, moodustades 8-9% (Ulst, 2002), mõnede andmetel vaid 6% SKPst. (2001 aasta...). Soomes oli vastav näitaja 1995.a. 23%, Rootsis 25% ja Taanis koguni 33% (Raju, 2003). Kuna ka Eesti SKP inimese kohta on (sõltuvalt arvutamise meetodikast) 3-5 korda madalam kui neis riikides, on selge, et omavalitsuste roll Eestis on märksa tagasihoidlikum. Eestis ei vastutata omavalitsused sisuliselt tervishoiuteenuste, tööhõive, korra- ja päästeteenuste eest. Vaatama nende osa teatud laienemisele viimastel aastatel on piiratud nende roll ka haridusteenuste ja sotsiaalhoolekande teenuste osutamisel. Kuid ka selliste piiratud funktsioonide hulga täitmiseks napib omavalitsustel rahalisi vahendeid; nende rahastamise süsteem aga ei rahulda.

Eesti omavalitsuste rahastamise praeguse süsteemi järgi jääb kõigepealt neile osa antud territooriumil elavate inimeste poolt makstavast tulumaksust mis võrdub 11,8% (alates 01.01.2007 koguni 11,9%) isikute brutotulust. Isiku tulumaks (7,83 miljardit krooni) moodustas 2006.a. 92,4% kõigist omavalitsustele laekunud maksudest. Kuid samal ajal oli isiku tulumaks vaid 43,9% kogu omavalitsuste poolt 2006. kulutatud rahast (Kuuaruanne <http://www.fin.ee/?id=12555>).

Lisaks maksudele (2006 aastal 8,4 miljardit krooni) saavad omavalitsused tulu veel kaupade ja teenuste müügist (1,6 miljardit krooni) ning mitmesuguseid toetusi riigilt (6,0 miljardit krooni). Lisame siia veel mitmesugused muud tulud (eelkõige maa ja rajatiste müük ning renditulud,

kokku 1,9 miljardit krooni) ning laenude saldo (0,2 miljardit krooni) ning saamegi omavalitsuste kogutulu 18,1 miljardit krooni 2006 aastal (ibid).

Lisaks isiku tulumaksule saavad omavalitsused olulise osa oma eelarvete tuludest ülekannete vormis riigieelarvest. Need summad on kas sihtotstarbelised või siis toetusfondina madalama tulubaasiga omavalitsustele, seega kas kulu- või tulupõhised.

2. Kulupõhisuse ja tulupõhisuse ühildamisest

Omavalitsuste rahastamisele on püütud läheneda nii kulupõhiselt kui tulupõhiselt. Mõlemal seisukohal on pooldajaid; arvestatavaid majandusteoreetilisi töid, mis analüüsiksid seda probleemi just Ida-Euroopa riikide vaatevinklist, meie andmetel aga pole.

Kuni 1995.aastani olid omavalitsuste eelarved Eestis üles ehitatud kulupõhiselt, s.t. lähtuti iga konkreetse omavalitsuse oodatavatest kuludest. Kuna nende välja toomine oli keerukas, siis praktikas tähendas see järgmise aasta kulude taseme määramist põhimõttel – eelmise aasta faktiline kulude tase pluss teatud kasvuprotsent. Kui mõnel omavalitsusel õnnestus ühel aastal kulude tase “üles” ajada, siis oli tagatud mugav elu aastateks.

Sellise sotsialistlikule plaanimajandusele iseloomuliku ebamajanduslikust stimuleeriva situatsiooni likvideerimiseks otsustati üle minna omavalitsuste tulupõhisele rahastamisele, s.o. variandile, mis teatud modifikatsioonidega oli kasutusel aastani 2003 ja mille kriitika on toodud eespool. Aastail 1996-2002 püüti seda süsteemi korduvalt täiustada (asendati planeeritav omatulu elaniku kohta eelmise perioodi tegeliku omatuluga, täpsustati elanike arvu kindlaks määramise metoodikat jne). Need täiustused on aga viinud paljuski selle tulupõhise süsteemi lammutamisele. Viimase näiteks on omavalitsustele kulupõhiselt üle antavad toimetulekutoetused, munitsipaalkoolide rahad jne, mis kokku on juba täiesti võrreldavad tulupõhiselt jaotatava rahaga (Kohaliku, 2004). Seega olime me *de facto* jõudnud olukorrani, kus omavalitsusi rahastatakse nii kulupõhiselt kui tulupõhiselt. Eeltoodust lähtudes on paaril viimasel aastal kerkinud uuesti teravalt päevakorda küsimus – kas kulu- või tulupõhine rahastamine. Nagu juba öeldud, on toimetulekutoetuste maksimisel jmt. juhtudel omavalitsused niiöelda kassapidaja rollis, s.t. nad saavad riigilt raha ja maksavad selle seadustest lähtudes välja. Probleem kulu- või tulupõhjalisest eelarvest seda osa omavalitsuste eelarvetest ei puuduta - see osa tuludest on ja saab olla vaid kulupõhine. Probleem kulu- ja tulupõhisest on kogu aeg olnud aktuaalne nn. omatulude taseme kindlaks määramisel ja tagamisel; eriti just toetusfondi suuruse leidmisel ja jaotamisel. Aastatel 1996 - 2002 oli selle jaotamise põhimõte dominantselt tulupõhine. Mida väiksemad olid konkreetse omavalitsuse nn. omatulud (isiku tulumaks, maamaks ja loodusvarade kasutustasu), seda rohkem raha toetusfondist antud omavalitsusele eraldati. Kui suurenesid maksutulud, vähenesid koheselt konkreetsele omavalitsusele toetusfondist eraldatavad summad. See vähendas oluliselt omavalitsuste motivatsiooni omatulude suurendamiseks. Teiseks oluliseks aastatel 1996 - 2002 kasutatud toetusfondi jaotamise valem puuduseks oli tema täielik lahutamine kuludest. Omavalitsuste lausa hädavajalik kulude tase ühe elaniku kohta võib olla ja ongi erinev, sõltudes elanikkonna vanuselisest ja soolisest struktuurist, asutuse hajuvusest (seega ka kommunikatsioonide - teed - tänavad, tehnovõrgud jne - pikkusest) jmt teguritest. Neid faktoreid toetusfondi valem ignoreeris.

Alates 2003.a. toimub toetusfondi jaotamine uue valemi alusel, mis püüab integreerida kulupõhist (oli kasutusel enne 1995 aastat) ja tulupõhist (1996 - 2002) lähenemist. Vaatamata oma keerukusele (vt. allpool), mis pealegi raskendab tema rakendamist, ei lahenda valem kaugeltki kõiki paljude omavalitsuste tulubaasi nõrkusest tulenevaid probleeme. Tema kasutamine võimaldab 3 - 4 aasta võrra edasi lükata kardinaalseid reforme omavalitsuste

tulubaasi kujundamisel, kuid mitte mingil juhul veel ei lahenda olemasolevaid probleeme. Seetõttu on omavalitsuste rahastamise uute aluste edasised otsingud ülimalt aktuaalsed.

3. Kooli mõju omavalitsuste eelarvele

Kool on just üks neid kohti, kus on kasutusel otseselt kulupõhine omavalitsuste rahastamine. Koolide majanduskulud ja palgad kaetakse riigieelarvest lähtudes õpilaste arvust. Riigieelarvest finantseeritakse ka suuremaid investeeringuid – koolide renoveerimine või uue kooli ehitus. Kuna omavalitsus on siin nii-öelda kassapidaja rollis, siis omavalitsuse minimaalsed võimalikud kulud on 0. Palkadest aga laekus 2004 aasta tingimustes tagasi 11,4% ja 2006 aasta omades 11,8% brutotulust. 2004 aastal kulutasid omavalitsused koolidele kokku 4148 krooni (algkoolid 85 miljonit, põhikoolid 1085, gümnaasiumid 2893 ja täiskasvanute gümnaasiumid 85 miljonit krooni), mis moodustab omavalitsuste summaarsest eelarvest peaaegu 30%.

Esimesel lähenemisel näib, et selle raha osas on omavalitsus vaid kassapidaja rollis – raha tuleb riigieelarvest ja läheb ka välja. Tegelikult on siinkohal olemas omavalitsuste otsene rahaline huvi – sellelt rahalt makstav isiku tulumaks laekub eeltoodud valemist lähtudes omavalitsustele. Seega võib väita, et otseselt said omavalitsused oma eelarvetesse tänu koolile juurde nende kulude osas olevate palkade summa korrutatuna 11,8%.

Palkade osakaalus koolidele kulutatud rahas ametlik statistika välja ei too (vähemalt meie käsutuses olevatel andmetel). Küll aga on võimalik seda leida üksikutes omavalitsustes nende algandmestiku baasil. Nii kulutas Tartu linn üldhariduskoolidele 2006 aastal 211 554 tuhat krooni, millest palkadeks läks 160 714 tuhat krooni ehk 79,7% (autori arvutused). Sama meetodikaga leitud palgakulude osakaal oli autori arvutuste alusel Viljandi linnas 79,6 ja Ülenurme vallas 80,1%. Kuna hälbed olid väga väikesed, siis võttes siinkohalt keskmiseks 80% ja arvestades võimalikku viga, võib väita, et koolide palgarahad lisasid omavalitsuste eelarvetesse 2004 aasta tingimustes ligikaudu $4148 \times 0,8 \times 0,118 = 385$ miljonit krooni. (Autori arvutused algdokumentatsiooni alusel) Tegelikult on tagasilaekumine suurem – lähtudes *ceteris paribus* printsiibist ei ole siinkohal arvestatud täiendavat tulu koolisööklate jt koole teenindavate asutuste palkadelt.

Keerulisem on olukord koolieelsete lasteasutuste ja spordi- ning huvikoolidega. Nende rahad ei tule riigieelarvest sihtfinantseerimisena, küll aga laekub ka nii kulutatud rahalt isiku tulumaks kohalikule omavalitsusele. Spordikoolidele ja huvikoolidele kulutati omavalitsuste poolt 2006 aastal 760 miljonit ja koolieelsetele lasteasutustele 1,7 miljardit krooni. (Kuaruanne..., 2006). Arvutused teeb aga keeruliseks asjaolu, et nende asutuste osas erineb aruandlus veidi üldhariduskoolide osast, mistõttu palgakulude osakaalu on veelgi raskem välja tuua. Tartu linnas moodustas see 2006 aastal ligikaudu 71-72%; Viljandi ja Ülenurme aruandlusest ei osutunud selle väljatoomine piisava täpsusega võimalikuks (Tartu on teinud omal algatusel täiendavaid analüüse, mis olid siinkohal suureks abiks). Võttes aluseks Tartu linna andmed, võib väita et tagasilaekumine neilt summadelt moodustab vähemalt $(1,7+0,7) \times 0,7 \times 0,118 = 186$ miljonit krooni. Ka siin ei ole arvesse võetud täiendavaid laekumisi nende asutuste palkadelt, mis teenindavad neid haridusasutusi.

Järeldus saab olla ainult üks. Kuna eeltoodud põhjustel on lähiaastatel vaja kardinaalselt reformida isiku tulumaksul baseeruvat omavalitsuste rahastamise süsteemi, siis tuleb leida selle reformi käigus omavalitsustele täiendavaid tuluallikaid vähemalt 0,5 miljardi ulatuses tagasilaekumiste ära langemise kompensatsiooniks.

4. Kool kui tuluallikas.

Eespool vaadeldi kooli kui olulist kuluallikat omavalitsuse eelarvele. Samal ajal on kool ka arvestatav omavalitsuse tuluallikas.

Kõigepealt tulevad otseselt riigieelarvest need summad, mida omavalitsus kulutab koolitöötajate palkadeks. Teiseks laekub nendelt palkadelt omavalitsusele tulumaks - 2007 aasta tingimustes 11,9% brutopalgast (loomulikult eeldusel, et kooli töötajad on sisse registreeritud „koolivalda”). Kolmandaks. Üldreeglina tegeleb laste toitlustamisega kohalik ettevõtte. Selle inimeste palkadelt laekub tulumaks kohalikele omavalitsusele. Neljandaks. Kooli varustamisega veega ja koolimaja kütmisega tegeleva ettevõtte töötajate palkadelt laekuv tulumaks. Viiendaks. Kaudsed palgad, nagu kooliekskursiooni bussijuhi palk, täpsemalt sellelt laekuv tulumaks jne.

Kõige olulisem on aga kooli mõju seoses tasandusfondi summade (2007 aastal 1,43 miljardit krooni!) jaotamisega. “2007. aasta riigieelarve seaduse” § 4 lõige 1 kehtestab kohaliku omavalitsuse üksuste eelarvete tasandusfondi jaotamiseks alljärgneva valemi:

$T_n = (AK - AT) * k$, kus

$$AK = \left(\sum_{n=1}^6 C_n * P_n \right);$$

$$AT = \left[TM_{2006} * 0,5 + TM_{2005} * 0,3 + TM_{2004} * 0,2 + \frac{MM}{ARVEST} + \frac{RESM}{ARVEST} \right]$$

- T_n – tasandusfondi suurus konkreetses kohaliku omavalitsuse üksuses (kui $AT > AK$, siis $T_n = 0$);
- AK – konkreetse kohaliku omavalitsuse üksuse arvestuslik keskmine tegevuskulu;
- AT – konkreetse kohaliku omavalitsuse üksuse arvestuslikud tulud;
- k – toetustaseme koefitsient;
- C_n – konkreetse kohaliku omavalitsuse üksuse laste (0–6 eluaastat) arv, kooliealiste (7–18 eluaastat) arv, tööealiste (19–64 eluaastat) arv, vanurite (65+ eluaastat) arv rahvastikuregistri andmetel, kohalike maanteede ja linnatänavate arvestuslik pikkus (kõvakattega maanteed 0,26; linnatänavad 0,74; mittekõvakattega maanteed 0,047 osakaaluga) kilomeetrites ning hooldatavate ja hooldajateenust saavate puudega isikute arv hooldajatoetuse aruande järgi;
- P_n – kohalike omavalitsuste arvestuslik keskmine tegevuskulu kroonides ühe lapse (0–6 eluaastat), kooliealise (7–18 eluaastat), tööealise (19–64 eluaastat), vanuri (65+ eluaastat), hooldatava ja hooldajateenust saava puudega isiku ning kohaliku maantee ja linnatänavate arvestusliku pikkuse (kõvakattega maanteed 0,26; linnatänavad 0,74; mittekõvakattega maanteed 0,047 osakaaluga) ühe kilomeetri kohta kroonides;
- $\sum C_n * P_n$ – konkreetse kohaliku omavalitsuse üksuse laste arv, kooliealiste arv, tööealiste arv, vanurite arv, hooldatavate ja hooldajateenust saavate isikute arv ning kohalike maanteede ja linnatänavate arvestuslik koefitsientidega korrigeeritud pikkus kilomeetrites ja iga vastava näitaja osas ühe ühiku kohta arvatud kohalike omavalitsuste arvestusliku keskmise tegevuskuluga kroonides korrutiste kogusumma;
- TM – üksikisiku tulumaksu laekumine konkreetses kohaliku omavalitsuse üksuses vastavalt 2004., 2005. ning 2006. aastal viiduna võrreldavaks 2007. aastal kehtiva kohaliku omavalitsuse üksustele laekuva tulumaksu osaga;
- $\frac{MM}{ARVEST}$ – arvestuslik maamaks (1,25 protsenti üldise maa ja 0,6 protsenti põllumajandusmaa maksustamise hinnast 2006. aastal) konkreetses kohaliku omavalitsuse üksuses;
- $\frac{RESM}{ARVEST}$ – arvestuslik maavarade kaevandamisõiguse tasude ja vee-erikasutustasu planeeritav suurus 2007. aastal konkreetses kohaliku omavalitsuse üksuses;

Valemi vaatlemisel selgub, et kooli mõju täiendavale tulule on mitmetahuline. Täiendav laekumine tasandusfondist sõltub kõigepealt nn. omatuludest. Mida suuremad need on, seda

väiksem on tasandusfondist tulev summa. Järelikult õpetajate jt, eelloetletud koolist tulu saavate isikute palgasumma vähendab tasandusfondist tulevaid laekumisi (vt. AK eeltoodud valemis). Kuid samal ajal on kõik see sees ka valemis olevas näitajas AT. Seega lõpptulemusena sõltub kõik sellest, kumb näitaja on T_n leidmisel suurema osakaaluga. Kuna näitaja AT juures võetakse viimase aasta tulumaks koefitsiendiga 0,5, varasemad koefitsientidega vastavalt 0,3 ja 0,2, ning palgatase on pidevalt tõusev, siis on selge, et vahe AK-AT, mis on olulisim tasandusfondi suuruse tegur mistahes omavalitsuses, on tänu koolile (kooliga seotud inimeste palkadele) positiivne. Siit järeldus- kool toob omavalitsusele rohkem tulu kui kulutab. Viimane kehtib loomulikult nende omavalitsuste suhtes, millised saavad täiendavat tulu tasandusfondist.

Järeldused

1. Praegu kasutusel oleva omavalitsuste finantseerimise süsteemi võimalused on ammendumas. Temaga möödapääsmatult kaasnevad suured erinevused omavalitsuste tulude tasemes aga ka tulumaksuvaba miinimumi möödapääsmatu jätkuv kasv nõuavad praeguse süsteemi kiiret ja kardinaalset reformi.

2. Taas on teravalt päevakorda kerkinud omavalitsuste rahastamisel kulu- ja tulupõhise printsiibi ühildamine. Arvestatavaid teoreetilisi töid, mis lähtuksid Ida-Euroopa riikide situatsioonist, selles valdkonnas pole.

3. Tänu isiku tulumaksu nn tagasilaekumisele toimivad koolid omamoodi rahapumbana riigieelarvest kohalikkude eelarvesse. Täiendavat tulu tänu kooli olemasolule saavad kõik need omavalitsused, millised saavad kompensatsiooni tasandusfondist.

4. Isiku tulumaksul baseeruva omavalitsuste rahastamise süsteemi kardinaalsel reformimisel tuleb leida omavalitsustele selle mehhanismi kaduma mineku kompensatsiooniks vähemalt 500 miljoni eest täiendavaid tulusid.

Kirjandus

1. Kohaliku omavalitsuse tulu ühe elaniku kohta 2006 aastal.
<http://www.fin.ee/index.php?id=12510>.
2. Kohalike omavalitsuste kuuaruanne (detsember 2006).
<http://www.fin.ee/index.php?id=12555>.
3. 2001. aasta I poolaasta riigieelarve täitmise aruanne. Tallinn 2001.
4. **Mäeltsemees S.** Kohalik omavalitsus ja ühiskondlik kokkulepe – Usaldus. Vastutus. Sidusus. Tallinn 2002. lk. 374 - 378.
5. **Raju, O.** Omavalitsuste rahastamise probleemid Eestis. Eesti majanduspoliitika teel Euroopa Liitu: XI teadus- ja koolituskonverentsi ettekanded-artiklid. Tartu- Värska, 26-28 juuni 2003, lk. 466 - 474.
6. **Ulst, E.; Jaakson, A.** Keskvalitsuse ja kohaliku omavalitsuse fiskaalsuhete arengusuunad - Euroopa Liiduga liitumise mõju Eesti majanduspoliitikale. Berliin-Tallinn, 2002, lk. 457 - 470.

Налоги в системе управления экономикой

Елена ДЕМЬЯНОВА, Елизавета ГАВРИЛОВА,
OÜ Aristotel Finance (Таллинн)

Налоговая система в числе прочих факторов (полезные ископаемые, климатические условия, развитая инфраструктура, близость источников энергии, дешевая рабочая сила и т.д.) оказывает существенное влияние на развитие экономики. Поскольку ни климатические условия Эстонии, ни ее полезные ископаемые не могут создать конкурентных преимуществ, основными факторами, способствовавшими росту экономических показателей, можно считать разумную налоговую политику (на фоне не очень разумной – внешней), наличие относительно дешевой и относительно квалифицированной рабочей силы и выгодное географическое расположение (при наличии достаточно развитой унаследованной инфраструктуры).

Выгода географического расположения значительно уменьшается в связи с недооценкой и неспособностью привлечь новые и удержать имеющиеся транзитные потоки. Недальновидная внешняя политика и реализация сиюминутных амбиций со временем может вообще свести этот фактор к минимуму. Квалифицированная рабочая сила, не будучи обеспеченной достойным компенсационным механизмом для развития и воспроизводства, перетекает в страны с более высоким уровнем оплаты. Оставшаяся часть характеризуется высокой степенью некомпетентности в быстро меняющихся и требующих приспособления и постоянного дообучения в рыночных условиях, что особенно заметно в строительной сфере как одной из особенно интенсивно развивавшихся в последнее время, в связи с крайней дешевизной жилищных кредитов, к тому же дающих налоговые льготы. Однако именно этой оставшейся части будет повышена заработная плата (только за то, что не уехали), а повышение уровня заработной платы, в свою очередь, приведет к притоку иностранной, более дешевой рабочей силы. При имеющемся достаточно высоком уровне безработицы (при этом следует все-таки отметить огромный вклад государства при поддержке ЕС в обучение и переобучение безработных, однако за короткий срок создание квалифицированного специалиста невозможно, возможно лишь создание трамплина для дальнейшего развития и уменьшение напряженности на рынке труда), уже наблюдается крайний дефицит квалифицированных рабочих кадров.

Отмена налога на реинвестированную прибыль в Эстонии способствовала притоку инвестиций. Благоприятный налоговый климат дал определенные результаты и в развитии среднего и мелкого бизнеса. Однако вступление в ЕС влечет за собой не только права, но и определенные обязательства: гармонизация налоговой системы предусматривает среднее значение налогового бремени. Привлекательность налоговой системы Эстонии была еще и в простоте налогообложения: линейный налог на заработную плату, отсутствие налога на прибыль, небольшой перечень налогов – все способствовало развитию предпринимательства. В настоящее время мы стоим перед фактом постоянно изменяющегося законодательства, как в рамках одной страны, так и в пределах Европейского Союза. В новой редакции вышла Шестая директива ЕС (ранее 77/388/EMÜ, в новой редакции - 2006/112/EÜ), касающаяся налога с оборота, требуются изменения Закона о подоходном налоге в связи с тем, что распределение дивидендов по общеевропейским нормам не облагается налогом, как происходит в настоящее время в Эстонии, хотя по сути, обложение распределения дивидендов является ничем иным, как отсроченным во времени обложением прибыли, полученной предприятием.

Введение налога на прибыль в размере 5-10% могло бы при одновременном снижении налогов на наемную рабочую силу удовлетворить этим требованиям, не нанеся существенного ущерба для бюджета. Налог на прибыль видится дифференцированным в зависимости от оборота и численности работников на предприятии (вплоть до полного освобождения для небольших фирм). Такая дифференциация могла бы послужить дополнительным стимулом для развития мелкого и среднего бизнеса (но только при условии снижения налогов на наемную рабочую силу). Назрела необходимость освобождения от налогов либо применения налоговых льгот к расходам на социально-культурные мероприятия и возможно даже жилищное строительство. Нелишним было бы и освобождение от налогов расходов на образование, Это позволило бы фирмам заранее выбирать кандидатов из числа перспективных учащихся и курировать их обучение, а также предоставлять практику. Подобные налоговые льготы потребуют дополнительной правовой базы для избегания злоупотреблений, как со стороны работников, так и со стороны предприятий, однако позволят изменить качественный состав рабочей силы и удержать ее отток за пределы Эстонии.

В преддверии угрожающей рецессии (либо экономического кризиса – в зависимости от грамотных управленческих решений в масштабе государства) на фоне падения покупательской способности населения и роста количества кредитов, выданных населению, кардинальные изменения системы налогообложения совершенно необходимы.

Экономическая безопасность

Алина ЧЕРКАШИНА,
студентка Эстоно-Американской бизнес-академии

Руководитель: **Владимир НЕМЧИНОВ,** д. э. н., профессор

Высокая динамичность глобальных процессов сопровождается не только положительными явлениями, но и серьёзными проблемами. Среди них международные финансовые кризисы, технологические и экологические катастрофы, распространение опасных заболеваний (птичий грипп), конфликты в сфере энергетической безопасности, терроризм, военные конфликты, информационные войны, климатические аномалии и другое. Виды, средства, масштабы и сферы глобального воздействия на жизнь того или иного государства быстро расширяются. Это вызвало необходимость начать разработку серьёзных защитных мер. Система этих мер интегрировалась в такую категорию, как **национальная безопасность**, которая включает оборонную, экологическую, энергетическую безопасность. Среди важнейших векторов сюда же входит и **экономическая безопасность**. Её задача – обеспечение экономической независимости страны, защита от процессов, ведущих к кризисам, нестабильности общества, замедлению его развития, внешнему контрпродуктивному влиянию и покушению на захват ресурсов.

Термин “экономическая безопасность” появился в 1970-е годы, в связи быстрым ростом влияния транснациональных корпораций (ТНК) на глобальные экономические процессы и использованием экономических факторов в геополитике высокоразвитых стран. Цели такой политики были направлены на завоевание мировых рынков сырья, снижение конкурентоспособности стран–партнёров, оказание политического влияния на отдельные страны или регионы.

Эстония, будучи небольшой страной, находящейся в постсоветском периоде строительства своей экономики, является весьма уязвимой к многочисленным как внешним, так и внутренним угрозам. Среди них можно выделить прямые и косвенные угрозы. К сожалению, пока не существует единой методики или общепринятых критериев, чтобы установить степень той или иной угрозы. Оценки, как правило, носят качественный характер и в определённой мере зависят от субъективных суждений человека-аналитика. В качестве примера возможных прямых угроз экономической безопасности можно указать следующие: перегрев экономики, приводящий её к кризису; утечка мозгов и рабочих рук на работу за границу; негативный платёжный баланс; опережающий рост коммунальных тарифов при недостаточной индексации пенсий, обвал на бирже ценных бумаг, вызванный внешним влиянием; неожиданный приход или уход иностранного крупного финансового капитала.

Косвенные угрозы экономической безопасности более многообразны и часто не так очевидны. Однако они менее неожиданны по сравнению с прямыми угрозами. Их можно выявлять заранее и, таким образом, им противодействовать. В качестве примера таких угроз эстонской экономике можно указать на возможное резкое сокращение транзита; неравномерное развитие отдельных регионов; дефицит энергоресурсов; отставание в переходе на новейшие технологии и продолжающееся экстенсивное развитие экономики, приводящее к дефициту рабочих рук и энергии.

Высокие темпы процессов, происходящих в современной глобальной экономике, вызвали необходимость разработки парадигмы нового научного направления, занимающегося

исследованием рисков национальной безопасности и, в том числе, экономической безопасности. При этом она рассматривается, во-первых, как категория, имеющая сложную структуру строения, во-вторых, охватывающая весьма широкий круг вопросов, которые можно сгруппировать по трём важнейшим разделам.

1. **Экономическая независимость.** В современных условиях глобального разделения труда её главная задача – найти такой уровень производства, эффективности и качества продукции, который обеспечивает её конкурентоспособность и позволяет на равных участвовать в мировой торговле, кооперационных связях и обмене научно – техническими достижениями.
2. **Стабильность и устойчивость национальной экономики,** включая защиту собственности, поддержание предпринимательской активности, сдерживание дестабилизирующих факторов, борьбу с криминалом в экономике, ограничение разрыва в распределении доходов.
3. **Способность к саморазвитию и прогрессу,** означающая создание благоприятного климата для инвестиций и инноваций, постоянная модернизация производства, повышение профессионального, образовательного и культурного уровня работников.

Широту современного взгляда на экономическую безопасность хорошо иллюстрирует формулировка её **сущности**, как: такое состояние экономики и институтов власти, при которых обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях внутренних и внешних процессов. Таким образом, экономическая безопасность – это не только защищённость национальных интересов, но и готовность, и способность институтов власти создавать механизмы защиты национальных интересов развития экономики, поддержания социальной и политической стабильности общества.

Как мы уже сказали, при желании или необходимости состояние экономической безопасности страны даже в соответствии с её трактовкой, которую мы только что привели, можно оценить по качественным критериям, например, „хорошо – плохо“, „важно – очень важно“, „существенно – несущественно“ и т.д. Однако с учётом масштаба исследования, его целей и степени системного подхода возможно осуществлять и количественные расчеты. Для этого критериям оценки можно дать количественные значения в виде шкалы и затем оценить значимость каждого критерия среди других критериев, исходя из того, что все критерии принимаем за сто процентов. Таким образом, путём взвешивания факторов можно рассчитывать значимость каждого фактора в итоговой оценке экономической безопасности. Подобным расчётом можно сравнить её состояние в различные временные периоды или сопоставлять с другими странами.

Важный вопрос – выбор критериев, от которых может зависеть широта охвата проблемы. При широком охвате такими критериями могут быть:

- **Уровень эффективного использования ресурсов,** капитала и труда и его соответствие уровню использования в наиболее развитых и передовых странах, а также уровню, при котором угрозы внутреннего и внешнего характера, сводятся к минимуму.
- **Конкурентоспособность экономики.**
- **Целостность** территориального пространства.
- **Суверенитет,** независимость и возможность противостоять внешним угрозам.
- **Социальная стабильность** и условия предотвращения и разрешения социальных конфликтов.

Среди критериев, которые, как правило, могут иметь **количественное** выражение, следует назвать следующие.

Темпы инфляции. Уровень безработицы. Рост ВВП. Дефицит бюджета.
Государственный долг. Золотовалютные резервы. Удельный вес теневой экономики.

Аналитики, которые занимаются исследованием проблемы экономической безопасности, должны чувствовать пороговые уровни критериев, превышение которых может вызвать разрушительные процессы, и требует реальных ответных мер со стороны государства. Уровень этих пороговых значений подвижен в зависимости от конкретных условий и возможного их воздействия.

Завершая изложение нашего исследования, можно сказать, что экономическая безопасность представляет собой совокупность внутренних и внешних условий, благоприятствующих эффективному динамичному росту национальной экономики, её способность удовлетворять потребности общества, государства, индивида, обеспечить конкурентоспособность на внешних и внутренних рынках, защитить от угроз и потерь.

Таким образом, энергетическая безопасность, во-первых, самым непосредственным образом зависит от эффективности экономики и её соответствия мировым тенденциям, и, во-вторых, она должна поддерживаться всей системой государственных органов, всеми звеньями и структурами экономики.

Естественно, нас интересует ответ на вопрос: а какую оценку мы можем дать экономической безопасности Эстонии? Для этого необходимо наложить „трафарет“ с критериями, о которых мы говорили выше, на реальную картину состояния экономики нашей страны. Хотя с достаточной степенью субъективности, но можно увидеть наши слабые позиции, например, по таким направлениям как:

- недостаточный профессиональный уровень кадров;
- слишком большой разрыв в доходах и уровне жизни населения;
- недопустимо малая доля наукоёмкой продукции в ВВП и экспорте;
- принадлежность банковского сектора почти целиком иностранному капиталу;
- угрожающе большой дефицит в платёжном балансе;
- неравномерное развитие регионов страны;
- большая доля жителей, не имеющих гражданства;
- высокая заболеваемость СПИДом среди молодежи;
- рекордно высокое и имеющее тенденцию к возрастанию потребление алкоголя на душу населения;
- отсутствие крупных современных предприятий-локомотивов экономики и другое. Все они должны быть постоянно в поле зрения экспертов, правительственных органов и общественности с тем, чтобы принимать меры по минимизации и устранению их негативного влияния на экономическую безопасность Эстонии.

Юридическая природа коммерческого договора по праву в Эстонии

Юзеф ЛИВШИЦ,

профессор, зав. кафедрой права Эстоно-Американской бизнес-академии

1. Коммерческая деятельность немыслима без заключения сделок. Хотя практика их использования насчитывает длительное время, юридическая природа сделок такого рода продолжает нуждаться в истолковании. Причин тому несколько. Сказывается отсутствие полной ясности в понимании содержания, объема, места в системе эстонского права его особой отрасли, называемой коммерческим правом. Очевидно, на затуманивание картины влияет ряд проблем общей теории сделки, актуализированных посредством нормативов, входящих в действующее эстонское законодательство. Свою роль играют проблемы критериев, с помощью которых можно было бы разграничить сделки коммерческого и некоммерческого характера.

2. Вступление в силу 1 сентября 1995 года Коммерческого кодекса (КК) создало двойственную ситуацию. С одной стороны, сложилось некоторое основание считать, что эстонское право, развиваясь по пути, проложенному германским правом в конце позапрошлого века, восприняло, так называемую, дуалистическую систему. Для этой системы характерно то, что в ней гражданское и торговое (коммерческое) право разделяются на отдельные отрасли, хотя предметы и методы правового регулирования данных отраслей близко соприкасаются друг с другом.

С другой стороны, Закон об Общей части гражданского кодекса 1994 года (ЗОЧГК-94) признавал, что действие содержащихся в нем общих положений гражданского права, распространяется, кроме всего прочего, и на Коммерческий кодекс (ст. 1). Это утверждение могло быть истолковано таким образом, что коммерческое право признается не как самостоятельная отрасль, а как подотрасль гражданского права. Тем более, если учесть что КК не содержал, подобно Германскому торговому уложению, специального раздела о коммерческом договоре. Коммерческий договор тем самым подпадал под непосредственное регулирующее воздействие норм гражданского права.

Позже позиция законодателя стала меняться. Упоминание, на какие законы распространяется применение норм ЗОЧГК, из текста ст.1 было изъято. Формулировка статьи в ЗОЧГК 2002 года окончательно закрепила такую позицию. Тем не менее, важно учитывать, что одновременно с ЗОЧГК – 02 в действие был введен Обязательственно-правовой закон (ОПЗ). И именно этим законом, хотя и не во всех отношениях, стала выполняться миссия, ранее принадлежавшая ЗОЧГК.

3. «Положения Общей части настоящего Закона, - читаем в ст.1 ОПЗ,- применяются ко всем договорам, указанным в настоящем законе или в иных законах...». Ст. 8 ОПЗ указывает, что договор – это сделка. Таким образом, когда сделка приобретает характер договора, она подпадает под действие ОПЗ, а если конкретные правила договора (в частности, коммерческого) закреплены в другом законе, то, по крайней мере, сохраняется возможность применения Общей части ОПЗ, адресованной договорам. Тем самым гражданское право, к источникам которого можно отнести ОПЗ, заявляет о своей способности регулировать и такие виды сделок, предмет которых может не совпадать с объектом правового регулирования, характерным для гражданского права.

Но ОПЗ не дублирует все правила, относящиеся к сделкам и находящиеся в ЗОЧГК. Так, такой важный институт Общей части гражданского права, как недействительность сделки (ничтожность и аннулирование), предусмотрен лишь ЗОЧГК. Возникает вопрос, на каком основании иные правила ЗОЧГК применимы к коммерческим сделкам, в частности, в случае их недействительности? Прямого ответа на этот вопрос закон не дает. С одной стороны, понятно, что по правилам гражданско-правовых сделок должны решаться вопросы тех коммерческих договоров, виды которых, хотя прямо не выделены

как виды именно коммерческих договоров, но предусмотрены в ОПЗ. С другой стороны, есть и другие законы, устанавливающие правила для коммерческих договоров (Закон о государственном заказе, Закон о коммерческом залоге, законодательство о разных видах перевозок и др.). С точки зрения правовой догматики, применение норм ЗОЧГК к этим случаям может стать делом проблематичным из-за отсутствия соответствующего указания закона, если не считать спасительной роли аналогии через обращение к общему смыслу права.

Таким образом, действующая в Эстонии правовая система признает дуализм гражданского и коммерческого права в весьма относительном смысле, когда обособляется в особую отрасль то, что связано с субъектом коммерческой деятельности, но то, что относится к коммерческому договору, подпадает под действие норм гражданского права или общего смысла права.

4. Природа коммерческого договора находит свое воплощение в признаках, раскрывающих его феноменальность как сделки, и выделяющих данный вид договоров из их общего массива.

Дважды употребленное в разных законах (ЗОЧГК и ОПЗ) признание договора сделкой – вполне достаточный аргумент против какого-либо расширительного толкования понятия договора. Между тем, чрезмерно объемное понимание нередко встречается в юридической литературе, когда предлагается считать договором правоотношения, сложившиеся вследствие двусторонней (многосторонней) сделки. Необоснованность такого решения предопределена иной логикой закона и правовой традиции, согласно которой юридический факт (сделка-договор), правоотношение и осуществление гражданских прав и юридических обязанностей сторон правоотношения – это, хотя и три ступени общего процесса, но имеющие, каждая в отдельности, самостоятельный смысл и свое правовое обеспечение. Поэтому, например, обман при заключении договора и обман при исполнении обязательства предполагают юридическую реакцию разного характера, с использованием разных правовых норм.

Для коммерческих договоров как носителей общих свойств сделок характерен весь комплекс проблем сделок, но в фактическом смысле приобретающих, как правило, особо острый характер из-за особенностей гражданского оборота в сфере коммерческой деятельности.

Ограничусь рассмотрением только одной ситуации. Признание сделки недействительной влечет за собой универсальное правовое последствие. Стороны должны произвести полную реституцию и восстановить status quo. Однако решить такую задачу представляется возможным не всегда. Много зависит от вида договора. Например, при недействительности договора аренды помещения арендодатель должен вернуть арендатору выплаченные, последним, деньги, не получив от арендатора ничего взамен. Таким образом, разрушается всеобщий характер требования реституции, закрепленный в ЗОЧГК. По всей видимости, для подобного рода случаев аннулирование должно производиться не сообщением другой стороне сделки или общественности, а путем принятия решения судом, что и следовало бы закрепить в законе.

5. Особенности коммерческих договоров должны быть закреплены в объективном праве, хотя акт, который содержал бы на этот счет дефиницию, найти невозможно. В первую очередь, обращает на себя внимание регулирование коммерческих договорных отношений международным частным правом и правом внутреннего рынка Европейского Союза. Одно название «Принципы международных коммерческих договоров» (Принципы УНИДРУА 2004 года) свидетельствует о бесспорном признании международным правом категории «коммерческий договор». Косвенное признание такого рода договоров можно найти в ЗОЧГК при характеристике лиц, занятых хозяйственной или профессиональной деятельностью, отнесении к юридическим лицам коммерческих товариществ и решении некоторых других вопросов. В ОПЗ, хотя понятие коммерческого договора не используется, но по существу правовое регулирование этого договора представлено очень

широко нормами и Общей, и Особенной (отдельные виды договоров) частей. Подтекст характеристик, привлекающих внимание при анализе правил для типовых, потребительских и многих других договоров прямо указывает на коммерческий вектор отношений, который соответствующие нормы призваны обеспечивать. Как уже указывалось, весьма обширно иное законодательство, посвященное договорным отношениям в различных сегментах коммерческой деятельности.

Из приведенного перечня можно сделать вывод, что объективным правом юридическая природа коммерческого договора закрепляется в нормах законодательства прямо и косвенно. Последний вариант означает, что реализация общих положений норм права может быть осуществлена 1) теми лицами, 2) в тех видах деятельности, 3) с учетом такого содержания волеизъявления и его правовых последствий, которые делают заключенный договор коммерческим.

Особая роль принадлежит первому из перечисленных обстоятельств, так как остальные являются его производными. Это видно из смысла Германского торгового уложения (ГТУ), являющегося предтечей эстонского коммерческого законодательства. «Для сделок, заключаемых частными лицами, не являющимися предпринимателями, действует гражданское право,- поясняют комментаторы ГТУ, - в то время, как для сделок между предпринимателями действует торговое право, и, по мере необходимости, гражданское право. В отношении сделок, заключаемых, с одной стороны, частными лицами, а с другой – предпринимателями, торговое право, хотя и предусматривает специальные нормы, тем не менее, как правило, применяются нормы гражданского права.»⁸

Установление коммерческого характера договора открывает возможность обращаться за разрешением спора в арбитраж и создает ряд других последствий.

⁸ Профессор Бергман Вильфред, профессор Комаров Александр. Введение в основные понятия германского торгового права и права хозяйственных организаций. / Германское правою Часть II. Торговое уложение и другие законы. Пер. с нем. Серия Современное зарубежное и международное частное право.- М.:Международный центр финансово-экономического развития. 1996, с.5.

**III. TSIVILISATSIOON JA KULTUUR
OHUD. KAITSE. PROGNOOSID**

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА
УГРОЗЫ. ЗАЩИТЫ. ПРОГНОЗЫ**

EETIKAST TULEVIKU JUHTIMISEL

Otu VAARMANN,

Ph.D., Tallinna Tehnikaülikooli Matemaatikainstituuti professo

Ajaloost ja matemaatikast

Matemaatilisi meetodeid juhtimise, planeerimise ja majapidamise huvides on kasutatud aastatuhandeid. Babüloonia iidsetest kiilkirjalistest tekstidest savitahvlitel ilmneb, et juba sel ajal osati lahendada ülesandeid liitprotsentide kohta, tunti võrrandi mõistet ja lahendati mitmesuguseid matemaatilisi ülesandeid, mille lahendamine võib osutada ülejõu käivaks ka paljudele meie kaasaegsetele. Kahjuks paljud sotsiaal- ja majandusteadlased arvavad tänapäevalgi, et majandus, ettevõtete ja organisatsioonide juhtimine on pelgalt ainult kirjeldava iseloomuga. Teaduses aga kehtib reegel: faktid ilma kontseptsioonita on pimedad, kontseptsioonid ilma faktideta tühjad. Seetõttu iga tõsiteadusliku lähenemise korral on hädavajalik, et faktitäpsuse ja hoolikusega kaasneks lai silmaring, üldistamise oskus ja seoste nägemisvõime. Seda kinnitab tõsiasi, et paljude (et mitte öelda enamike) majandusteooria alal Nobeli preemia saanute teadlaste tööd on läbi imbunud matemaatikast, meenutame siin Milton Friedmani, John Keynesi, Vasile Leontjeffi ja Paul Samuelsoni töid.

II Maailmasõja lõpuaastatel kujunes välja rakendusmatemaatika haru, mida hakati nimetama operatsioonianalüüsiks, mille põhieesmärgiks oli kvantitatiivsete meetodite väljatöötamine otsustusteoorias, s.o genereerida arvudes väljenduvaid karakteristikuid ja hinnanguid uuritava nähtuse või protsessi kohta, mis hõlbustavad otsuse langetamist sihipärase inimtegevuse valdkondades. Operatsioonianalüüs oli esialgu suunatud sõjalise iseloomuga operatsioonide uurimiseks ja juhtimiseks. Sõjajärgsetel aastatel kujunes aga sellest iseseisev uurimisvaldkond lahendamaks ülesandeid, mida polnud võimalik lahendada traditsioonilise matemaatika vahendite abil. Operatsioonianalüüs leidis kiiresti laialdast kasutust kõigis majandusega seotud tegevusvaldkondades, kusjuures operatsiooni all hakati mõistma mis tahes inimese sihipärase tegevust. Naljatades on väidetud, et operatsioonianalüüs kujutab endast kunsti anda halbu vastuseid nendele praktilistele ülesannetele, millele võidakse anda veelgi halvemaid vastuseid, kasutades teistsuguseid lahendusmeetodeid. Teisisõnu, see teadusharu jääb enamikel juhtudel ainsaks abivahendiks langetada põhjendatud otsuseid keerulistes situatsioonides. Operatsioonianalüüsi meetodeid rakendatuna majandustegevuse uurimiseks ja juhtimiseks hakati varsti pärast selle teadusharu sünni nimetama ka majandus-matemaatilisteks meetoditeks (eriti pruugiti seda nimetust endises NSVL-s). Meetodid, mida rakendati süsteemiteoorias, said nimeks süsteemianalüüs. XX sajand kinkis teoreetilisele ja rakendusmatemaatikale veel teisegi tähelepanuväärse teadusharu – mängu ja statistiliste otsuste teooria, mis annab juhiseid osapoolte ratsionaalseks käitumiseks konfliktsituatsioonides nende huvide kokkupõrkumise korral. Mänguteooriat võib vaadelda ühe üldisema multikriteeriaalse analüüsi nime kandva teooria alamosana.

Üheaegselt matemaatika üha laialdasema kasutamisega, püüti XX sajandi lõpupoolel matemaikat üha sagedamini kasutada ka juhtimise ja organisatsiooniliste ülesannete lahendamiseks (näiteks struktuuride optimeerimiseks). Otsustamine eeldab reeglina valikuvõimaluste olemasolu, mille korral tahteliselt valitakse üks või mõned võimalikest tegevuse variantidest. Otsusele jõudmise printsiipide põhjal jagatakse need algoritmilisteks ja heuristilisteks. Algoritmilised on sellised, mille korral otsuseni jõutakse peale mingite reeglite järgimist. Seda liiki otsused on rangelt formaliseeritavad. Heuristilised otsused ei põhine

mingitel kindlatel reeglitel, vaid otsusteni jõutakse loomingulisel teel ja seega pole nad formaliseeritavad.

Tuleb tähele panna, et otsuse tegemise protsessi ettevalmistamine ja otsuse langetamine tervikuna ei ole formaalne protsess, aga loominguline, kuigi see sisaldab olulisi momente ja komponente, mis alluvad formaalsele käsitlusele. Kuna matemaatiline otsustumudel ei suuda reeglina arvesse võtta kõiki tegureid, mis võivad otsustust mõjutada, siis mudeli abil saadud informatsiooni peab allutama loomingulisele analüüsile inimese poolt, alles pärast seda tuleb teha lõplik otsus.

Matemaatiline modelleerimine

Modelleerimine on üks põhiline meetod majandus- ja juhtimisülesannete lahendamiseks. Nii nagu füüsikal põhineb loodus- ja täppisteaduslike nähtuste, protsesside ja situatsioonide modelleerimine, nii täidab samasugust rolli operatsioonianalüüs majanduslike ja humanitaarsotsioloogiliste protsesside käsitlemisel modelleerimisel. Inimsüsteemid, eriti aga sotsioökonomilised süsteemid, on muutumas päev-päevalt üha keerukamateks, isegi hüperkomplitseerituks. Iga päev avanevad uued turud, teisi ootab sulgemine. Iga päev ilmnevad ootamatult uued ja soodsad võimalused. Iga päev saavad teatavaks uued vajadused, pretensioonid, nõudmised ja suundumused. Iga päev uued tehnoloogiad saavutavad oma küpsuse ning lõpuni vormistatuse ja väljatöötuse. Iga päev mõni tooraine allikas jõuab lõpukorrale või ammendub. Pealegi selliste süsteemide evolutsioon on kaootiline, ettearvamatute katkevustega, tulevad nähtavale uued komponendid, algatatakse uusi trende, niisiis tulevik on etteaimamatu. On saanud selgeks, et inimsüsteeme ei ole võimalik ohjata ja juhtida nendega edukalt toime tulla üksnes kvalitatiiivsete hinnangute ja tundmuste najal ja vahendusel. Analoogiliselt füüsikale, üha enam vajatakse kvantitatiivseid hinnanguid ja matemaatilisi meetodeid inimühiskonna ja keskkonna kirjeldamiseks, mõistmiseks ning igapäevase elu korraldamiseks. See kokku ongi valdkond, millega tegeleb operatsioonianalüüs. Teisalt, inimkonna tulevik on tume ja enam kui muret tekitav. Paartuhat aastat tagasi, kui valitses kreeka-rooma tsivilisatsioon, inimolendi mõju planeedi Maa arengule oli tühine. Tänapäeval on aga tööstuslik areng nii tugev, et inimolend võib otsustada meie planeedi saatuse. Inimeste arv üha kasvab, maavarad ja tooraine allikad kiirenevalt kahanevad, pillamine ja priiskamine süveneb, inimtegevuse toime keskkonna saastatus kasvab. Siiski tasub olla optimistlik: inimolendid on targad, isegi väga targad. Fantastilised vahendid on nüüdsel ajal inimkonna käsutuses, et uurida, analüüsida, simuleerida ja juhtida tuleviku arenguid. Arvatakse, et kuigi võib tark ja adekvaatne tuleviku juhtimine põhimõtteliselt garanteerida inimkonna harmoonilise arengu tuhandeteks aastateks, ei ole välistatud, et mõni rumal otsus ja sobimatu valik võib üsna pea seada inimkonna arengule ületamatud takistused.

Eetiline käitumine

Otsustajad ja operatsioonianalüüsi analüütikud on üsna üksmeeles jõudmas tõdemuseni, et nii enam edasi minna ei saa, et inimkonna areng on sattumas bifurkatsioonipunkti (teelahkmele). Eetiline käitumine maailma asjade ajamisel ja juhtimisel on hädavajalik: kõik olgu kaasatud, keegi ei ole üleliigne ning igäüks peab kaasa lööma ja koostööd tegema. Sellise põhimõtte järgimine on tõsine väljakutse inimkonnale. Eetika mõiste võib lühidalt esitada järgmiselt:

Respekt, multikriteeriaalne analüüs ja juhtimine ning õnnetunne.

Respekt. Vähemalt neli kogukonda osalevad globaalsete otsuste langetamisel: tööstus, majandus, valitsused ja rahvas. Eetiline käitumine eeldab, et otsuste tegemisel iga kogukond peab respektierima teise kogukonna soove ja vajadusi. Ilma vastastikuse austuse ja lugupidamiseta seatakse inimkonna harmooniline areng ohtu.

Multikriteeriaalne mänedzment. Igal kogukonnal on omad eesmärgid ja sihid, omad optimeerimise kriteeriumid. Tööstusel on tehnoloogilised, majandusel finantsilised, valitsusel sotsiaalsed, ja rahval eeskätt keskkonnaalased eesmärgid ja kriteeriumid. Rahvas ootab ja soovib säästvat ja jätkusuutlikku arengut nii oma lastele, oma lastelastele jne.

Võimalike tulevikku puudutavate otsuste juures on igal kogukonnal mingil kindlal ajahetkel oma optimaalne lahend(lahendus), mis vastab selle kogukonna optimeerimise kriteeriumile. Kuid kahjuks optimaalse lahendi mõiste on iseenesest nõrk ja rabe. Muutke pisut oma sihifunktsiooni ja te võite saada hoopis teistsuguse optimaalse lahendi. Paljude asjasse, otsustamise ja juhtimisse segatud inimeste kindel arvamus sageli on, et optimaalne lahend on absoluutselt parim. Kuid see on ekslik arvamus. Igal kogukonnal on omad eesmärgid ja omad optimaalsed lahendid ning need on väga erinevad. Seetõttu optimaalse lahendi mõiste osutub väga ebastabiilseks ja hapraks. Pealegi seisame silmitsi tõega, et üksiku kogukonna optimaalne lahend võib seada kogu planeedi saatuse ohtu: “maksimum toodangut” toob endaga kaasa maa- ja loodusvarade tühjaks ammutamise ja ammendumise; “optimaalsed finantsilised strateegiad” aga tekitada olukorra, et üha vähem raha jääb sotsiaalsete vajaduste rahuldamiseks ja keskkonna kahjustuste kompenseerimiseks. See mida me vajame, on kõigi kogukondade eesmärkide, püüdluste ja vajaduste arvesse võtmist. Teisisõnu, me vajame kompromisslahendusi mitte optimaalseid lahendusi. Tänapäeval selliseks ainsaks vahendiks on multikriteeriaalne analüüs. Eetika nõuab pluralistlikku maailmavaadet ja täppisteadustel põhinevat multikriteeriaalset mänedzmenti.

Õnnetunne. On kogu ühiskonnale ülimalt oluline ja mõjub üksikisiku enesetundele ülendavalt, kui on jõutud kompromissile. Kui aga mingi kogukond või grupeering ei ole rahul saavutatud kompromissiga ja tunneb end ahistatuna ning alustab vastutegevust ja manööverdumist eesmärgiga muuta kompromisslahendust enda erihuvidele vastavaks või sobivamaks, siis puhkeb sõda ja väga halb sõda ning mingist tuleviku harmoonilisest arengust ei saa juttugi olla. Tunda inimkonda edasiviivatest kompromissidest rõõmu ja rahuldust on paljuski südame- ja hingehariduse probleem. Iroonia peitub aga selles, et kuigi kaasaegsed täppisteaduslikud lähenemisviisid ja otsustusmudelid võimaldavad välja töötada ülihäid tulevikuplaane, siis poliitikute käsutuses on veelgi paremad võimalused need nurjata.

ON ETHICAL BEHAVIOUR FOR THE MANAGEMENT OF THE FUTURE

Otu VAARMANN

Tallinn University of Technology
Department of Mathematics

As Physics is modelling Natural Real World situations, Operational Research (OR) is modelling Human Systems. The Human Systems, especially the socio-economic ones, are becoming day after day more and more complex, even hypercomplex.

To transform a problem into a mathematical optimization model is characteristic of the disciplines, located at the crossroads of economic, mathematics and engineering. The multitude of optimization techniques is central to Operational Research and Management Science both, as a solution tool and modelling device. Modelling based on economic, socio-political, technical and environmental criteria involve many sources of uncertainty and subjectivity. But the notion of optimal solution is very weak, probably the weakest ever produced in OR. The notion of optimal solution is extremely unstable and fragile. What we need is to integrate all the objectives, the criteria of all communities. Up to now the only tool to reach compromise is Multicriteria Analysis trying to represent trade off between conflicting objectives and to achieve agreements between conflicting parties as well as to answer to the question how much cooperation and competition between order and chaos is crucial for synergetic behaviour and evolution.

Operational Research is now facing a bifurcation point. The context of sustainable development accentuates the need for the integration of several decision makers and several interest fields. Note, that a decision might be “better” than another depending on the point of view. An Ethical behaviour for the management of the future is requested. Everybody is involved, everybody has to contribute. Ethics in OR means:

Respect, Multicriteria Management and Happiness

Feeling happy, with the decisions is also a question of Education and therefore OR should also be involved in Educating People. It must be recognized that no amount of data will not remove the fundamental uncertainties which surround any attempt to peer into the future. Solving such a multicriteria problems is therefore not the searching for some kind of “hidden truth”, but helping to master the complex data.

К вопросу об управлении творчеством работников

Александр ЛУКЪЯНОВ,

профессор, доктор экономических наук, проректор Института экономики и управления
(Таллинн)

1. Сегодня все предприниматели, руководители предприятий заинтересованы в успехе, победе на рынке и неплохо представляют себе основные **факторы успеха**. Если вникнуть глубоко – за всеми ними стоят **люди**, те, кому поручено заниматься данными вопросами, кто взял на себя задачу их выполнения. И от их знаний, умений и инициативы во многом зависит общий успех. По большому счету, в предпринимательстве изобретательность и творческий подход требуются сегодня не только от руководителей и от работников традиционно считающихся творческими подразделений (стратегического планирования, организации труда, маркетинга и рекламы, конструкторских бюро), но и от большинства других работников. Отсюда встают задачи создания творческого или, другими словами, **новаторского коллектива**, превращения совокупности работников в эффективно работающую команду, управления творческой работой такого коллектива.

2. При их решении необходимо ответить по крайней мере на пять основных вопросов. Первые два из них – что собственно следует понимать под творчеством и **творческой работой** на предприятии и какие **цели** ставить перед подсистемой управления творчеством на предприятии. Следующие вопросы, вытекающие из них, - что здесь считать **объектом** управления и какие **методы управления** для него требуются, что в целом должна представлять собой **система управления творчеством** на предприятии. При кажущейся простоте ответов на названные вопросы уже при небольшом углублении в них мы сталкиваемся с множеством нерешенных проблем теоретического и практического плана. Назовем лишь некоторые из них. Если предприятие, нацеленное на успех, ожидает от своих работников прежде всего эффективной и инициативной работы, то в какой мере эти понятия соответствуют понятию творческой работы? Понятиям новаторский (синонимы - инновационный, креативный, предпринимательский) коллектив? Если работник трудится эффективно, можно ли считать его работу творческой? Где границы между ними? Кого считать творческими работниками на предприятии? На каких уровнях организации нужны творческие работники? Всегда ли понятие «творчества» является синонимом понятия «создание нового»? Можно ли творить при принуждении? При эксплуатации? При регламентации труда? Какое соотношение между целями организации и целями творческой работы на предприятии? Между творческой работой и трудовыми обязанностями каждого работника?

3. Вероятно, не многие согласятся сразу с подходом, который отождествляет понятия **творчество и создание**. Когда мы говорим, бог создал мир или бог сотворил мир, мы исходим из тождества этих понятий. Но создание мира - это процесс работы, определенная деятельность. Скульптор, высекающий скульптуру из каменной глыбы, работает над ее созданием. Он – творец, и эта творческая деятельность не пропадает, если часть данной работы или ее всю он поручает кому-то другому. Иначе мы попадаем здесь в неразрешимое, с первого взгляда, логическое противоречие: если с молотком и зубилом работает скульптор - это творчество, если ему помогают его ученики или камнетесы - это не творчество, а просто работа. Творческий или созидательный характер работы в данной

ситуации не может увязываться только с фигурой, с именем скульптора, хотя в реальной жизни в силу традиций большинство людей именно так представляют себе творческую работу. Мы живем с такими мифами.

Другой аналогичный пример: писатель - творец, секретарь или машинистка, перепечатавающие их произведение, не творцы, хотя без их работы писательский труд не приобретет законченный вид, не дойдет до читателя. Если этот же текст набирает на компьютере сам писатель - это творческий процесс. Такая путаница будет сохраняться, если мы будем отходить от понимания **творчества** как **процесса создания нового**, включающего в себя этапы **поиска** и **рождения** новой идеи, ее **оценки** (проверки) и **воплощения** в жизнь. Человек, не нарисовавший картину, еще не художник, не творец в обычном понимании, хотя идей сюжетов у него в голове может быть немало. Различие подходов здесь, как видно из вышеприведенного, заключается в отнесении или неотнесении этапа воплощения идеи в жизнь к творчеству. Есть ли творчество только рождение идеи или это нечто большее? Похожая проблема возникает при решении вопроса об отнесении понятия творчества не только на создание первого нового продукта, но и на его последующее тиражирование. Из ответов на эти вопросы будут вытекать отличия и в понимании объектов и процессов управления творчеством на предприятии.

4. Важно подчеркнуть еще один методологически важный момент, связанный с понятием «творчество». Если **труд** по созданию скульптуры **разделен** между несколькими участниками, все они участвуют в творческом процессе ее создания. В любой организации труд также разделен и конечный продукт получается в результате совместных усилий. Все участвующие в создании нового для организации и потребителя продукта несут таким образом в себе частицу общего творческого труда и их можно считать творцами, по крайней мере – **сотворцами нового**. «Туман» творчества, порожденный разделением труда и переносом понятия творчества из сферы искусств в сферу производства, в таком случае рассеивается. Вопрос эффективности труда в таком случае также приобретает другую окраску, становится для всех вопросом **эффективности творческого труда**. Еще один аспект данной проблемы: новая продукция с точки зрения предприятия – это не только нечто отличное по каким – то характеристикам от старого, но и то, что мы уже производили и выпустили снова. Новой в последнем случае она является по критерию времени ее выпуска, по отношению к ранее выпущенной продукции и может отличаться и не отличаться от нее. Мы говорим – купил новый автомобиль, холодильник или дом, хотя точно такие уже есть у других. Новое для человека, для организации, таким образом, отнюдь не всегда является новым для других.

5. С вышеприведенных позиций речь о "**подсистеме управления творчеством**" в системе управления персоналом предприятием может идти в достаточно широком смысле. Она должна быть нацелена на вовлечение в творческий поиск всех работников. Сегодня отчасти в силу вышеназванных причин цели в этой области остаются расплывчатыми и не ясными. Многими руководителями и предпринимателями они вообще специально не рассматриваются: часть из них могут ограничиваться отдельными призывами и мероприятиями, не создавая целостную систему управления, другие полагают, что это обязанности отдельных работников и самих руководителей. Нередко часть названных вопросов рассматривается и решается под другими названиями: управление изменениями, управление командой, управление развитием, управление нововведениями, управление по результатам, организационное поведение и т. д..

6. В работах автора, посвященных управлению инновациями, приводится общая формула эффективного творчества: **«новатор (творческая личность) + условия = результат»**, которую он называет кратко **формулой новаторства 4 + 4**. (1) Она отражает в

концентрированном виде взаимодействие совокупности личностных качеств новатора (способности, знания, навыки, желание творить) и условий для творческой работы (ориентиры творчества, возможности для творчества, внедрение созданного, признание). Воздействие на них с полным правом можно рассматривать как совокупность основных целей управления творческой деятельностью на предприятии.

Литература

1. Лукьянов А. Инновационные системы: концепции, место высшего образования. В кн.: Сборник трудов Института экономики и управления. Вып. 5. Таллин: Ин-т экономики и управления, 2007.

Проблема трансформации рисков: социокультурный контекст

Дина ТОМБУ,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Химико-технологической академии им. Д.И. Менделеева (Москва)

Линия сегодняшнего исторического развития как никогда сложна, неустойчива и неопределенна. По сути, неопределенность, наряду с открытостью и неустойчивостью, становится важнейшим свойством современной эпохи. А понятие риска превращается, чуть ли не в основную категорию анализа современного социокультурного пространства. «Социально-политические, экологические, экономические, культурные риски»; «риск-солидарности»; «жертвы риска», «производители риска» и т.д. и т.п. – вот лишь малая толика словосочетаний, уже ставших устойчивыми в современной социологической литературе.

Риск — это всегда событие или явление с неопределенными последствиями. Двойственность любого решения, сопряженность любого блага с возможно еще большим ущербом выходит в обществе риска на первый план. Риски модернизации, какой бы сферы они не касались, вносят неопределенность в каждую клетку общества, в каждую ситуацию и событие. Неопределенность и двойственность общества риска обусловлены разрушением традиционных оснований (индустриального общества) и перестройкой общества на новых основах. Этот процесс подразумевает постоянное определение и переопределение основных социальных институтов и категорий, смену «осей» социальной системы координат. Индивиды освобождаются от определенностей и привычного образа жизни, характерных для индустриальной эпохи.

Всемирно известный немецкий социолог У. Бек (автор оригинальной теории общества риска) считает, что если ранее люди были обеспокоены прежде всего благосостоянием, социальным равенством, то теперь рисками. Выгоды и блага от технико-экономического прогресса, отмечает он, все больше оттесняются на задний план производством рисков. Один из типов этих рисков связан с разрушением привычных форм быта и деятельности предшествующей стадии общественной жизни и по своему резонансу сходен с духовными потрясениями эпохи Реформации в Европе. «Система координат, в которой протекали

жизнь и мышление в эпоху индустриальной модернизации — оси пола, семьи и профессии, вера в науку и прогресс начинают расшатываться»⁹.

Кстати, наука действительно вносит существенный вклад в поддержание состояния неопределенности в обществе. Сегодня мнение одного эксперта тут же перекрывается мнением другого. Да и мнения самих экспертов так же оказываются подверженными предубеждениям, как и мнение общественности. Потому что любая система исчисления риска опосредуется личностными предпочтениями, культурой и политическим контекстом. А значит, весьма вероятностным феноменом является само восприятие риска человеком или группой, от которых, в свою очередь, зависит определение степени приемлемости риска в данном обществе или группе.

По мнению известного российского социолога Яницкого О.Н., неопределенность также порождается проницаемостью современных обществ. Эпоха территориальных границ и размежеваний сменилась эпохой сетей и потоков (ресурсных, транспортных, информационных, финансовых и иных). Социальные, ресурсные и иные сети имеют выраженное ядро, но чрезвычайно размытую периферию.¹⁰

Новая сетевая организация глобализирующегося мирового общества, на первый взгляд, кажется похожей на систему давно существующих партий, кланов, тайных обществ, альянсов и клубов. Однако главное отличие заключается в том, что основным способом и средством развития сетевых сообществ является рост и усложнение коммуникации, тогда как традиционные локальные сети выживали и самосохранялись за счет обособления, конспирации и закрытости от мира. Таким образом, исторически сложившиеся границы обществ утрачивают охранительные функции ценностей и образа жизни, становятся все более проницаемыми в практически неконтролируемом процессе «переливов» капиталов, информации, технологических инноваций, миграции человеческих ресурсов, взаимовлияния культурных образцов и даже этносоциальных практик. Кроме того, современные социальные события, особенно катастрофы, имеют фиксированную дату начала, но цепь их последствий теряется во времени. То же можно сказать и о затратах на борьбу с ними и другими опасностями.

Классический пример анализа данной проблематики представляет собой работа М.Дуглас и А. Вильдавски «Риск и культура». М. Дуглас и А. Вильдавски задаются вопросом: «Можем ли мы знать риски, с которыми мы сталкиваемся сейчас или

⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М: Прогресс-традиция, 2000. — С. 26.

¹⁰ Яницкий О.Н. Социология риска. — М.: Изд-во LVS, 2003. — С. 20

столкнемся в будущем?» И отвечают: «Нет, мы не можем; однако же должны действовать так, как будто мы знаем. Некоторые опасности нам неизвестны; другие известны, но не нам, поскольку ни один человек не может знать все. Большинство людей не могли быть осведомлены о большинстве рисков в большинстве случаев. Следовательно, никто не может вычислить риск, с которым предстоит столкнуться обществу»¹¹. Современный анализ риска, — продолжают авторы, — имеет три особенности. «Первая состоит в том, что разногласия насчет этой проблемы глубоки и широко распространены в Западном мире. Вторая особенность — в том, что разные люди беспокоятся о разных рисках: войне, загрязнении, занятости или инфляции. Третья заключена в том, что знание и действие не синхронны: какие бы программы для снижения риска ни принимались, им очевидно не удастся следовать принципу "максимума возможного", то есть предотвратить наибольший ущерб. В общем, разногласия насчет того, что рискованно, насколько оно рискованно и что с этим делать, весьма существенны»¹².

Поскольку никто не может охватить все, для опасностей должна быть установлена некоторая шкала приоритетов; в противном случае, простой подсчет объектов, несущих риск, уже делает нас беззащитными. Отсюда необходимость ранжирования и оценки рисков, чтобы знать, с какими рисками надо иметь дело и в каком порядке. Это «требует предварительного соглашения по поводу критериев подобной оценки... Поскольку никто не знает всего <о рисках>, нет гарантий, что те риски, которых люди стремятся избежать, — это именно те самые риски, которые действительно нанесут им наибольший вред. Более того, успешное преодоление одной опасности не всегда является хорошим предзнаменованием». Тем не менее, мы должны действовать, «не зная, что случится с нами на пути, который мы выбираем»¹³.

Приемлемость риска, всегда, в конечном счете является политическим вопросом: выбор «ответной реакции» зависит от альтернатив, ценностей и убеждений, которые конкурируют в обществе. В результате, делают вывод Дуглас и Вильдавски, не существует единственного, подходящего для любой цели числа, которое бы выражало «приемлемый риск» для общества.

Ценности есть неотъемлемая часть всякой проблемы приемлемого риска. Не существует свободных от ценностей процессов выбора между рискованными альтернативами.

Поскольку нет единственной правильной концепции риска, то не существует и способа заставить всех других принять ее.

¹¹ Douglas M., and Wildavsky A.B. Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. — Berkeley, CA: University of California Press, 1982. — P. 3-4

¹² Там же.

¹³ Douglas M., and Wildavsky A.B. Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. — Berkeley, CA: University of California Press, 1982. — P. 4-5.

Структурно-функционалистская теория американского социолога Толкотта Парсонса, основанная на интегральном подходе, является весьма полезной в объяснении и понимании того, как люди и само общество справляются с неопределенностями и рисками дисфункциональности общественного порядка. По его мнению, предложенная им парадигма способна дать достаточно аргументированное теоретическое обоснование проблемы порядка в современном *открытом обществе*. Как считает ученый, социальная система устойчива благодаря способностям к самоадаптации и самоинтеграции, которые, в свою очередь, детерминированы развитием и совершенствованием социальных функций. При этом каждая часть системы находится во взаимной зависимости с системой в целом и всеми ее частями.¹⁴

В западных обществах подавляющее большинство людей вообще не участвуют в поддержании социального порядка и не задействованы непосредственно в политических процессах. Люди там выбирают ориентации не на коллектив, а на себя и потому предпочитают индивидуальные формы жизни. Они хотят просто свободы, права быть самим собой, прекрасно понимая, что тем самым берут на себя риски за принимаемые решения и осуществляемые действия. Они не пытаются переложить свои риски на какие-либо структуры. Социальные структуры создают лишь возможности по осмыслению и организации коллективного риск-опыта (в частности, происходит институализация страхования всевозможных рисков), позволяя тем самым людям самим управлять индивидуальными рисками. Собственно говоря, именно потребность в минимизации рисков, что связано с привлечением средств для систематических и экстраординарных выпла, и способствовала созданию и развитию страхового дела.

Однако общество, которое наблюдал Парсонс, существенно изменилось. Сегодня в постиндустриальных странах представители молодого поколения убеждены, что риска гибели от голода и эпидемий для них не существует, считая это само собой разумеющимся. Однако они обеспокоены институциональными рисками, рисками от неопределенностей современной жизни, от необходимости осуществления повседневных выборов той или иной альтернативы, а также рисками, вызываемыми внедрением новейших технологий.

По иронии судьбы, когда уровень безопасности жизни достигает достаточно высокой отметки, современные постиндустриальные общества становятся все более чувствительны к риску. Согласно данному диагнозу, конфликты в ходе попыток распределения «благ» (таких как собственность, доход и рабочие места), которые были свойственны

¹⁴ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 2002.

индустриальному обществу, уступили место конфликтам по поводу «зол» (таких как риск ядерных технологий, генетических исследований и угроз окружающей среде).

Экологические риски вообще носят интернациональный характер. Они, с одной стороны, усугубляют противоречия между промышленно развитыми странами, а с другой — обостряют отношения между этими странами и третьим миром. Процесс минимизации последствий этих рисков напрямую зависит от соблюдения международных соглашений об экологическом сотрудничестве всеми государствами мира, в том числе и теми, кто до сих пор формально не присоединился к этим документам. Несмотря на растущие угрозы, риски современной цивилизации могут минимизироваться (и то в достаточно отдаленной перспективе) лишь с прекращением самого производства в его настоящих формах, т.е. с прекращением общественной жизни в ее современных проявлениях. Пока же развитие цивилизации неуклонно наделяет современное общество рисками. Попытки их предотвращения постоянно расширяют сферу политизации практически всех сторон жизнедеятельности, крайняя форма которой — подготовка политико-организационных и технических средств введения чрезвычайного положения в связи с каждой из возможных крупных катастроф, наступление которых с течением времени становится все более и более вероятным.

С переходом же к постиндустриализму риски для жизни человека стали бесчисленными и все меньше поддаются общественному контролю. Кроме того, не надо забывать и о том, что риск выгоден. Существование опасностей — это причина для создания могущественных защитных структур, увеличения ассигнований на оборону, системы слежения и оповещения и т.д. СМИ, страховые компании просто не выжили бы, не будь военных конфликтов, стихийных бедствий и техногенных катастроф.

Нет, и не видится такой стратегии выживания, которая подходила бы к рискам всех времен. В результате индустриализации удалось снизить риск голода, повысить продолжительность жизни. Однако сопутствующая этому обостренная конкуренция увеличивает психологический стресс. С переходом от индустриализма к постиндустриализму вектор изменений делает акцент на новые риски, в которых далеко не последнее место занимает стресс. Стресс является реакцией на угрозу жизни, стимулирующий человека преодолевать нависающие над ним опасности. Но слишком сильный стресс становится риском и даже реальной опасностью для жизни человека.

И хотя стратегии нет, человечество, несомненно, выработало защитные механизмы, позволяющие управлять рисковыми ситуациями. Фактически системы верований всех основных мировых культур содержат убежденность в том, что, даже если отдельный индивид не в состоянии понять или предугадать то, что его ожидает, все находится в руках благосклонной высшей силы. И пусть будущее непредсказуемо, эта высшая сила обеспечит развитие событий по наилучшему сценарию. И в религии, и в светских идеологиях содержится утверждение, что существует сценарий, гарантирующий, что (в этом или в ином мире) все будет, по крайней мере, относительно хорошо. Это убеждение снижает стресс, позволяет преодолеть эмоциональное напряжение и сосредоточиться на конкретной стратегии преодоления. Без подобной системы убеждений чрезмерный стресс привел бы к духовной капитуляции людей перед современными неопределенностями и рисками. Стресс снижается благодаря системам ценностей и норм, мировоззренческих установок, которые регулируют многие аспекты жизни, ведут к росту уверенности в будущем, увеличению степени его субъективной предсказуемости.

Парадоксально, что в обществах, где продолжительность жизни выросла на 20 лет за последнее столетие, обеспокоенность по поводу рисков стала центральным политическим и научным вопросом. Сам успех постиндустриальных обществ в предоставлении доселе беспрецедентного уровня безопасности породил ожидание того, что государство может и должно оградить каждого от неопределенностей и рисков.

Причиной этих ожиданий выступает система «социального обеспечения», столь характерная для постиндустриальных обществ. Социальное обеспечение — нечто большее, чем список общеизвестных государственных пособий или различных появляющихся современных «прав» (как «право» людей, прикованных к инвалидной коляске, на специальные лестницы в общественных местах). Понятие «социальное обеспечение» включает также субъективное убеждение в возможности справиться с опасностями и рисками. Люди ожидают обеспечения рабочими местами, улучшения уровня жизни, просвещенных корпораций, щедрого правительства, высококачественного медицинского обслуживания, отсутствия расовой дискриминации, чистой окружающей среды, безопасных городов, работы, приносящей удовлетворение, и самореализации.

У Дугласа и Вильдавски главный теоретический вывод исследования заключается в следующем: «Риск следует рассматривать как совместный продукт *знания* о будущем и согласия относительно наиболее желаемых перспектив». Но проблема заключается в том, что если исследователи, пользуясь математическими формулами и методологическими построениями, живо и с интересом обсуждают степени вероятности риска, то для населения это знание вероятности носит второстепенный и даже третьестепенный

характер. Население в принципе хочет устранить саму возможность катастрофы, нависшей над ним, желательно путем ликвидации потенциала аварий как таковых.

Социальные принципы, которые руководят поведением человека, влияют на его суждения о том, каких опасностей следует бояться больше всего, какие риски стоят того, чтобы на них пойти, и кому следует разрешить пойти на них. Тип общества порождает характер ответственности и фокусирует беспокойство своих граждан на тех или иных опасностях. Каждое общество производит свой собственный взгляд на природную среду, взгляд, который влияет на его выбор опасностей, заслуживающих внимания.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГРОЗ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

По материалам Интернет

Валерий ВОРОБЬЕВ,

лектор Эстоно-Американской бизнес-академии

До недавнего времени и в теории и на практике основное внимание уделялось обеспечению военной безопасности государства. Сегодня уже стала очевидной ограниченность данного подхода. Возрастающая роль информации и информационных систем - исторический факт, лежащий в основе концепций информационного общества. Другой факт - быстрое, поистине революционное воздействие "информационного разума" на производство, управление, всю жизнь людей.

Сегодня расстановка сил в мире изменилась. Конец 20 века ознаменовался огромным прогрессом в развитии телекоммуникационных технологий. Тридцать лет спустя после создания первых компьютерных сетей и восемь лет спустя после того, как ИНТЕРНЕТ приобрел современные очертания, говорить о глобальном информационном пространстве стало практически необходимо.

Если пятьдесят лет тому назад вы хотели переслать 30 страниц текста на расстояние 5 тысяч километров, то вам потребовалось бы примерно десять дней и стоило бы это около 30 долларов за услуги почтовой связи.

Двадцать лет тому назад вы бы, наверное, прибегли к услугам факса. Это заняло бы у вас примерно час, и стоимость составляла где-нибудь 50 долларов.

Сегодня, если говорить о самых лучших сетях передачи данных, на это требуется не более 3 секунд и стоимость составит около 3 центов.

За 50 лет скорость передачи информации увеличилась в 300 000 раз и составляет около 3 секунд.

Массовое создание, внедрение и эксплуатация информационных систем привели к возникновению спектра новых проблем в сфере безопасности личности, общества и государства. Внимание к этим проблемам закономерно. Если коммерческая организация допускает утечку более 20% важной внутренней информации, то она в 60 случаях из 100 банкротится. 93% компаний, лишившихся доступа к собственной информации на срок более 10 дней, покидают бизнес, причем половина из них заявляют о своей несостоятельности немедленно. [1]

Потребность в обеспечении безопасности связана с тем, что существует множество субъектов и структур, весьма заинтересованных в чужой информации и готовых заплатить за это высокую цену. Так, стоимость устройств подслушивания, продаваемых только в США, составляет в среднем около 900 млн. долл. в год. Суммарный урон, нанесенный организациям, против которых осуществлялось прослушивание, составляет ежегодно в США около 8 млрд. долл. А ведь существуют и, соответственно, приобретаются устройства для несанкционированного доступа к информации и по другим каналам: проникновение в информационные системы, перехват и дешифровка сообщений и т.д. В результате, по данным SANS Institute, средний размер убытка от одной атаки в США на корпоративную систему для банковского и ИТ-секторов экономики составляет около полумиллиона долларов. Примерная структура последствий неэффективного обеспечения информационной безопасности в американских организациях такова: кража конфиденциальной информации — 20-25% от общего годового ущерба; фальсификация финансовой информации — 21-25%; заражение вредоносными программами — 11-12%; нарушение доступа к Web-сайтам — 1-11%; срыв работы информационной системы — 4-

10%; незаконный доступ сотрудников к информации — 4-9%; другие виды ущерба — 14-33%.

В таких условиях все более широко распространяется мнение, что защита информации должна по своим характеристикам быть соразмерной масштабам угроз. Отклонение от этого правила чревато дополнительным ущербом. [2]

Современные Информационно – Коммуникационные Технологии (ИКТ), порождают прямые угрозы не только в экономической, но и в социальной области Процесс глобализации и ее неотъемлемой составляющей – трансформации индустриального общества в постиндустриальное Глобальное Информационное Общество, одновременно с необходимой и естественной эволюционной составляющей сопровождается искусственно форсируемыми и весьма опасными реализациями.. Можно с уверенностью утверждать, что, если не начать осуществлять конкретные экстренные шаги немедленно, то уже в процессе 30 лет возникнет реальная угроза существованию биосферы и человека как составной ее части.

Угроза определяется двумя тенденциями:

во-первых, из упомянутого искусственного ускорения глобализации в социуме, что обостряет и расширяет конфликты между социальными группами;

во-вторых, из технократического подхода к информатизации всех сторон жизни людей, которые частично стимулируются этим обострением.

Современные и тем более перспективные информационные и коммуникационные технологии легко используются в качестве противоправных инструментов разрешения конфликтов, достижения криминальных целей, включая цели международных террористических организаций, скрытного управления массовым и индивидуальным поведением. Большинство фактов применения разновидностей информационного и концентрированного, т.е. воздействующего на сознание, оружия или манипулятивных психотехнологий.

Рассмотрим основные источники этих угроз и вызовов человечеству прогнозируемые последствия от технократического подхода к информационной глобализации и некоторые пути предотвращения предпосылок глобальной катастрофы.

По мере усложнения социальных отношений все ярче проявляются действия закона единства и борьбы противоположностей и закона отрицания отрицания. В социуме эти проявления становятся все более жесткими, что является следствием войны интересов различных групп, так называемых «хозяев рынка». Эта война делает все остальное население планеты, и особенно развитых стран, заложниками капризов воюющих сторон, разменной монетой в процессе разрешения конфликтов.

Ведущий китайский теоретик информационной войны Шэнь Вэй Гуан сформулировал в своей книге “О новой войне”: “Чтобы защитить политическую безопасность страны, нужно НАУЧИТЬСЯ ВЕСТИ ИНФОРМАЦИОННУЮ ВОЙНУ с использованием различных средств массовой информации”. [1]

Если созданные амбициями лидеров такие глобальные проблемы как возможность применения ядерного оружия, истощение природных ресурсов и необратимые нарушения природного баланса загрязнением окружающей среды не были фатальными и разрешаются скоординированными усилиями субъектов мирового сообщества, то возникшая не многим более десятилетия назад угроза массовых психологических воздействий грозит стать неизбежной. Все информационно - биопсихические и психосоциальные личные потребности (за исключением гипертрофированной потребности лидерства) «хозяев рынка» как лидеров реально господствующих социальных групп удовлетворены. Для них не существует угроз потерять возможность продолжить комфортное существование даже в случае передела территориальных и экономических сфер влияния. Поэтому жесткая конкурентная борьба между ними за объекты подчинения сосредотачивается в области управления сознанием и поведением объектов (рабочей силы, электората и т.п.) и друг друга.

Борьба между кланами олигархов резко обострилась с вступлением в нее нефтебаронов третьего мира. Эта группа «хозяев рынка» из-за полного истощения в ближайшие 30 - 50 лет природных запасов углеводородных энергетических и сырьевых ресурсов утрачивает шансы на удовлетворение своих амбиций на мировое господство. Агония этой группы проявляется в стимулировании ими действий международных террористических организаций, которые планируют широкомасштабные операции в сфере ИКТ.

Шейх Омар Бакри Мухаммад, основатель группировки "Джама'ат Аль-Мухаджирун" и представитель Международного исламского фронта, возглавляемого Усамой бен Ладеном, заявил в интервью изданию Computerworld, что исламисты активно изучают все технологии, включая компьютерные, которые могут быть использованы для ведения джихада против стран Запада . [3]

Не менее опасно локальное и индивидуальное использование возможностей ИКТ криминальными элементами, асоциальными или психически неустойчивыми личностями и в качестве средства недобросовестной конкуренции между хозяйствующими субъектами.

Каковы возможные последствия для каждого человека?

Психотронное и мутагенное воздействие на homo sapiens через средство новейших цифровых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), интегрированных с электронными средствами массовой информации в единую информационную планетарную среду, способно привести к тому, что мы, наши дети и внуки лишимся своей биологической сущности.

Под информационными и коммуникационными технологиями, которые могут использоваться и уже используются для создания экстремальных ситуаций и противоправных воздействий понимаются несколько разновидностей технологий: электронные СМИ (телевидение и радиовещание, видеофильмы, анимационные и мультимедийные продукты, компьютерные игры и программы, аудиозаписи), все виды компьютерных сетей общего пользования.

Современные ИКТ приводят к психическим и физическим заболеваниям, способны вызвать мутации генома, создают условия для массового и индивидуального зомбирования, многократно усиливают воздействие традиционных психотехник.

Цифровые технологии электронных СМИ дали возможность авторам (сценаристам, режиссерам, редакторам, операторам и др.) воплощать практически любые, иногда самые невероятные, творческие замыслы в виртуальном пространстве. В телепередачах, мультимедийной массовой продукции (видеофильмы, компьютерные игры и т.п.) и в интернет мы можем наблюдать применение множества специальных эффектов, часто небезопасных для здоровья. Это ритмичные изменения масштаба изображения, яркости, контрастности, смены цветовой гаммы, повороты и качания, модуляции звука и т.п. Спецэффекты могут вызывать не только эмоциональный дискомфорт, сопровождаемый физиологическими напряжениями, нарушениями и даже патологическими изменениями, но и провоцировать приступы фотосенситивной эпилепсии. Используются и спецэффекты, приводящие людей в состояние восприятия гипнотического внушения или усвоения команд, поступающих в правую половину мозга, минуя сознание.

Доступность технических и программных средств для нелинейного видеомонтажа делает чрезвычайно легким и почти беззатратным использование скрытых информационных и психических воздействий. Опасность их состоит в том, что они принципиально не контролируются сознанием и даже не замечаются человеком. К ним относятся технология так называемого 25 кадра, маскированные изображения и звук. Результаты их воздействий проявляются в резких изменениях состояния здоровья, вплоть до смертельных исходов, и прямом зомбировании, приводящем к неадекватному рефлекторному поведению людей: голосованию за "нужного" кандидата, массовым уличным бесчинствам, бесполезным покупкам и иным необъяснимым действиям. Нет препятствий для «доставки» таких

воздействий по электронной почте, через иные услуги Интернет или внедрение их в видео и аудиопродукцию при ее тиражировании.

Уплотнение спектра электромагнитных и акустических полей в окружающем пространстве способны вызвать мутации генома человека и иных биологических видов, обращаясь непосредственно к ДНК, а соответственно привести к взрывной экологической катастрофе из-за резонанса с геномом.

Итак, современные и особенно перспективные информационные технологии при сохранении технократического подхода к реализации проектов ИКТ на фоне многовекового отставания общего гуманитарного сознания становятся новым и весьма эффективным средством для злоумышленного или спонтанного создания экстремальных ситуаций как локального, так и глобального масштабов:

возможности осуществления любых спецэффектов при создании сайтов в компьютерных сетях, программ в электронных СМИ, видео, аудио и мультимедийной продукции, а также уплотнение спектра электромагнитного поля эфирных и спутниковых средств телекоммуникаций многократно увеличивают риск резонанса–психосоматических заболеваний и экологической катастрофы планеты из генофонда биообъектов;

современные ИКТ многократно усиливают результативность психотехник, а конвергируемые в информационную планетарную среду неограниченно расширяют число людей, охватываемых их воздействием без значительных затрат и усилий, создают условия беспрепятственного применения информационного оружия, в том числе, оружия массового поражения и уничтожения, эффективным средством подавление личности, принуждения и управления индивидуальным и массовым поведением со стороны криминальных организаций, недобросовестных конкурентов, рекламных и PR компаний.

Наиболее уязвимой перед экологической угрозой окажется интеллектуальная часть человечества, постоянно соприкасающаяся на рабочих местах и в домашних условиях с информационными потоками компьютерных сетей и электронных средств массовой информации, юное поколение, приобщенное к недоброкачественной анимационной и мультимедийной продукции, стремящееся к получению знаний в системах дистанционного образования. [3]

Меры по предотвращению фатальности вызова информационной глобализации, угроз человечеству и личности состоят в мониторинге фактов применения злоумышленного или спонтанного воздействия вредных информационно–психологических воздействий, использованию биоинформационной медицины, владеющей методами онтопсихологии и компьютерной психокоррекции для нормализации психики и лечения психосоматических заболеваний, совершенствованию методов и аппаратно-программных средств защиты информационной среды.

Литература:

1. И.Н. Панарин. Информационная безопасность. [Электронный документ] <http://www.panarin.com/doc/56> Проверено: 12.01.2007года
2. Андрей Баутов. Эффективность защиты информации. Открытые системы, #07-08/2003 [Электронный документ] <http://www.citforum.ru/security/articles/eff/> Проверено: 17.01.2007года
3. В.А. Севастьянов. Обострение конфликтов в постиндустриальном информационном обществе. [Электронный документ] [http://www.conflictmanagement.ru/text/?text=212:](http://www.conflictmanagement.ru/text/?text=212) Проверено: 22.01.2007года

**ИДОЛЫ НА КОНВЕЙЕРЕ,
или Сознание. Перезагрузка.
(К вопросу об управлении общественным мнением)**

Марк ЛЕВИН,
ректор Эстоно-Американской бизнес-академии

XXI век только номером отличается от предыдущих и последующих веков. Но век и эпоха не равны между собой, даже не тождественны друг другу. Ведь понятие «эпоха XXI века» вовсе не с 2000-го года ведет отсчет, как не с 1799-го года начиналась «пушкинская эпоха». Образно говоря, порядковый номер столетия – не более чем адрес проживания, указание на своеобразную прописку народов. Тогда как эпоха – указание на менталитет, на магистральные стандарты мировосприятия и каноны поведения. Поскольку выражение «адрес проживания» в себе самом совмещает пространство и время, постольку мейнстрим любой эпохи становится важнее века, в котором она «прописана». Отсюда и метафорические определения якобы столетий, но на самом-то деле – эпох: «романтический век» (календарно он и полстолетия не охватил), «электрический век» (перемахнул календарные границы нескольких столетий), «космический век» (календарно начавшийся то ли с теорий Циолковского, то ли с первого искусственного спутника Земли, то ли с полета Гагарина).

Список подобных, с позволения сказать, определений легко продолжить: например, «век информации», «век рекламы», «век гламура» и т.д. Так повелось издревле, так оно ведется и сейчас. Разница только в том, что прежде каждая последующая эпоха оказывалась сложнее и – вот что особенно важно в нашем случае – духовно разнообразнее предыдущей. Но последние десятилетия впервые столкнули нас с фактом: новая эпоха может быть если не проще, то духовно примитивнее своей предшественницы. По-видимому, так тоже, помимо всего прочего, проявляется глобализация. В самом этом существительном заложено указание на процесс, а не на результат. Однако индивид живет не в веках, где длительность процессов существенна, а в весьма кратковременной эпохе, которой нужно соответствовать. Соответствие (или несоответствие) – это и есть результат. То есть для того, чтобы быть успешным, нужно отвечать стандартам эпохи: быть «романтичным» или «гламурным», или «информированным», или... и т.п.

С определенными оговорками можно утверждать, что глобализация и есть стандартизация. Точнее, глобализация наиболее очевидна в стандартизации. Всех и всего. Метафоры – вопреки своей функциональной сути - здесь ничего не определяют. Любая из них - всего лишь дифференциальный признак, по которому различаются стандарты эпох. Чем отчетливее каждый такой признак, тем, следовательно, мощнее мейнстримовский стандарт очередной эпохи. По этим стандартам - как по вешкам – ориентируется массовое сознание и устанавливаются векторы подъемов и спусков на ценностной шкале.

В пояснение укажем на парадоксальный факт: глобализация отменяет географию. Точнее, в нашу эпоху значение геополитики постоянно растет, но значение географии столь же неуклонно уменьшается. Тому подтверждений не счесть: вот транснациональные корпорации («Made in Holland» выглядит анахронизмом, а «Made in Fillips» - вполне современно), вот мода, которая одновременно оккупирует, ну, выразимся мягче, интегрирует все континенты, вот Интернет, который принципиально безграничен... Все это уже данность, предложенная каждому из нас не только в ощущениях. Причем вопрос, кто в упомянутой Всемирной паутине паук, а кто – муха, чаще всего не беспокоит массовое сознание. Зато успешно диктует массовое поведение.

С. Московичи в своей работе «Век толп» отметил, какая короткая дистанция отделяет массовую информацию от массовой культуры. Эту дистанцию массовое сознание проходит легко, быстро отождествляя, а то и попросту уравнивая понятия «быть информированным» и «быть культурным». Отсюда - засилье массовой культуры, ориентирующейся преимущественно по штампам. Изобилие штампов может показаться разнообразием, хотя, в сущности, большинство штампов скроено по одному лекалу и разнятся они меж собой лишь степенью новизны ввода в общее употребление. Потому в контексте наших размышлений не будет преувеличением утверждение: штамп – тот же стандарт.

Всякий штамп по своему содержанию безлик. Зато доступен. Потому что упрощен до примитивности. Эта примитивность прячется за общедоступностью. Общедоступное же, в свой черед, стремится выглядеть как общепризнанное и соответствующее эпохе, то есть наиболее стандартизированное. Логика массового сознания маркирует стандартизированное как наиболее прогрессивное и, стало быть, популярное: «все так уже делают», «уже все такое носят», «все уже это имеют»... Глобальная стандартизация оказывается тождественной глобальной примитивизации, которая есть также процесс, хотя его результаты – пусть промежуточные – виднее. Их-то, эти результаты, то есть глобальную примитивность массовое сознание и возводит в ранг доступной себе культуры. В результате фильмы смотрят из-за спецэффектов, газеты и журналы тоже чаще всего смотрят, а читают все реже, беллетристика отодвинула литературу на задворки, конфликты болельщиков привлекают больше, чем состязания спортсменов...

Выше отмечалось изобилие всяческих стандартов, штампов. Понятно, что такое изобилие – фактор количественный, а не качественный. «Золотой голос» (о Н. Баскове), «императрица россэтрады» (об И. Аллегровой), «царица песни» (о Т. Гвердцители), «главная блондинка страны» (о К. Собчак), «великий /гениальный» (о Земфире, Ренате Литвиновой, Дидюле, Максиме, Верке Сердючке и др.), «секс-символ» (о В. Машкове, Е. Миронове, О. Меньшикове, А. Абдулове, Г. Куценко, Ф. Бондарчуке и др.), «настоящий мужчина» (об А. Буйнове, А. Розенбауме). Список подобных штампов бесконечен и разнообразен, функция же у них у всех одна: обеспечив рост продаж билетов и дисков, сформировать общественное мнение как мнение единомышленников. При этом сознание потребителей масскульты примитивизируется: «единомышленником» движет одна-единственная мысль - о своей «приближенности» к кумиру. Это даже возвышает... А «кукловодам за ширмой» - производителям-продавцам-импрессарио всевозможных «императриц», «блондинок», «гениев» и «символов» - остается подсчитывать доход. Прибыльность в данном случае – показатель управляемости массовым сознанием. Потому важна лишь массовость закупок, ценится лишь широкая и быстрая востребованность - на этом стоит не только шоу-бизнес, но и политический успех, и вообще всякое управление обществом. В том числе и управление общественным мнением. Возникающий при этом риск превращения личности в безликого индивида, народа – в толпу определяющим не является ни для «кукловодов», ни для массы, ни для отдельного индивида. Нормативы общества потребления предписывают, что «пипл хавает» (по меткому и откровенному признанию Б. Титомира) прежде всего экстраординарное, то есть снабженное броской этикеткой, яркими спецэффектами и пышными титулами. О массовом осознании тут можно говорить с очень большой осторожностью, но о «коллективном бессознательном» - вполне свободно.

Дело в том, что чем больше информации (всякий продукт – это своего рода информация) выбрасывается на рынок, тем меньше она осознается. Массовый сбыт находит, в первую очередь, то, что имеет наиболее продажный вид и что в наибольшей степени стандартизировано. Вовсе не случайно, к примеру, дома «от кутюр» обратились к прет-а-порте: стандартизация предполагает конвейерное производство и нуждается в нем. Наиболее

эффективные распространители информации для массового потребителя – это «идолы/лидеры» бизнеса, культуры, политики, спорта и т.д. Сотворенные методом поточной штамповки, эти кумиры часто становятся и лидерами потребления. Но они могут успешно справляться со своей задачей – вызывать стремление масс к подражанию – только при соблюдении главного условия: в них должны верить. Ибо вот аксиома массового сознания: в кого верую, того и люблю. Тому и подражаю. Слоганом такого общества вполне может быть девиз: «Кого люблю, того и ем». А также «и пью». Этот ряд тоже легко продолжить («кого люблю, того и пою/танцую» и т.д.). Здесь при любых вариантах остается инвариантной идея обладания. В коллективном бессознательном обладание сплошь и рядом подменяется потреблением. Применительно к нашей теме потому, что глобализация идею обладания облекла в наиболее доступную форму подчинения массовым стандартам.

Обладание есть подчинение – парадокс только мнимый. Ибо всякий предмет обладания предъявляет своему хозяину набор требований и условий пользования, которым надо подчиняться. В этом контексте слоган «Кого люблю, того и ем» может показаться гротескным и циничным, но преувеличения и сарказма, тем более цинизма тут нет. Есть констатация по аналогии: на Рождество и Пасху поедают же тоннами шоколадки и марципанки в виде ангелов, на Валентинов день облизывают же в массовом порядке засахаренные сердечки... Традиция отнюдь не нова, если вспомнить о хлебе и вине как плоти и крови Христовой. Правда, церковь-то свято хранит идею причащения Спасителю-Вседержителю, тогда как глобальный масскульт преданно служит золотому тельцу.

Отсюда недалеко до шаманства и мракобесия. Ведь трудно отрицать, что в наш «век информации», или в «космический век», растет предложение самых разных оккультных услуг, а параллельно впадают в небожественный экстаз фанаты полуголых нимфеток и обряженных в сатанинские уборы рокеров (от «Тату» до «Lordi»). И те, и другие по-своему весьма гламурны, «товарный вид» гадалок, кашпировских или поп-идолов своим стандартам «для масс» соответствует. Однако важнее другое: эмоциональное и более того – здесь иррациональное сильнее рационального. Налицо «перезагрузка» массового сознания. Это тоже объяснимо: «человек толпы», оказавшись один на один с обилием информации, испытывает растерянность и страх, он не хочет (уже не может?) размышлять, анализировать, он хочет только чувствовать. И верить. Хотя бы в идолов масскульта, потому что они ближе всего, вот они, рядом, у меня в Интернете или в гламурном журнальчике. Показателен тут пример П. Мамонова. Известный своей скандальностью рок-исполнитель, любитель спиртного и ненормативной лексики, но в то же время человек религиозный и чуть не отшельник-столпник, сыграл в фильме «Остров» предателя и убийцу, ставшего после раскаяния блаженным чудотворцем. После чего исполнитель роли сам лично показался массе зрителей едва ли не новым пророком. Сей феномен можно объяснить библейским: «И последние станут первыми», - что массовому сознанию вполне близко. Тот факт, что история героя фильма «Остров» - всего лишь эффектное переложение старой «американской мечты» на новую российскую действительность, массовое сознание не осмысляет. Зато вектор движения обозначен, и «коллективное бессознательное» вполне удовлетворено.

Впрочем, это лишь подтверждает давнее наблюдение Х. Ортеги-и-Гассета о том, что «человек-масса» чувствует себя «таким как все» и доволен этим своим положением. С. Московичи развил эту мысль: «То, что является общим для всех, измеряется аршином тех, кто обладает меньшим. Короче говоря, в сообществе первые становятся последними». Возможно, именно здесь кроется один из наиболее значительных рисков, которые предлагает нам нынешняя эпоха. Но это и вызов. Кто же на него ответит?

Глобальная стандартизация резко повысила значение оригинальной личности. Соответственно возрастает и интерес к сложностям, духовному богатству человеческой личности как эксклюзивной. Косвенно, а зачастую подспудно, отмеченную тенденцию выражают даже приведенные выше рекламные штампы: вот уникальный «золотой голос», а вот единственная «примадонна», вот самый-самый «секс-символ», а там самовластная и, стало быть, единственная «императрица». Имидж «белой вороны» - нематериальная, но осязаемая сила: «эксклюзивность» становится символом неповторимости. Чем и притягивает к себе массы. Разумеется, «кукловоды» массовой культуры достаточно быстро ставят неповторимое на поток, и бесчисленные «фабрики звезд» срочно штампуют очередные «эксклюзивы». Но у «идола с конвейера» другая парадигма: теперь творческая и личностная неординарность подменяется сложностями интимного характера: с кем и как штампованная «звезда» живет, где и сколько тратит, кого числит в друзьях, кого – в недругах... Причем массовое сознание, как представляется, не соотносит одного своего кумира/идола с другими ему аналогичными – именно в силу их «эксклюзивной» упаковки. В лучшем случае они сосуществуют как паззлы в собранной из деталек картины мира.

(Попутно заметим, что сам термин «puzzle» вытеснил из массового словоупотребления термин «мозаика». Это характерно не только как проявление англоязычного влияния, но и как отражение новой реальности: мозаика могла собираться воедино не только из плоских двухмерных материалов, но и из объемных трехмерных. Паззловое, плоское мировосприятие, во-первых, типично для примитивного сознания, во-вторых, уже как всякая мозаика, оно моделирует разорванность структурных связей изображаемого объекта. Каждая деталь сохраняет не только свою самоценность, но и автономность. Последнее соображение особенно дорого для сознания «человека-массы», ведь так и он может претендовать на эксклюзивность. Хотя бы в собственном представлении. Вот почему столь популярен бывший поначалу коммерческим, а теперь ставший и нравственным императивом слоган «Ведь ты этого достоин!»).

Тотальность массовой культуры подразумевает и тоталитаризм единого общественного мнения. Эти культура и мнение развиваются во взаимном влиянии, формируют эстетические вкусы, политические пристрастия и моральные предпочтения широких масс. Разумеется, высокая – духовная, элитарная – культура не исчезает вовсе, однако она сдвинута на периферию массового сознания и там функционирует как раздражитель. По остроумному замечанию С. Файбисовича, обе эти культуры – «своеобразная двухпартийная система, своеобразие которой в том, что обе партии пребывают у власти одновременно и тошнит от них не последовательно, а параллельно».

Все же тяга к некоей духовности остается и в массовом сознании. Потому блатные песенки обозначаются «русским шансоном», поп-исполнители включают в свои концерты арии из оперной классики и оратории на стихи Маяковского, киновестерны из жизни Пушкина или Есенина подаются как эпопеи, в которых действующие лица живут по «понятиям» (тоже стандарт!) «Бригады» уголовников. Фамилия становится знаком эксклюзивности, а персонажи – героями нашего времени. Такого рода продукция потребляется с неменьшим энтузиазмом, чем поп-корн и чисбургеры. Это закономерно: ситуация рисует образ и властно диктует поведение. Менталитет – не что иное, как набор поведенческих стандартов, обусловленных ситуацией. Так глобализация – через стандарты, принятые современниками, – обеспечивает единый язык общения и всеобщее взаимопонимание. И – подчинение этим стандартам.

По сути, в начале XXI века мы со всей своей тягой к демократии оказались перед угрозой новой диктатуры – диктатуры стандартов. Массовое сознание свой выбор сделало и общественное мнение сформировало. В этом смысле народы запели хором. Разумеется, глас народа – глас Божий, с этим не считаться нельзя.

Но можно призадуматься над тем, что среди множества вызовов, которые предъявила нам наша эпоха, один из важнейших заключается в поиске ответа на вопрос: упомянутый «свой выбор» сделало именно массовое сознание или же коллективное бессознательное?

При любом ответе риск остается.

Литература:

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
3. Морозова И. Слагая слоганы. М., 2003
4. Московичи С. Век толп. М, 1998.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1991.
6. Почепцов Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М., 2001.
7. Прокофьев В. Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах). В сб.: Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени». М., 1983.
8. Симонов П. В. Информационная теория эмоций и психология искусства. В сб.: Искусствознание и психология творчества. М., 1988.
9. Файбисович С. Русские новые и неновые. М., 1999.
10. T. Vachmann. Reklamipsühholoogia. Tallinn, 2005.
11. А. Трифонов-К. Банников. Почему «пипл хавает» чушь из телевизора. Утро.ru, вып.57/25

Торжество пришедшего Хама?

Ирина АНАЩЕНКОВА,
лектор Эстоно-Американской бизнес-академии

Третье тысячелетие – это время появления на игровом поле истории нового субъекта – “человечества”.

Нас – Запад, Восток, Север, Юг как целого сводят вместе глобальные проблемы. Современный мир – это “закрытая система”. Наша, казалось бы, такая огромная планета Земля превратилась в западню, из которой в случае глобальной катастрофы ни у кого нет шанса вырваться. Впервые за всю нашу многотысячную историю мы – люди, оказались в ситуации, когда от беды, увы, нигде нельзя укрыться. От техногенных катастроф не “уплывешь за море в дальние страны”. Международным террористам не втолкуешь, что ты лично сохраняешь нейтралитет. И очень трудно найти «тыл», в котором можно отсидеться во время бомбардировок и революций – «бархатных», «оранжевых», «цветочных», «поющих».

Но, человечество, став “целостной системой», не стало единым целым. Мы – “связаны одной цепью”, но не “одной целью”. У “нас” нет ни общих ценностей, ни общей стратегии выживания. И как это ни странно, и как это ни страшно, люди даже перед лицом глобальных проблем не способны выступить “фронтом единым” и начать действовать в интересах всего человечества.

Парадокс! Мы, «человеки,» много говорим о том, что должны объединиться для разрешения глобальных проблем, но как только доходит до дела, каждый начинает «тянуть одеяло на себя», нимало не заботясь о других, поправ все данные клятвы и обещания, “наплевав” на здравый смысл. “Мы”- “рассыпается” на “Я”, “Я”, “Я”... только “Я”.

В XXI веке появляется еще один новый субъект истории – “современный человек”, этакий новый “антропологический тип”, о “пришествии” которого немало писали в веке XX.

И именно это:

- **“Я, Я, Я! Только Я!”** – и есть «первая заповедь” “человека третьего тысячелетия”. “Речь идет о признании того, что человек утратил все абсолюты, а вместе с ними и все связи, все привязанности, все обязательства по отношению к чему бы то ни было, находящемуся вне его. Речь идет о признании того, что этот индивид, этот “микрокосм” превратился в совершенно замкнутую, абсолютно “беззаконную” монаду, у которой в отличие от Лейбницевской монады полностью утрачена причастность “предустановленной гармонии”, обеспечивавшей ее внутреннее родство с другими монадами”. (1)

“Новый антропологический тип” – это человек, опирающийся на “новые заповеди, по новому понимаемого блаженства”. Нравственные ценности жителя XXI века заметно отличаются от традиционных. Например, из 10 библейских заповедей не работают три, посвященные Богу, так как вступают в противоречие со свободой совести. И далее. Заповедь о субботе - противоречие со свободой распоряжаться своим временем. Заповедь “не прелюбодействуй” – не стыкуется со свободой личной жизни и правом самому распоряжаться своим телом. И оставшиеся пять заповедей – это просто помехи для карьерного роста современного динамичного человека.

«Золотое правило» этики в третьем тысячелетии трансформируется в новый принцип: **можно делать все, что угодно, непосредственно не ущемляя чужих интересов**. Здесь ключевое слово - “непосредственно”. Если человек расхаживает голым по улице или занимается сексом в общественном месте, то, с точки зрения “дня вчерашнего”, он аморален. Но с точки зрения “дня сегодняшнего” аморален тот, кто пристаёт к нему с требованием “вести себя прилично”. Ведь голый человек, непосредственно не покушается ни на чьи интересы, он просто занимается своими делами, то есть он в своем праве. Вот если бы он насильно раздевал других, то непосредственно покушался бы на их интересы. А то, что вам неприятно видеть голого человека на улице - это проблема ваших комплексов - боритесь с ними. Он же не приказывает вам раздеться, почему же вы к нему пристаёте с требованием одеться?

Нельзя непосредственно покушаться на чужие жизнь, здоровье, имущество, свободу - вот минимум требований. Живи, как знаешь, и не суйся в чужую жизнь, если не просят - вот главное правило морали сегодняшнего дня. Его можно еще сформулировать так: “Нельзя решать за других. Решай за себя”. В этом же направлении развивается и юриспруденция. Законы дрейфуют в направлении, который указывает тезис: “Нет пострадавших – нет преступления”.

К портрету “нового антропологического типа” можно добавить еще несколько “мазков”. “Новый человек” должен “обладать”:

- **“Короткой” социальной памятью.** “Идти в ногу со временем” - это значит “родства не помнить”, прошлого не хотеть знать, жить днем сегодняшним, вне контекста, как прошлого, так и будущего.
- **Наличием «рыночного характера».** “Человек, обладающий рыночным характером, воспринимает все как товар – не только вещи, но и саму личность, включая ее физическую энергию, навыки, знания, мнения, чувства, даже улыбки. Такой тип – явление исторически новое. Ибо он возникает в условиях развитого капитализма, где все вращается вокруг рынка, - рынка вещей, рынка рабочей силы, личностного рынка, - и его главная цель – в любой ситуации совершить выгодную сделку”. (2)
- **“Похотью жизни и похотью власти”** (3), пришедшим на смену “до жизни жадной смелости”.
- **Полным отсутствием нравственных абсолютов.** Порождающего утрату смысла жизни, уверенности в том, что бытие имеет вообще какой бы то ни было смысл.
- **Принципиально новым отношением к смерти.** “Смерть больше не вносит в жизнь общества паузу. Человек исчезает мгновенно. В городах все отныне происходит так, словно никто больше не умирает” (4). “Кончина человека обставлена так, что она становится делом одних только врачей и предпринимателей, занятых похоронным бизнесом. Похороны проходят проще и короче, ... а траур и оплакивание покойника воспринимаются, как своего рода душевное заболевание... “Стремлению к счастью” смерть угрожает как несчастье и препятствие, и поэтому она не только удалена от взоров общества, но ее скрывают и от самого умирающего, дабы не делать его несчастным”. (5)
- **Неспособностью к перцептивному общению с миром.** “Эволюционируя”, современный человек дошел до состояния, когда ему для успешной адаптации уже не требуется ни рефлексия, ни способность к эмпатическому сопереживанию. Современный мир – это мир очень «поверхностных» эмоциональных реакций. “Чувства не то чтобы совсем исчезли из жизни, они скорее поблекли. В той мере, в какой они еще живы, они не культивируются и вследствие этого становятся грубыми, превращаются в необузданные страсти, такие, как страсть быть первым в любой

ситуации, подчинять себе других, разрушать, находить возбуждение в сексе, скорости, или шуме”. (6)

- В целях выживания вполне достаточно опираться на механизмы, носящие названия:
 1. “*Мозаичность мышления*”, заключающуюся в том, что в своих рассуждениях и действиях человек всеми силами стремится не выходить за границы модели, в рамках которой, его поступки считаются адекватными;
 2. “*Эффект попугая*”- механическое повторение слов, мыслей, поступков без их переосмысления и интериоризации;
 3. “*Страусиный эффект*” - нежелание думать о "плохих" вещах, надеясь на то, что все разрешится как-нибудь само собой, без моего участия и я не за что не должен буду отвечать;
 4. “*Чувство личного бессмертия*” - обоснование поразительной беспечности современного человека. Так как каждый человек, сколько себя помнит - всегда был жив, а смерть и несчастья - это удел других людей, то указанное чувство отступает на второй план лишь тогда, когда опасность становится чрезвычайно близкой и начинает угрожать *лично* тому, кто его до этого испытывал, а не сообществу людей в целом.

Век XXI, нынешнюю глобальную современность, можно назвать «временем масс», массовой культуры, эпохой массовых коммуникаций, преобладающего действия таких социальных регуляторов, как рынок, насилие и выхолащенный, отсеченный от нравственности разум. Это поле деятельности “новых людей”, грядущему пришествию которых не радовались люди высокой культуры ещё на заре XX века. «Грядущий Хам», явление которого предрекал Д.Мережковский, в наши дни не только заявил о себе, но и, похоже, торжествует.

Примечания:

1. Давыдов Ю. Этика любви и метафизика своеволия. М., 1989, с.30.
2. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1992, с.27.
3. Бердяев Н. Новое Средневековье. М., 1991, с.55.
4. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992, с.455, 16.
5. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1992, стр.30.

Методы ПР в культуре Эстонии

Ольга ПЕТРУХИНА,

студентка Эстоно-Американской бизнес-академии

Руководитель: **Марк ЛЕВИН,** ректор

Специалист по связям с общественностью в своей работе ставит интересы общества на первое место, поэтому он действует, в основном, в области идеологии и морали. Деятельность ПР-специалиста неразрывно связана с постоянным наблюдением и анализом того, как изменяется общество, поэтому служба ПР не может работать изолированно от общества, ведь основная цель ПР – гармонизация отношений организации с обществом. Специалист по связям с общественностью должен видеть логику происходящего в обществе, и, на взгляд автора, нет лучшего показателя тенденций развития общества, чем присущая ему культура.

Если проследить историю развития культуры и искусства, то можно сказать, что на первобытных этапах жизнедеятельности человечества свободное и единое творчество было неотъемлемой и необходимой частью естественной жизни человека. «В период становления капитализма, в XIX веке, произошел разрыв искусства и повседневной жизни, когда искусство стало товаром на анонимном художественном рынке».[\[1\]](#)

Становление капитализма в Эстонии, как и в других странах, вызвало энергичное наступление массовой культуры, которая стремится проникнуть во все сферы жизни, претендуя на роль учителя всего общества.

Теперь впервые культура оказалась средством управления людьми именно через их нивелирование как личностей. Массовой культуре нужны не столько потребители, сколько и их деньги. Этот факт можно проследить и на культуре Эстонии - как массовой, так и элитной.

Тезаурус «Методы ПР в массовой культуре Эстонии»

Перед проведением контент-анализа была выделена следующая гипотеза: если использовать этические методы ПР в культуре Эстонии, то это оказывается коммерчески выгодно.

Проведенный контент-анализ позволил не только подтвердить гипотезу, но также определить, какие мотивации стоят за использованием этических методов ПР в культуре.

Контент-анализ показал, что в массовой культуре Эстонии чаще всего используются недобросовестные методы (недобросовестная конкуренция, лживая реклама, шпионаж, необоснованное обогащение и так далее). В массовой культуре Эстонии Как уже говорилось, ПР – в теории - это совесть бизнеса, но на практике оказывается, что массовая культура - это область, лишенная совести. Ибо сегодняшние местные условия демонстрируют, что бизнес и ПР функционируют в разных плоскостях.

ПР в массовой культуре использует методы, которые испокон века использовала религия. Многие мыслители прошлого уверяли, что религия является главной связующей силой общества, сейчас же главной связующей силой общества является ПР. Разъединение людей очень выгодно массовой культуре. Массовая культура может объединять людей на свой манер, используя духовную пустоту, которая есть внутри некоторых людей. Массовая культура с помощью средств массовой информации заполняет ее своими ценностями, тем самым выполняя множество функций: все более отдаляя людей от Бога (вера в Бога может мешать нивелированию людей и манипулированию ими), оправдания главной цели массовой культуры – превращению своих потребителей в однородную массу: так можно эффективнее решать экономические и идеологические задачи капиталистического рынка. ПР же должен создавать видимость того, что процесс потребления является культурным процессом. Для массовой культуры пробуждение в ее деятелях любви к ближнему, тем более альтруизму чревато отменой массовой культуры как такового.

Именно поэтому с приходом капитализма элитная культура стала всего лишь подразделом массовой, стала также продаваться, наладилась такая же индустрия (в большинстве случаев), как и в массовой культуре. Поэтому этичным методам ПР нужно как-то оправдывать и элитную культуру.

Тезаурус «Методы ПР в элитной культуре Эстонии»

Общий вывод по контент-анализу «Методы ПР в элитной культуре Эстонии»

То, что элитная культура является подразделением массовой, завуалировано, что подтверждается отобранными для контент-анализа смысловыми единицами. Если для контент-анализа «Методы ПР в культуре Эстонии» было отобрано множество единиц, напрямую связанных с коммерцией и денежной ориентацией, например, рынок, риск, конкуренция, корпоративность, райдер, то коммерческая направленность сегодняшней элитной культуры не сразу становится видна. Центрообразующей, то есть связанной со всеми остальными смысловыми единицами, стала единица «риск». Это показывает, что массовая культура – это индустрия, и, как в любом бизнесе, все предприниматели, занятые в этой области, рискуют потерять вложенные деньги, проще говоря, не окупить концерт.

В то время, как открыто о том, что элитная культура – субкультура, подраздел массовой, а значит, тоже бизнес, громко не говорится, этот факт подтверждается тем, что среди смысловых единиц контент-анализа, посвященного элитной культуре Эстонии, есть такие, как администрация, цена, прибыль. Это свидетельствует, что элитная культура также продается как массовая, и ее основная цель – тоже приносить прибыль и все также стирать разницу между людьми в целях получения денежной прибыли.

Ныне элитарно-культурный идеал творческой личности подавлен и замещен идеалом человека потребляющего. Можно сказать, что элитная культура – это только название, но сущность элитной культуры подменена массовой. В контент-анализе встречаются такие смысловые единицы, которые действительно должны связываться с элитной культурой, например, искусство, классика, традиции, творчество, вечные ценности, государство. Культурные деятели в этой области часто говорят: элитная культура все больше развлекает, в то время как она должна будить в человеке совесть, заставлять задумываться о главном, что мало похоже на расслабление и отдых, вызывает напряжение душевных сил человека, провоцирует его на большую внутреннюю работу, заставляет многое переоценить, в результате помогая понять самые важные ценности в жизни человека.

Элитная культура, которая выполняла бы свои истинные функции, была бы опасна обществу потребления, потому как она, заставляя человека выполнять интеллектуальную и нравственную работу, превращала бы человека-массу в человека-индивидуума. Поэтому элитная культура и не могла оказаться в обществе потребления ничем другим, как только подразделом массовой культуры.

Тем не менее, тот факт, что современная элитная культура не является элитной культурой в истинном ее значении, не мешает культурным деятелям в данной области использовать этичные методы ПР и говорить о том, что они занимаются высоким искусством, думая все время о повышении культурного уровня зрителей.

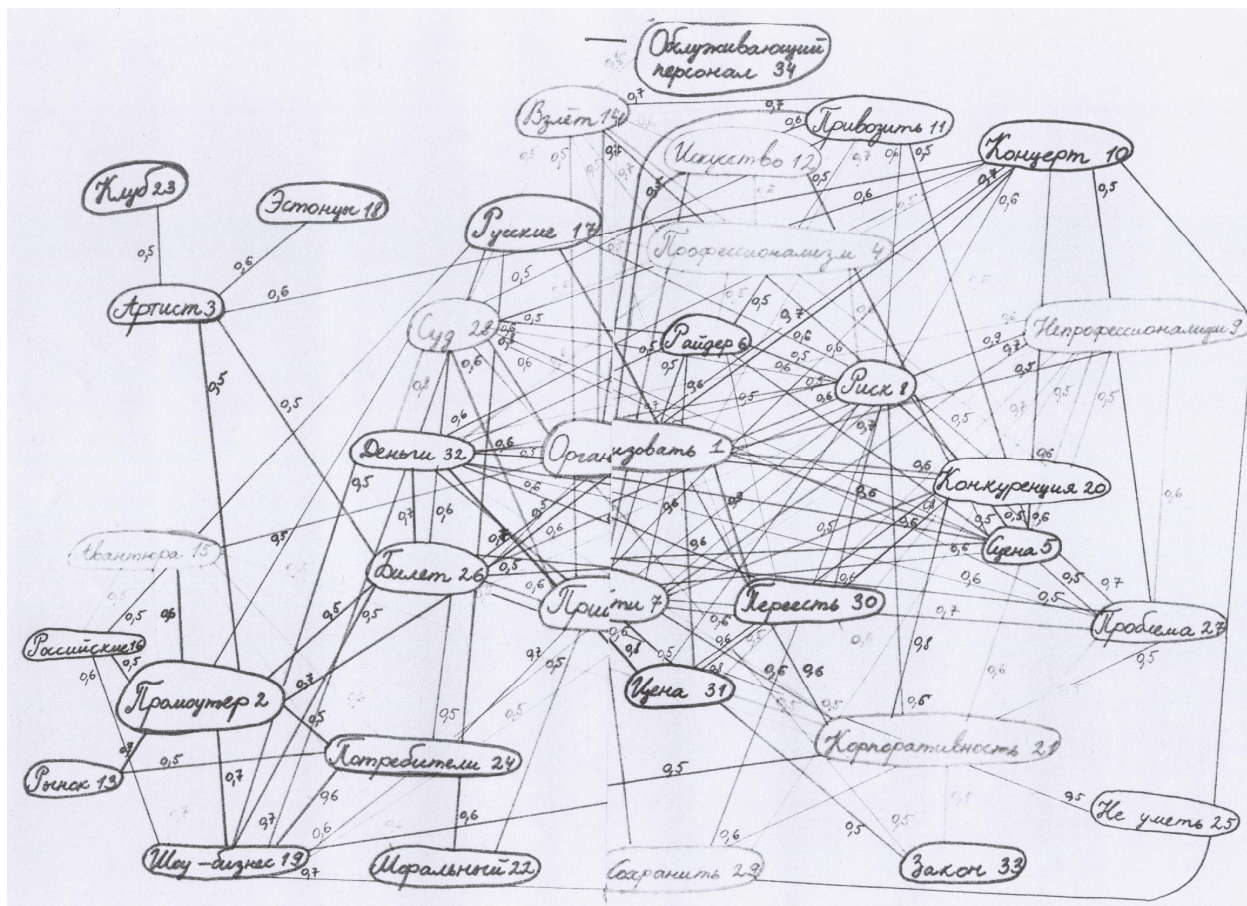
Общий вывод по контент-анализам «Методы ПР в культуре Эстонии»

Современному элитному искусству нужны этичные методы ПР, чтобы доказать зрителю, что ему нужно прийти на то или иное представление, убедить его в этом, только ради продажи «продукта». Зритель, так как является неудовлетворенным в своих высших потребностях, верит, покупая билет, что он получит духовную пищу, затем, получая только развлечение, оказывается еще больше неудовлетворенным. Автор убежден, что хотя практически каждому человеку присуща потребность в духовности, на деле ему предлагается только развлечение. Бизнесмены от масскульта играют на простейших инстинктах, якобы продавая духовность, а на самом деле лишь укрепляя примитивизацию духа.

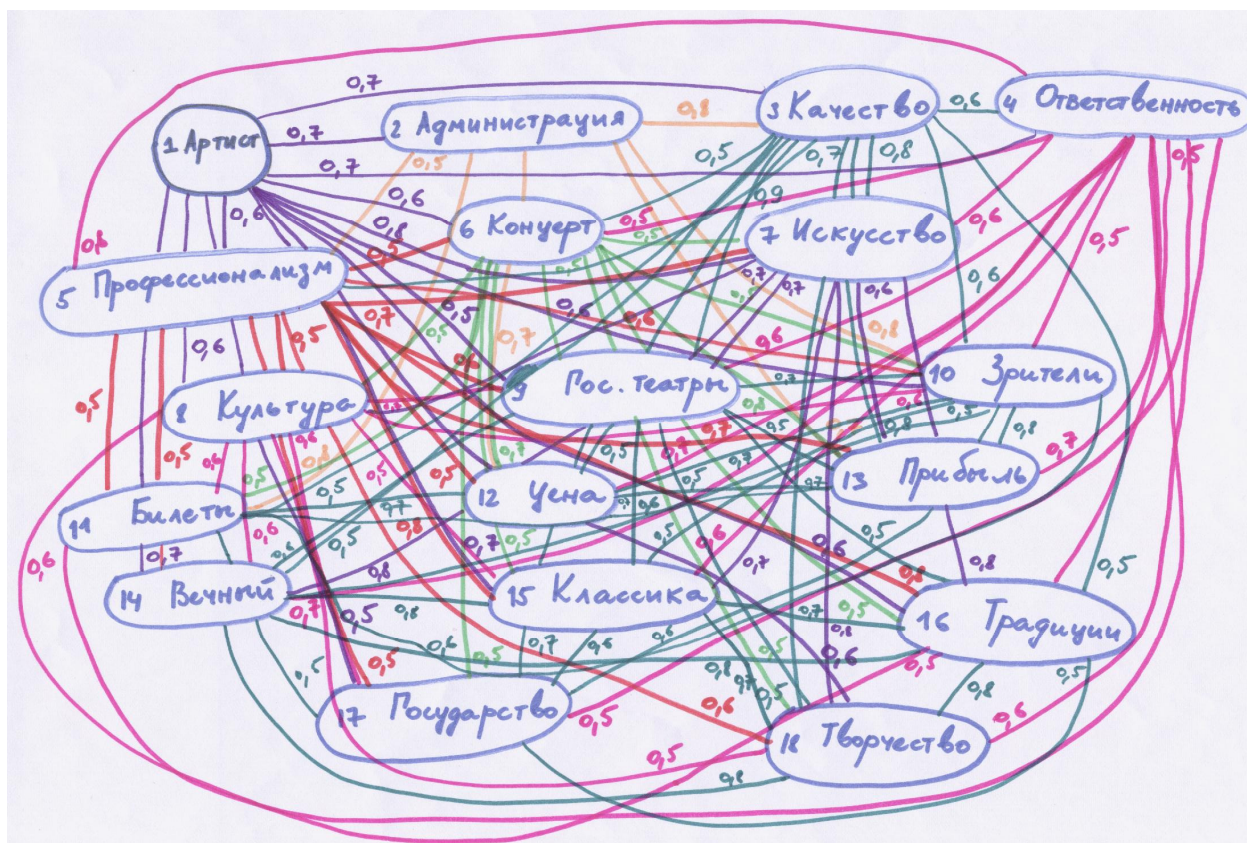
Такая ситуация еще больше показывает кризис, в котором оказалось современное общество изобилия: как никогда много у него есть средств для счастья, и как никогда сильно люди несчастливы или не удовлетворены. Человека не может и не должна удовлетворить такая культура, потому как человек является высшим звеном эволюции, и поэтому ему присущи поиск высшего смысла, потребность в духовности. Такой поиск и неудовлетворенность большинства людей на руку иным предпринимателям в шоу-бизнесе. Человек, покорив природу, не может покорить самого себя, найти путь к своему счастью, к своей гармонии и удовлетворению. и этот факт провоцирует множество катастроф мирового масштаба, войн, бессмысленных и опасных идей. Не в этом ли корень практически всех бед человека?

Таким образом, проанализировав мотивы выбора методов ПР культурными деятелями, мы видим, что их ориентация на денежную выгоду – это не что-то отдельное от общества, нет, такая мотивация является закономерностью общества, в котором мы живем. Это означает, что современное общество как в Эстонии, так и в некоторых западных странах, находится в глубоком кризисе. Но, по мнению автора, все в этом мире циклично, и количество людей, осознающих этот кризис, не удовлетворенных обществом потребления, растет с каждым днем. Их запросы требуют ответа, и он уже формируется

2. 1.1 Тезаурус 1 «Методы ПР в массовой культуре Эстонии»

2.2.1 Тезаурус 2 «Методы ПР в элитной культуре Эстонии»

[1] Выжлецов, Г.Б. Аксиология культуры. Санкт-Петербург: Универс, С. 135. (1996).

Ответственность СМИ в век информации

Евгения ХАПОНЕН,

лектор Эстоно-Американской бизнес-академии

1. XXI век считается веком информации, веком бурного развития средств коммуникации. Появилось расхожее мнение: «кто владеет информацией, тот управляет миром». Скорость распространения информации растет с каждым днем. Всемирная паутина Интернета опутала цивилизованный мир и стала неподвластной никакому контролю. Человек бьется в ее путях, все больше и больше увлекаемый мощным потоком разнообразных сведений. В литературе появляются описания идеи захвата мирового господства с помощью всеобщей компьютеризации.
2. Параллельно этому процессу происходит распад системы социализма с его жестко регламентированным информационным полем. Как говорил М.М. Жванецкий: «Есть одно мнение и, ради Бога, не надо другого». Рухнули все завесы, и воздух свободы вскружил головы наивным обитателям бывшего социалистического лагеря. Звонкое слово *демократия* было воспринято, как сигнал к абсолютной свободе и вседозволенности.
3. Эпоха перемен, жить в которой нам сейчас приходится, не только крайне сложна в социально-экономическом плане, но почти невыносима в нравственном аспекте. Недаром у нас так много суицидов – из жизни уходят лучшие, как правило, самые незащищенные. Дикая рост алкоголизма, наркомании, хамства и преступности – такое ощущение, что корабль нашей жизни несется по бурному морю свободы без руля и без ветрил. А между тем, свобода – это, прежде всего, огромная ответственность за каждое решение, поступок, слово.
4. Все старые правила игры, знаковые системы отношений выброшены на свалку нового времени. Нравственные принципы, понятия морали тщательно выдавливаются из современного человека. Однако понимание «что такое хорошо и что такое плохо» всегда было, есть и будет в нашем подсознании. Это есть непреходящая знаковая система, и она не зависит ни от эпохи, ни от политического строя. Нам всем приходится проходить «огонь, и воду и медные трубы». Особенно тяжелы «медные трубы»: испытание славой, деньгами и властью.
5. Во всей этой дикой безнравственной чехарде огромное значение вновь приобретает СЛОВО. Причем в наш век информации и коммуникативных систем слово оказалось в руках Прессы и СМИ. Мы все прекрасно понимаем, какую первостепенную роль они играют в формировании общественного мнения. Это поистине четвертая власть и опасаться ее надо, может, сильнее всех остальных ветвей власти.
6. Журналистика тоже включилась в игру, под названием «демократия» и объявила о своей независимости. Появилось словосочетание независимая журналистика. На самом деле, это абсолютный нонсенс, поскольку независимой журналистики не существует по определению.

Пресса изначально была создана сверху, всегда контролировалась и неизменно обслуживала и обслуживает какую-либо одну или несколько ветвей власти.

7. То, что снята идеологическая цензура, можно считать прогрессом, а исчезновение этических норм журналистики может привести к непредсказуемой ситуации в обществе. Особенно это опасно для нашего нового неокрепшего государства. Резкое «пожелтение» прессы, низкопробность программ ТВ – все это развращает публику, подменяет нравственные понятия.

В прессе теперь принято сводить личные счеты, можно спокойно оболгать человека и остаться при этом безнаказанным.

8. Все это абсолютно недопустимо в цивилизованном мире. Во всех развитых странах существуют институты этики, которые следят за тем, чтобы слово журналиста не нанесло вреда доброму имени человека или фирмы.

У нас пока что есть только некий совет по этике при Союзе журналистов Эстонии. Организация сия весьма беззуба и не обладает необходимыми полномочиями, чтобы защитить кого-либо от нападков, а тем более прямой лжи прессы или СМИ.

Они могут выразить свое негативное мнение и порекомендовать извиниться перед обиженным, но потребовать этого совет не имеет права, и вопрос этот решает сама редакция. И мы хорошо знаем, что травят под крупными заголовками на первых страницах, а извиняются в лучшем случае – на последних страницах мелким шрифтом.

9. В связи со всем этим в стране встает вопрос о необходимости введения неких правил в сфере журналистики, обсуждается возможность и необходимость существования такого явления, как ДЕЛЬФИ. Сия уникальная словесная помойка еще раз подтверждает низкий уровень культуры в обществе.

Если у нас свободная страна и свободная пресса, пусть человек выражает свои мысли под своим настоящим именем, тогда это будет демократично и честно.

И если портал Дельфи считает себя СМИ, то он должен отвечать этическим нормам, принятым в этой сфере во всем мире.

10. Современная журналистика должна отдавать отчет в той силе, которой она обладает и отвечать за свои действия.

Еще в 80-ые годы прошлого века известный философ, сторонник открытого общества Карл Поппер, говоря о сильнейшем влиянии ТВ на общество, выступил с предложением ввести специальную этическую подготовку для работников этой сферы, которая должна была бы заканчиваться клятвой, подобной клятве Гиппократова, что дают врачи: «НЕ НАВРЕДИ!»

Кроме того, он считал, что программы ТВ необходимо контролировать. «Ведь суть демократии заключается в контроле над политической властью. То есть в демократической стране не должно быть ни одного ответвления власти, которое оставалось бы неподконтрольным. А телевидение сегодня стало таким ответвлением... оно обладает более сильной властью, чем может допустить демократия- писал он, считая это «чрезвычайно опасным».

Хочется верить, что разум все же победит, и СМИ не станет угрозой для нашей развивающейся демократии.

Социально-экономический аспект определения будущего Эстонии.

Владимир ПАРОЛЬ,

доктор философских наук, профессор СГИ (Таллинн)

Рейтинг Эстонии в ЕС

И специалисты, и рядовые граждане Эстонии задумываются о своем будущем и о перспективах выхода ее на передовые рубежи. Тем более, что все осознают необходимость освоения не только экономического и социального пространства ЕС, но включение в него соответствующих реалий России, подписавшей с ЕС Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Поэтому разнообразные расчеты предстоящих изменений в экономике и социальной жизни стран Балтии так или иначе исходят из устоявшихся стандартов, активно применяемых в мировой практике развитых стран и в последующем используемых в материалах ООН и Мирового банка. Одним из наиболее распространенных подходов к выявлению сравнительных тенденций развития между передовыми и отставшими странами считается критерий человеческого развития.

Ниже приводится динамика рейтинга балтийских, северных стран, а также РФ на основе критерия человеческого развития в 1995-2004 годах.

	1995	2000	2004
Эстония	45 (0,793)	45 (0,831)	40 (0,858)
Латвия	46 (0,789)	46 (0,830)	41 (0,857)
Литва	54 (0,769)	48 (0,815)	45 (0,845)
Швеция	3-4 (0,933)	2 (0,949)	5 (0,951)
Финляндия	13 (0,917)	12 (0,938)	11 (0,947)
Россия	61 (0,771)	62 (0,785)	65 (0,797)

Источник: Eesti Inimarengu Aruanne, 2006. Tallinn, 2007, с.9.

Критерий человеческого развития базируется на трех показателях: продолжительности жизни, уровня грамотности и размера производства валового внутреннего продукта на душу населения. Как видим, на основе приведенных данных страны Балтии за последние десять лет несколько продвинулись вперед в сравнении с передовыми странами мира, но им еще очень далеко до уровня развития Швеции или Финляндии, хотя они заметно опережают РФ.

Еще одним вариантом анализа предполагаемых изменений выступает использование показателей неравенства по доходам населения. Приведем соответствующие данные по результатам развития за 2004 г.

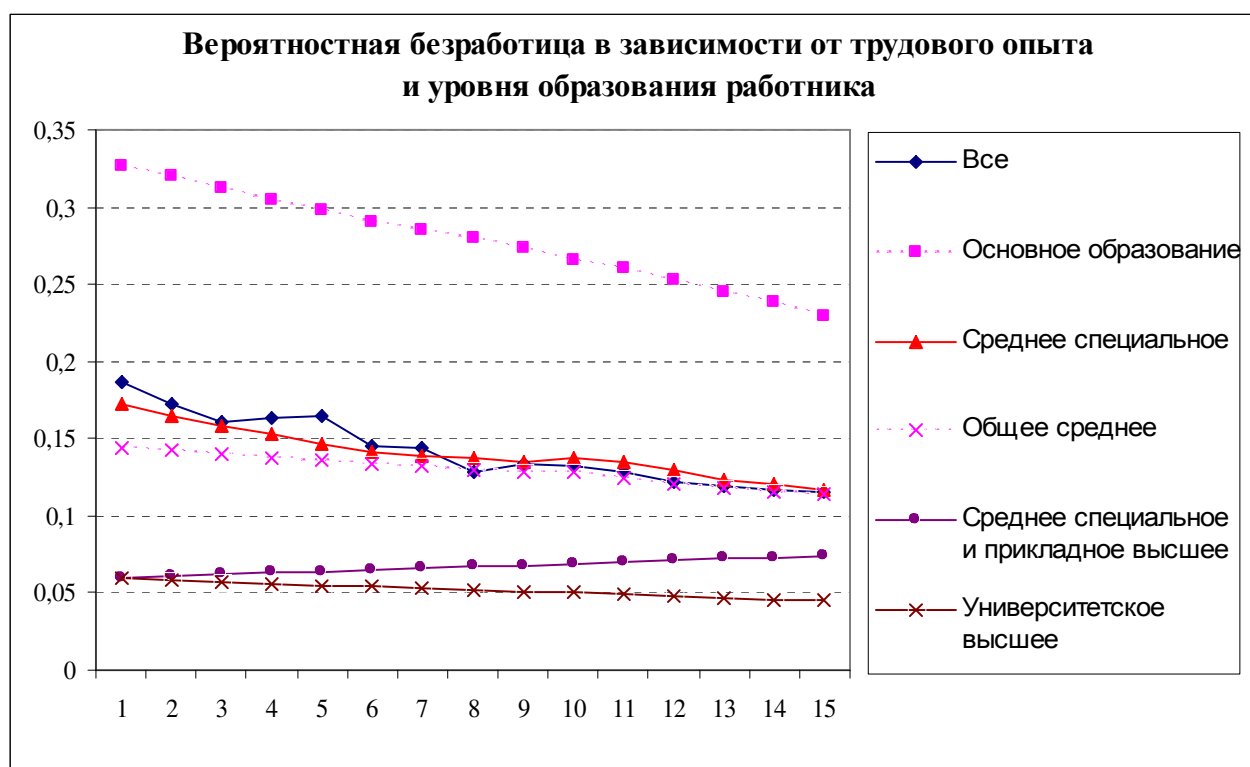
	10% богатых в сравнении с 10% беднейших	20% богатых в сравнении с 20% беднейших	Коэффициент Джини
Эстония	10,8	6,4	35,8
Литва	10,4	6,3	36,0
Латвия	11,6	6,8	37,7
Финляндия	5,6	3,8	26,9
Швеция	6,2	4,0	25,0
Словения	5,9	3,9	28,4
Чехия	5,2	3,5	25,4
Венгрия	5,5	3,8	26,9
Россия	12,7	7,6	39,9

Источник: Там же, с.9.

Здесь наблюдается ситуация, во многом совпадающая с данными по уровню человеческого развития. В Эстонии, как и в других странах Балтии, заметно рельефнее прослеживается степень неравенства в сравнении с передовыми странами ЕС, но еще хуже положение в России.

При определении перспектив развития важным элементом благоприятствующих условий является максимальное использование имеющихся трудовых ресурсов, в особенности получивших высококвалифицированную подготовку. Об этом свидетельствуют показатели графика 1.

График 1

Представленные в графике показатели, отражающие результаты проведенного в 2003 году исследования, фиксируют хорошо известные тенденции. Чем выше уровень образования у людей, тем меньше ожидаемая у них безработица. Противоположная линия наблюдается у лиц с основным образованием. На средней позиции находятся контингент людей, имеющих общее среднее и среднее профессиональное образование.

На характер использования кадров влияет фактор эмиграционной мобильности. Разумеется, лица, имеющие хорошую профессиональную подготовку и владеющие языками, склонны реализовать свой потенциал за счет работы за границей.

К сожалению, у нас нет точных данных относительно числа уехавших за границу на работу жителей Эстонии. Но экстраполируя аналогичную ситуацию по России на ЭР, приходится констатировать те же тенденции. Так, «за 1990-1999 гг. РФ покинули 80% математиков и 50% физиков мирового уровня. Это около 8 тыс. человек, чей отъезд критически опасен для отечественной науки. По оценкам на 2005 г., порядка 40 тыс. выходцев из России занимаются наукой в США и Западной Европе... По прогнозам Комиссии по образованию Совета Европы, ежегодные убытки России в результате научной эмиграции составили не менее 50-60 млрд. долларов».¹⁵

¹⁵ Шкаратан О.И., Иняевский С.А. Социально-экономическое положение профессионалов и менеджеров // Социс, 2006, №10, с.50.

В Эстонии из 1,5-2 тыс. чел., занимавшихся в начале 90-х годов наукой, не менее 100-150 чел. переключились на сотрудничество с западными странами, по крайней мере, 250-300 учатся или закончили учебу, получив или ожидая присвоения ученой степени европейского или американского вуза. Многие среди этих выпускников не планируют возвращаться на родину, так как размер зарплаты за рубежом значительно выше по сравнению с эстонским стандартом.

Куда идти Эстонии?

Наиболее сложный вопрос касается выбора перспективной стратегии развития. При всех плюсах, которые вытекают из факта вступления Эстонии в ЕС, нельзя забывать и о негативных моментах. В последнем десятилетии прошлого века между тремя секторами экономики – транзакционным (информационным), производящим и ресурсным – сложились принципиально новые отношения, построенные на реализации концепции «открытых рынков». Отсюда следовали различные проявления давления глобальной экономики с ее превалированием интересов транснациональных компаний. В настоящее же время складывается совершенно новая экономическая модель, которую характеризуют не формирование новых рынков при разрушении институтов государственного суверенитета, а формирование новых мировых держав – новых центров суверенитета.¹⁶

Все это происходит в условиях сохранения долларовой зоны в качестве ведущей финансовой зоны. Но вряд ли в ближайшее десятилетие ее роль сохранится в неизменном виде. Наступление евро и единой азиатской валюты существенно меняет соотношение сил на экономической арене. К тому же фондовый рынок США явно трещит по всем швам.

Попытка Китая и Индии постепенно сокращать объем торговли в США. Основная часть мировых сбережений, аккумулируемых мировым рынком капитала, расходуется как налог на стабильность, то есть идет на поддержание двойного дефицита США (бюджета и платежного баланса). Тип потребления в западных странах не изменился, дефицит ресурсов усилился. Сыграли свою роль как долговременные тренды, связанные с демографией и особенно со старением населения, так и среднесрочные – неудача, постигшая стратегию финансовой глобализации с точки зрения получения контроля за новыми внешними ресурсами роста.¹⁷

Исходя из сказанного, следует два основных вывода в качестве тренда в развитии экономики Эстонии:

¹⁶ Макушкин А.Г. Смена модели экономического развития // Свободная мысль, №6, с.67.

¹⁷ Там же, с.71.

- ориентация на освоение экономического пространства ЕС. Создает условия для превращения Эстонии в периферийную (развивающуюся) страну в этой системе;
- без становления отраслей, способных производить готовые изделия, Эстония не сможет преодолеть свое отставание. Но это потребует новых инвестиций, продвинутых работников и повышение конкурентоспособности в сбыте ее товаров.

«Бронзовый солдат» как символ интеграции

(Проблемы управления интеграционными процессами эстонского общества:
опыт теоретико-публицистического анализа)

Евгений ГОЛИКОВ,

Ph.D., советник министра региональной политики ЭР

Бюро министра П.-Э.Руммо завершает разработку новой программы интеграции, которая должна действовать до 2013 года. Не без влияния евроэкспертов наши интеграторы, наконец, заговорили об интеграции эстонского общества, а не просто о включении в него неэстонцев. Но как бы ни понималась интеграция, результаты двух предыдущих программ даже у чиновников не вызывают оптимизма. Несмотря на создание целой интеграционной индустрии и потраченные миллионы крон, даже уровень владения эстонским языком неэстонцами повысился только на каких-то 2-3 процента. Не ясно, то ли не тех интегрируют, то ли не так, то ли вообще не об интеграции речь?

Говорим одно, думаем другое

С первых шагов интеграционной политики обозначились два обстоятельства: практически противоположное понимание этого процесса эстонцами и неэстонцами и неспособность эти понимания сблизить. Строго говоря, интеграция – это процесс возникновения в обществе собственного «позвоночного столба», стержня, превращающего общественные различия во **взаимодополняющее целое**. Таким стержнем могут быть какие-то важные события общей истории и отношение к ним, разделяемые большинством ценности, символы и т.д. В любом случае, общество, как и семья, должны с чего-то начинаться. Лучше – с взаимной симпатии. К сожалению, изначально симпатия оказалась в дефиците. Дело не в том, что до восстановления независимости эстонцы и *muulased* (инородцы) как-то по-особенному плохо относились друг к другу. Скорее, наоборот, бытовой злобы почти не было или проявлялась она незначительно. Отношения были **разными**: и никакими, и дружескими, и формальными, и лживыми, но также и искренними, и добрыми. Иными словами, в советское время характер взаимоотношений между эстонцами и неэстонцами в Эстонии не определялся однозначно ни политикой государства и его идеологией, ни историческим прошлым народов и государств, ни только индивидуально-личностными характеристиками участников общения. Бедой оказалось то, что все разнообразие мнений покрывалось ложью официального оптимизма, поэтому очень часто говорили одно, а думали другое. **Эта привычка осталась и в новые времена: то, что советская пропаганда называла дружбой народов, «независимая» пропаганда именуется интеграцией.**

Неуслышанность, незамечаемость

Традиции межличностной коммуникации проявляются и в отношениях между этническими группами. Эстонцы не любят открыто выяснять отношения, но то, о чем не говорится прямо, может выражаться иначе: в поступках, в отношении. Параллельные общества эстонцев и «русских» (говорящих по-русски неэстонцев) сложились в советский период: «русские» и «эстонские» предприятия, детсады и школы, СМИ, в которых, кроме

официоза и способности не слышать и не замечать друг друга, было мало общего. Любимчики власти из числа эстонцев, по понятным причинам, часто не были популярны среди собственного народа, а многие русские в силу полной неосведомленности в новейшей истории эстонского народа, невладения языком и отсутствия контактов с эстонцами просто не догадывались об очевидных вещах и не замечали их. Не секрет, что в Эстонии власть вела себя несколько более деликатно, чем в других частях Советского Союза, без нужды старалась железным кулаком не стучать, но о нем помнили и вели себя соответственно. Успешно делавшие карьеру не осуждались общественным мнением, с них, скорее, брали пример. Лицемерие было *обоюдным*, особенно в кругах чиновных и их обслуживающих. Простой народ жил значительно искреннее: в этой среде могла прорваться наружу и старая обида на жестокую власть, перенесенная на «конкретного русского», но возникали и дружелюбие, и взаимность. Истины ради необходимо вспомнить еще об одном феномене той Эстонии – об отношениях внутри относительно узкой группы творческой – художественной и научной - интеллигенции, отношениях, которые вполне обоснованно можно назвать одним из проявлений знаменитого «тартуского духа». Чтобы попасть в орбиту подобных отношений, необходимо было обладать двумя качествами: состояться профессионально и разделять демократические ценности. Именно такими были Юрий Лотман и Рэм Блум, очень разные почти во всем, но схожие огромной способностью влияния на других людей, в том числе и на эстонцев. Именно такими людьми создавалась тонкая ткань межэтнического взаимопонимания и взаимопризнания в Эстонии. Их жизни и поступки объединяли, сближали, т.е. интегрировали эстонцев и русских, прорывали блокаду взаимной некоммуникабельности.

«Успехи» интеграции

В известном смысле успехи политики интеграции в Эстонии столь же «успешны», как и успехи экономической политики. Обратной стороной последней стали рост социальных различий, социальная стагнация (упадок науки, снижение качества образования, медицинского обслуживания, нищенское существование пенсионеров и др.), а также постоянное снижение численности населения, в том числе и уменьшение числа эстонцев. «Успешность» интеграции также проявляется, главным образом, в быстром сокращении числа проживающих в Эстонии неэстонцев. Но главное даже не в том, что неэстонское население сократилось за 15 лет более чем на четверть, а в том, что **очень высоки миграционные ожидания у подрастающей молодежи**. Правда состоит в том, что немалое число эстонцев полагают лучшим выходом для себя и для Эстонии уменьшение доли неэстонского населения. Но обратная сторона этой правды – желание значительного большинства **молодых, образованных и дееспособных** неэстонцев действительно покинуть Эстонию. Как видим, здесь желания совпадают, потому что совпадают мотивы: одна сторона не хочет мириться с теми условиями, которые ей предлагает другая. Не хочет не потому, что эти условия (знание государственного языка, прежде всего) отличаются какой-то особой жесткостью, но потому, что они диктуются недемократичными мотивами. Когда радеют не о собственном благе, а об общественном, начинают не с себя. В нашем случае было наоборот: интеграцию понимали как средство для обеспечения «приоритета коренной нации». В этом случае любые условия интеграции, а наличие общего языка, безусловно, относится к числу таковых, могут превратиться в собственную противоположность, т.е. в средства разделения, сепарирования общества. Низкие результаты в распространении эстонского языка среди неэстонцев можно объяснять разными причинами, но одна из существенных – придание языку несвойственной ему функции политической дубинки, политического фильтра. Ссылка на то, что незнание языка не позволяет человеку быть гражданином, не выдерживает критики. Но обретение гражданства было поставлено в зависимость от

лингвистического фактора не потому, что очень хотели поднять значимость государственного языка в глазах неэстонцев, но потому, что надеялись с помощью языкового барьера оставить как можно большее число *muulased* за пределами реальной политики, принятия политических решений или хотя бы влияние на их принятие. Одно это обстоятельство создавало негативную установку, т.е. **неосознаваемое отвращение** к изучению эстонского языка, превращая его в символ статусных различий. Далее, значимость и прелесть эстонского языка в глазах неэстонцев подрывалась принципом «обязательной, следовательно, принудительной лояльности в отношении государства (чистой воды архетип сталинской эпохи), и, наконец, выяснилось, что ни гражданский статус, ни знание госязыка не имеют прямой связи с экономическими и социальными возможностями человека. Зато эти возможности оказались тесно связанными с этнической принадлежностью, что позволяет многим неэстонцам ощущать себя **дискриминируемыми по этническому признаку** членами общества. Желание покинуть такое общество можно считать естественной реакцией на несправедливость, но оно отвечает и многократно высказывавшимся намерениям многих эстонских политиков видеть Эстонию свободной от излишнего числа советских мигрантов. На деле интеграция оказалась идеологическим лозунгом, прикрывающим реально текущий процесс **гомогенизации**. Но почему здравый смысл и чувство самосохранения не позволяют порадоваться такой «интеграции»?

Духовно расколотое общество

Неспособность интегрировать русское население – это симптом, но еще не сама болезнь. Болезнь эстонского общества спрятана глубже, хотя формы ее проявления те же – **расколотость общества**. Попробуем объяснить определеннее: речь пойдет о целях и, надеюсь, пока не окончательных, результатах той исторической трансформации, которую переживает эстонское общество с 1991 года. Я убежден, что главной позитивной, а потому и **объединяющей** ценностью той эпохи была **ценность демократии**. Демократии, понимаемой не в сугубо юридическом или юридико-политическом плане – как правовое государство, многопартийность, разделение властей, отсутствие госцензуры СМИ и проч., но и как демократии социальной, целью и отправной точкой которой выступает человеческая личность, ее суверенное право на развертывание собственных задатков в условиях очень широкой палитры социальных возможностей, существующих не отдельно от каждой личности, но питающихся благодаря этому личностному саморазвитию. Мне могут возразить, что были более важные ценности: национальная независимость, суверенитет, государство, рынок, свобода, наконец. Соглашусь, все эти ценности были важны и значимы, но лишь в той мере, в какой не противоречили **демократической организации общественной жизни**, были пронизаны принципами демократии. Заговорив о «двух Эстониях», мы начали осознавать, что рынок без демократии это экономика без гуманности. Размышляя о зловключениях интеграции, мы наталкиваемся на тот неприятный факт, что без демократии безусловное, неотчуждаемое право народа на независимость и суверенитет может обернуться ущемлением точно такого же права для других (*muulased*), а там, где ограничиваются некоторые права даже немногих людей, страдает право как принцип, определяющий жизнедеятельность всех без исключения членов общества. Формой совместной борьбы за демократию в Эстонии был Народный Фронт (характерно его полное название: «Народный Фронт в защиту перестройки»), и я убежден, что до тех пор, пока *Rahva Rinne* опирался на позитивную ценность демократии, он сохранял потенциал **интегрирующей силы эстонского общества**. Отказ от принципа «демократии для всех» не просто отрезал русских демократов от Народного Фронта, что открыло двери для дальнейшей сегрегации всего общества, но и **открыл дорогу для последующих опасных противопоставлений внутри эстонского общества**. Понятно,

что динамичное общество не должно быть однородным: труд и способности должны открывать дорогу к общественному признанию и успеху, а лень и бездарность должны коррелировать с более низким социальным статусом. Но сегодняшнее эстонское общество оказалось вовлеченным в целый ряд антагонистических оппозиций, характерных, скорее, для раннекапиталистической стадии, чем для 21 века. Поэтому в сегодняшней Эстонии сложились **не различия** между бедными, богатыми, эстонцами и русскими, эстонцами зарубежными и местными, эстонцами «бывшими» и «не бывшими» и т.д., а **раскол между названными группами**. В социально расколотом обществе не может состояться этническая интеграция, потому что и мораль, и культура такого общества также расколоты. Нет смысла изобретать интеграционные модели и ломать голову над изучением чужого опыта. Настало время, а оно всегда настает, когда еще не поздно **сообща выступить в защиту демократии для всех**. Ведь демократия – это возможность быть свободным в рамках совместно создаваемых и потому всеми признаваемых правил. И если этой возможности нет у меньшинства, ее нет ни у кого.

Теперь о солдате. Бронзовый солдат на Тынисмяги, как всякий символ, многозначен. Но сегодня какой-то зло-ироничной воле оказалось угодным сделать бронзового сыдура символом того, каким стало наше общество - зеркалом нашей демократии.

Этно-культурная интеграция в условиях социально расколотого общества

Предыдущая программа интеграции стала определенным, хотя и достаточно скромным, шагом вперед в теоретическом осмыслении и практическом осуществлении ряда проблем существования, взаимодействия и сближения эстонского социума с неэстонским населением Эстонии. Программа явилась основой для практической деятельности бюро министра народонаселения, других государственных инстанций, множества общественных организаций и объединений по осуществлению интеграционных процессов. Вместе с тем сегодня очевидны и слабые стороны программы, прежде всего то, что она так и не стала серьезным фактором влияния на реально протекающие в обществе процессы.

Как представляется, содержащееся в программе-2 понимание интеграции в целом не носит *общесистемного характера*, не выходит за пределы узкого толкования интеграции как «процесса включения неэстонцев в эстонское общество путем овладения государственным языком, являющегося основой для общего информационного пространства». При таком понимании «за кадром» остается не только объективная, необходимая и обязательная двусторонность данного процесса, его не моно, а полисубъектность, но и еще более важный, по нашему мнению, аспект, именно то, что *этнокультурная интеграция* необходимым образом выступает в мультикультурном обществе *стороной, аспектом* более широкого, социально-интеграционного процесса. Общество, распавшееся или распадающееся на отдельные социальные группы или страты, обладающие несопоставимыми социально-экономическими возможностями для удовлетворения собственных базисных потребностей, различающиеся в своей способности участия во власти и собственности, с неизбежностью будет дезинтегрированным и по этнокультурным параметрам, если этно-культурные различия присущи данному обществу. В свою очередь, сложившаяся в обществе дистанция между различными этнокультурными группами может оказаться препятствием для успешного функционирования демократически организованной политической системы, становления гражданского общества и обеспечения прав человека. Одним из признаков не только этнически, но и социально-экономически и политически дезинтегрированного общества выступает дефицит или отсутствие общезначимых целей и ценностей, вокруг которых и возможна этнокультурная и иная интеграция. Такой дефицит мы и наблюдаем в сегодняшней Эстонии.

Можно обнаружить и достаточно различающееся понимание «мы», «собственного социума» у «русских» (т.е. всей той части неэстонского населения, которая объединяется не столько общностью этнического происхождения, сколько общностью культуры, ядром которой выступает русская культура или культура, конституирующая себя с помощью русского языка) и эстонцев. Хочу предположить (хотя понимаю тонкость данной темы), что для эстонцев степень владения эстонским языком выступает одним из признаков социальной близости: видимо, исторически сложилось так, что для эстонца другой человек, владеющий эстонским языком как родным не мог казаться чужим потому, что *огромное большинство чужих эстонским языком свободно не владели, часто к этому не стремились и даже демонстрировали это невладение как отношение к эстонцам*. Поэтому нередко случалось так, что этнический эстонец, в силу каких-то причин не слишком хорошо говорящий по-эстонски, за своего не принимался, а например, потомственный русский дворянин, ставший к тому же звездой эстонского рока, но, главное, говорящий по-эстонски без малейшего акцента, безусловно включается в круг «мы».

Для русских лингвистический фактор никогда не был определяющим, тем более единственным в оппозиции «мы – они». Видимо, давали знать три обстоятельства: полиэтничность русских, огромная территория их расселения и особенности формирования национальной элиты. Поэтому важными в разные времена оказывались различные факторы: религиозная принадлежность, принадлежность к государству (дал приягу царю-батюшке, значит свой), территориальная близость, а также некоторые субъективные факторы, вплоть до знаменитого «ты меня уважаешь». В целом русский человек *легче и проще* идентифицирует себя с другими и других с собой, и поэтому часто искренне недоумевает, почему этот другой его сторонится. Поэтому в вопросе межэтнического сближения большинство неэстонцев (принадлежащих к русской культуре) и эстонцев объективно по-разному видят процесс интеграции: *эстонцы хотят, чтобы русские самостоятельно перешли поле, отделяющее их от эстонцев (заговорили по-эстонски), а русские ждут, когда к ним подойдут, возьмут за руку и проведут по этому полю*.

Мир эстонского хутора и русской государственности

Отношение к языку все же не следует переоценивать. Эстонцев и неэстонцев, принадлежащих к русской культуре, различает и способ конституирования собственного социума. Для эстонца и после восстановления независимости социум начинается с самого себя, собственного хутора, семейных корней, и *лишь затем на этой основе выстраивается эстонский мир, социум, к которому «я» принадлежу, государство*. Для русского традиционно дорога к собственному дому начинается от главной площади столицы государства. И это не метафора: сказывается традиция древней государственности, суперцентрализма и отсутствия индивидуальной собственности и понятия о самооценности отдельно взятой личности. Думается, что все указанные различия (а также, возможно, и множество других) необходимо принимать во внимание, когда мы говорим о конструировании схемы интегрированного общества. Кроме того, при всей важности языкового фактора, не следует забывать, что как средство коммуникации, он все же целиком и полностью не в состоянии подменить собой *содержание* коммуникативного процесса. Язык сам по себе не может стать ключом к интеграции общества, поскольку не в силах определить всех условий коммуникативного общения: эти условия следует искать не в языке, а в контексте социальной материи. Там, где субъекты коммуникации понимают собственные цели слишком различным образом, там, где существует конфликт интересов, традиции конфликтного поведения или антагонизм базисных мифологем, коммуникационное взаимодействие не может быть успешным, пока не будут откорректированы внекоммуникативные факторы. Применительно к нашему случаю

можно также утверждать, что хорошо известные трудности в овладении эстонским языком неэстонским населением следует искать не только в характере самой по себе языковой коммуникации, но в более широком контексте межэтнической и межкультурной коммуникации в Эстонии, в том числе и в характере отношений и специфике проблем внутри самого эстонского общества. Данное утверждение имеет, по моему мнению, принципиальный характер. Означает оно следующее:

1. Принято считать, что этнокультурная разобщенность эстонского общества является следствием исключительно наследия советского прошлого: насильственной инкорпорации Эстонии в состав СССР, политических репрессий, активного ввоза рабочей силы и т.д. Одним из результатов такой политики стало сегрегированное общество, ведущее параллельное существование. Видимой границей, разделяющей две общины, явился эстонский язык, в отношении которого у многих представителей эстонского социума и так наз. русскоговорящего населения сложились диаметрально противоположные ожидания. Многие из неэстонцев рассматривали знание эстонского языка как дополнительное и ненужное препятствие в стране, где роль *lingua franca* выполняет русский язык. Эстонцы, в свою очередь, связывали со знанием эстонского языка приезжими их отношение к эстонскому народу, подозревая мигрантов в имперском высокомерии. Обе стороны были по-своему правы и по-своему ошибались: одни не замечали политической подоплеки в лингвистической коммуникации, другие же придавали ей слишком большое значение. Причины же такого положения были не лингвистические, а политические. Именно поэтому для эстонского народа борьба за утверждение статуса эстонского языка превратилась в знаковое действие, в символ вновь обретенной независимости. Отсюда уже было буквально полшага до превращения его в политическое орудие, направленное против мигрантов: очень быстро похвальное стремление *научить языку* превратилось, особенно в глазах неэстонского населения, в средство принуждения, причем принуждения политического. Говорили «*научить*», понимали - «*заставить*». В ситуации «принудительной языковой интеграции» многими неэстонцами усилия государства по распространению эстонского языка в русскоговорящей среде начали восприниматься не как попытки помочь стать своими в эстонской среде, а как стремление *подчинить* и *унизить*. Полагаю, что учет перечисленных психологических нюансов весьма важен. Поскольку от языка снова (что зеркально отражает советскую ситуацию) начинают требовать выполнения несвойственных ему функций политического принуждения, затрудняется реализация его прямых функций – быть средством общения, сближения людей.

2. Неверно понимаемое прошлое становится причиной серьезных ошибок в оценке настоящего. Нашему времени также свойственен революционный максимализм в отношении недавнего прошлого: его не любят, объявляют насквозь ошибочным и стремятся от него всячески освободиться. Восстановление национальной и государственной независимости сопровождалось широким применением «метода от противного»: справедливым, хорошим, демократичным нередко называлось то, что выглядело противоположным недавнему порядку вещей. Как водится, жертвами исторической нетерпимости становятся живые люди. Дело, конечно, не в том, что время от времени возникают «семиотические конфликты», в которых выплескиваются долго скрывавшиеся эмоции, но в том, что эстонскому обществу очень не хватает терпимости, положительных эмоций, просто человеческого тепла и доброты. Причины очевидны и объективны. Общество находится на переломе: возрождается институт собственности, многие теряют, а некоторые находят, происходит глубокая стратификация, крошатся казавшиеся еще вчера устойчивыми ценности, новые, как всегда в таких случаях, опаздывают занять освободившееся место. Для народа, веками привыкшего «быть в оппозиции» очень трудна роль хозяина собственной судьбы, государствообразующей нации, которой, хочешь – не хочешь, приходится играть роль «старшего брата». Все вместе это «спрессовывает» эмоции, нередко заставляет искать персонифицированного виновника новых проблем и несчастий. Разумеется, свое дело делают и профессионалы

политики *devidera et impera*. На этом фоне разговоры о языке, как золотом ключике интеграции, многими нормальными и серьезными людьми воспринимаются либо как издевка, либо как проявление недомыслия. Чтобы стать ближе, необходимо общаться, но говорить, пусть даже с грамматическими ошибками следует о вещах серьезных, затрагивающих суть сегодняшних проблем, а не имитировать детское или примитивное сознание, задыхаясь от умиления, что наконец-то мы начали друг друга понимать (к сожалению, таков нередко уровень межобщинного диалога, который демонстрируют многие общества национальных меньшинств). Эстонскому обществу (не говоря уже о русскоговорящих неэстонцах) остро не достает значимых целей и общественных идеалов. Их место заняли ценности массового потребления, и противостоять им некому: интеллигенция либо борется за индивидуальное выживание, либо включилась в гонку за богатством. У этно-культурной интеграции немного шансов там, где верх взяли дезинтегрирующие факторы: пропасть между отцами и детьми, корпоративизм вместо политики, цинизм богатых и тихое отчаяние «второй Эстонии». Именно эти проблемы и противоречия, а не сам по себе недостаточный уровень эстонского языка и отсутствие общего коммуникационного поля определяют трудности интеграционного процесса сегодня. *В социально разобщенном обществе не может происходить интеграция по отдельно выбранным параметрам. Для преодоления отчужденности между эстонцами и неэстонцами необходимо преодолеть отчуждение, все более охватывающее эстонское общество, причем сделать это можно только реально подключая неэстонцев к решению социальных и политических проблем, а не отгораживая их от участия в этих проблемах.* Неудачи и трудности этнокультурной интеграции – это во многом неудачи и трудности развития демократии в эстонском обществе. В свою очередь, пробуксовывание интеграции, оказывает негативное воздействие и на становление демократической культуры и демократического порядка в обществе.

Но если между демократией и интеграцией существует взаимосвязь и взаимозависимость, то появляется реальная возможность для более адекватного понимания природы и закономерностей интеграционного процесса.

Субъекты интеграционного процесса

Подводя итоги Программы-2, бюро министра народонаселения допустило две принципиальные констатации: Эстония представляет собой не монокультурное, но мультикультурное образование; процесс интеграции в мультикультурном обществе - не просто освоение отдельными индивидами языка и культуры коренного народа, но взаимодействие на уровне социальных субъектов.

За данными констатациями располагается длительный период практически бесплодных дискуссий на тему субъектности. Пока велись споры, караван продолжал идти: реальная практика интегрирования неэстонцев заключалась в старательном очищении государственных структур, местных самоуправлений, даже институций, создаваемых для проведения политики интеграции, от людей неэстонской национальности. Можно, разумеется, указать на ряд очевидных причин несоответствия неэстонцев тем или иным социальным ролям, но проблема *непредставленности* от этого не исчезает. Равным образом не исследована и не объяснена проблема более высокой безработицы среди некоренного населения, девиантного поведения, где показатели в разы отличаются от соответствующих показателей среди эстонцев и т.д.

15 лет существования независимой Эстонии позволяют достаточно точно определить основные тенденции поведения некоренного населения. Во-первых, его численность быстро сокращается. Во-вторых, субъектность, ослабевает. Последнее означает разрушение или значительное ослабление механизмов социумного самовоспроизводства. Прежде всего, это относится к говорящей по-русски интеллигенции, особенно

гуманитарной. Даже в подготовке школьных учителей отсутствует системность. Можно сказать, учителя для русских школ не готовятся (за некоторым исключением – учителя эстонского языка и литературы в Нарве). Резко сократилось число учреждений культуры, ведущих работу на русском языке. Русский полностью перестал быть языком делового общения в государственной сфере, а также на уровне местных самоуправлений. Тем самым русский язык оказался полностью вытесненным из публичной сферы. Точно также из этой сферы вытеснены и русские политики, идеологи, журналисты. СМИ на русском и эстонском языках отражают жизнь и проблемы друг друга чрезвычайно фрагментарно. Этот горький перечень можно продолжать... Результаты интеграционной практики также очевидны: неэстонское население быстро уменьшается количественно (за 15 лет более чем на четверть) и теряет свой качественный потенциал. Несколько локальных опросов, которые я проводил в последние годы в Таллинне и Силламяэ, позволяют говорить о возникновении у многих неэстонцев *фиксированной установки* относительно перспектив собственного будущего или будущего семьи в Эстонии. Низкая оценка таких перспектив побуждает многих молодых людей, особенно получивших качественное образование, покидать Эстонию. Самая многочисленная волна отъездов – в Россию – миновала. Думаю, что на очереди «исход на Запад». Он не будет носить массового характера, но покидать Эстонию, скорее всего, будут молодые, образованные и не надеющиеся обрести на собственной родине устойчивое положение люди. Т.е. пострадает в первую очередь качественная сторона социума. Мне представляется, что при сохранении нынешних тенденций: отрицательное демографическое воспроизводство, ассимиляционные процессы, маргинализация, самосегрегация, характерная для части экономически успешных неэстонцев, и, наконец, эмиграция, численность неэстонцев в Эстонии может сократиться в течение последующих 20 лет не менее чем вдвое. При этом значительный процент этих людей будет представлять собой маргиналов, незначительная часть – самодостаточных богачей, для которых Эстония – удобное место жительства и место нахождения их бизнеса. Сколь-нибудь значимого культурного, политического или экономического значения эти остатки социума для Эстонии иметь не будут, что, несомненно, окажется существенной потерей для государства и общества и негативно повлияет на их совокупный потенциал.

Обычно в подобных случаях нагнетание негатива заканчивается патетическим призывом немедленно повлиять на сложившееся положение вещей, потому что именно сейчас наступило то самое последнее время, когда что-то еще можно исправить.

Я так не считаю. Мне представляется, что процесс распада и разложения неэстонского социума в Эстонии зашел слишком далеко и, возможно, принял необратимый характер. Кроме того, Эстония является транзитной страной не только в экономическом, но и в социо-культурном смысле. Для жителей Эстонии постепенно открывается западное направление. В странах ЕС на постоянной основе работает уже более 30 тысяч граждан Эстонии (реальное количество, наверняка, больше). По мере накопления положительного опыта Эстонию будут все более активно покидать люди трудоспособного возраста. Для русскоговорящих жителей Эстонии, помимо экономического, действует и мощный *социокультурный* стимул. Не следует забывать, что многие бывшие граждане СССР и их дети переживают тяжелый идентификационный кризис: ни Россия, ни Эстония в качестве родины не воспринимаются или воспринимаются с оговорками. В такой ситуации Евросоюз манит не только экономическими возможностями, но и надеждой получить *равный с другими* статус, без которого человек не может чувствовать себя полноценным членом общества. Из Эстонии многих неэстонцев сегодня выталкивает как раз отсутствие надежды стать *своим*, потому что жизнь дает слишком много примеров того, что даже язык и смена фамилии не всегда помогают найти работу и равновесие с окружающими, чувство причастности к целому, которое именуется родиной. Может быть, в пользу возможности активной интеграционной политики сегодня говорит то обстоятельство, что исход на запад пока не принял массового характера. Но это дело недалекого (3-5 лет)

будущего. Кроме того, может возникнуть и еще один вызов – Россия, если ей удастся перейти на орбиту устойчивого развития. Если это произойдет, то часть русского населения, несомненно, покинет Эстонию в восточном направлении. Скорее всего, не сегодня и не завтра, но через 10 лет это вполне возможно.

О коллективном бессознательном и его сублимированных формах

Возникшая после 9 мая прошлого года тема памятника, а значит и отношения к прошлому дает новую пищу для размышлений о перспективах интеграции эстонского общества. То, какой размах приняла полемика вокруг «бронзового Алеши», не позволяет усомниться в том, что, был умысел или нет, но причины конфликта вокруг памятника намного глубже, чем чисто политические, предвыборные мотивы. Ситуация с памятником позволяет, в известной степени, судить о том, что на самом деле думают о собственной истории и о дне сегодняшнем многие люди и почему.

Следует отметить то обстоятельство, что в эстонском обществе редко какая тема вызывала до сих пор столь живой интерес и такую бурю эмоций. Это не случайно. За отношением к памятнику стоит не до конца осознаваемое многими эстонцами стремление утвердить в собственных глазах и глазах остального мира собственное понимание своей истории, легитимизировать его в качестве непреложной истины. Горячность, с которой это делается, выдает неуверенность в полной правоте собственной позиции. Но не только. А вынести приговор памятнику и привести его в исполнение психологически важно для авторов этой идеи прежде всего для того, чтобы в этом приговоре утвердить правоту всей той политики, которая вот уже 15 лет проводится эстонской правящей элитой в отношении «не своих». В очень редуцированном виде схема осознаваемых и малоосознаваемых мотивов выглядит примерно так: все, что делал наш (эстонский) народ после 1940 года и то, что он делает теперь, вызвано тем насилием, которое было допущено в отношении него соседним государством и его гражданами, часть которых теперь живет рядом с нами и требует равного и достойного к себе отношения. Так вот, все, что мы делали и делаем по отношению к своим насильникам, законно и справедливо, т.е. *морально оправдано*. Поэтому нет никакого парадокса в том, что наши парни боролись за свободу своей родины и в мундирах эсэсовских войск. Если додумывать до конца, то и в этом следует винить «оккупантов». Когда они, бывшие оккупанты и их потомки, приносят цветы к бронзовому истукану, они это делают для того, чтобы лишний раз напомнить нам о годах своего господства над нами, о годах оккупации. Их цветы – это не уважение к павшим, это проявление нелояльности по отношению к нам, нашему государству, нашей свободе. Требуя сноса или переноса памятника, мы *утверждаемся в собственном праве на свое понимание нашей истории, а значит и в моральном праве на защиту собственной национальной свободы от тех, кто готов примириться с ней только по необходимости, в силу обстоятельств. Максимум, на что эти другие могут рассчитывать – это на наше снисхождение: мы ничего не забыли и ничего не собираемся прощать. Мы можем только позволить им сделать попытку стать на нас похожими.*

Не думаю, что предложенная реконструкция мотивов несправедлива или очень уж неточна. Но она достаточно страшновата откровенно ветхозаветной заданностью: око за око, зуб за зуб. Но главное, на мой взгляд, эта логика опирается на достаточно зыбкое основание: сложное и противоречивое сочетание правды и вымысла, того, что было на самом деле, и интерпретаций, порожденных желанием иметь *защитный оправдательный мотив*. Категоричность и горячность многих эстонцев, в том числе влиятельных политиков, относительно судьбы памятника, представляется мне сублимацией череды неприятных для национального самосознания эстонцев фактов, связанных с утратой национального суверенитета в 1940 году, последующей адаптацией к реалиям жизни в сталинском Советском Союзе и попытками забыть детали этой жизни в условиях не оккупации, а инкорпорации после восстановления независимости. Жесткость к *muulased* –

сублимация собственного конформизма в советскую эпоху. В случае с памятником эта сублимация приняла отчетливую форму поиска оправдательного мотива. В этом, на мой взгляд, причина интереса и востребованности темы памятника в «коллективном бессознательном» значительной части эстонского народа. Выступить против коллективного бессознательного, будучи членом того же самого этноса – равносильно самоубийству, поскольку *никакая* рациональная аргументация не действует, вернее, действует подобно красной тряпке. Поэтому попытки интеллектуальной дискуссии: о признаках оккупации и наличии оккупационного режима в период между 1944 и 1991 годами, о реальном положении эстонского народа в советский период, о природе сталинизма и логике борьбы за демократию в СССР, о диалектичности нынешнего развития России и прочее, и прочее, просто не воспринимаются, точнее, воспринимаются как очевидные проявления нелояльности. Хорошо известно, что тоталитарное государство имеет свои предпосылки в обществе и массовом сознании. Самое тревожное, что, на мой взгляд, обнаруживает история с памятником, – это признаки зарождения *массового тоталитарного сознания в эстонском обществе*. Если это действительно так, то для автора настоящего текста это еще и личная драма. Возможно, оказались напрасными и его личные усилия, в какой-то степени даже жертвы ради прогресса демократических принципов не только в Эстонии, но и в значительно более широком контексте. Ибо я всегда разделял то убеждение, что защита свободы, человеческого достоинства, демократических принципов организации общественной жизни «здесь и сейчас» означает борьбу за эти ценности для всех народов и на все времена.

Непреклонность в отношении монумента павшим в борьбе с фашизмом может породить и уже порождает ответное «коллективное бессознательное». Для людей русской культуры, вообще, советских людей, отношение к Великой Отечественной войне, ее жертвам и победе – такой же, если не больший, чем для эстонцев, пунктик, автоматически включающий механизм коллективного бессознательного. Война и победа – последняя абсолютная ценность, которую пока еще не отобрали у русского народа, у всех «бывших» советских людей. За этой объективной значимостью кроется и серьезность последствий любых попыток «отобрать» или «переоценить». Повторяю, рациональными аргументами мифы не ниспровергаются. Поэтому было бы со всех сторон разумнее не «трогать лиха»: прежде времени не пытаться доказывать эстонцам, какой, на самом деле, была противоречивой борьба за свободу, и не провоцировать русских преступлениями, творимыми под стягом борьбы с фашизмом. Столкновение мифологий неизбежно приведет к взаимоуничтожению их носителей. Поэтому сегодня самым разумным представляется мне компромиссное решение: уход от темы, кто победил и кого победили, и поиск взаимопонимания вокруг темы жертв Второй мировой, покаяния и прощения. Лучшим сегодня вариантом было бы превращение памятника в один из основных символов мемориала жертвам Второй мировой войны, который еще предстоит создать на той базе, что уже заложена на Марьямяэ. Продолжение педалирования темы эстонскими властями может привести к тому, что Россия действительно вывезет памятник и превратит его в символ «эстоно-российской дружбы». В этом случае коллективное бессознательное станет основой межгосударственных отношений, с чем все мы, и эстонцы, и русские, можем себя поздравить. Но жить в таком обществе не хотелось бы.

Возможности и содержание активной интеграционной политики

а) Ситуация на момент окончания действия Программы-2

- Социально-экономическая дистанция между эстонцами и неэстонцами не уменьшилась, но, скорее, даже увеличилась;
- серьезного улучшения во владении эстонским языком не достигнуто;
- число неграждан уменьшается медленно, по-прежнему велико число граждан других государств, прежде всего России;

- не сложилось общее информационно-коммуникативное пространство и среда межэтнического общения;
- уровень идеологического межэтнического противостояния среди представителей старшего и среднего поколений уменьшился, но быстро возрастает взаимная отчужденность молодежи, базирующаяся уже не столько на различной интерпретации прошлого, но на осознании собственной принадлежности к социальным группам с различным социальным статусом, где значимые различия определяются *этнической принадлежностью*; история с памятником актуализировала и старые фобии, придала идеологическую форму реальной национальной политике последних лет;
- среди неэстонского населения наблюдается быстрое уменьшение той части общины, которую можно отнести к среднему классу, что значительно ослабляет внутриобщинные механизмы социального контроля и возможность блокирования экстремистских форм поведения;
- неэстонское население все менее воспроизводит себя в качестве специфической группы «эстонских русских», все более раздробляясь под влиянием процессов *ассимиляции* (охватывают не менее 10-15% неэстонского населения), *депопуляции* (низкая рождаемость, высокая смертность, отрицательный естественный прирост), *эмиграции*: хотя первая эмиграционная волна в Россию закончилась, миграционный потенциал неэстонского населения остается высоким и, скорее всего, возрастает, причем готовы эмигрировать молодые представители семей среднего достатка и обедневших интеллигентных семей, т.е. те, кто, несмотря на хорошее образование и наличие позитивных социальных качеств, не находят в Эстонии применения соответственно собственным ожиданиям. Поэтому данная группа, по всем параметрам обязанная быть опорной для общины в целом, испытывает наибольшие напряжения в Эстонии и, скорее всего, будет стремиться ее покинуть;
- все более широкий характер приобретает *маргинализация* общины, которая проявляется экономически в снижении уровня достатка (большая часть лиц среднего достатка становится бедными, большинство малообеспеченных превращаются в нищих. Противоположная тенденция – возрастания достатка – наблюдается значительно реже.); другим признаком маргинализации является снижение интеллектуального и социального потенциала общины, уменьшение способности к самоорганизации, гражданскому поведению; пространственным признаком маргинализации можно считать геттизацию мест компактного проживания неэстонцев, для которой характерны этническая (и лингва-информационная) обособленность, превалирование лиц с низкими доходами, широкое распространение социальной девиации, отказ от общепринятых в обществе форм конкуренции на рынке труда = отсутствие или низкий уровень социальных притязаний;
- оборотной стороной маргинализации выступает *полярная стратификация* – выделение узкой прослойки экономически весьма успешных членов общины, социально самодостаточных и стремящихся вести изолированный образ жизни как от эстонского большинства, так и от говорящих по-русски. Представители этой группы могут обладать определенным влиянием в обществе, но предпочитают использовать его исключительно в личных целях. Практически не вносят никакого вклада в развитие общины и не влияют на происходящие внутри нее процессы;
- численность общины быстро уменьшается и в перспективе 20-30 лет может сократиться до 200-150 тысяч человек, что, несомненно, окажет негативное влияние на развитие экономического потенциала Эстонии;
- оказалась почти разрушенной или сильно ослабленной *институциональная база* социального в широком смысле воспроизводства общины. Большие опасения за

судьбу образования на русском языке возникают в связи с готовящейся реформой школы. Главная опасность, как представляется, состоит не в «эстонизации» русской школы, а в возможности утраты ею собственных духовных ориентиров, поскольку она с большой долей вероятности может превратиться в школу с преподаванием части предметов на русском, части на эстонском языках, но без собственного культурного лица и четко осознаваемой миссии;

- за годы независимости значительно уменьшилась и духовно ослабела та социальная подгруппа русской гуманитарной интеллигенции в Эстонии, которая, не утрачивая собственной культурной идентичности, была глубоко и органично интегрирована в эстонскую культуру и живую ткань эстонско-русских социальных связей, выполняя функцию своего рода социального *сверхпроводника* между культурами и общинами. Аналогичный процесс произошел и в среде эстонской интеллигенции, что существенно снижает возможности *активной интеграции*.

б) Необходимость активной интеграции.

Оглядываясь на прежние малопродуктивные попытки интегрировать общество, склоняешься к мысли, что до сих пор политическая и интеллектуальная элита Эстонии (как эстонская, так и русская) не столько «сбирала камни» для нашего общего интегрированного дома, сколько боролась с собственными фобиями и предрассудками. Это «преодоление себя», результатом которого явилось «разрешение» неэстонцам остаться в Эстонии на условиях, которые будут определяться титульной нацией, было во многом имитацией реального процесса, но не самим процессом интеграции. Время ушло, пространство тоже сжалось, для имитационных попыток не осталось ни времени, ни пространства. Как было заявлено выше, скорее всего, задача не имеет решения хотя бы потому, что не в традициях нашего государства и общества волевые решения, способные активно менять ситуацию. А эволюционный метод ведет общество к тому состоянию, контуры которого уже достаточно явственно проглядываются. Тем не менее, скорее, из интеллектуального любопытства позволю себе несколько предложений по теме «цели активной интеграции».

в) Цели активной интеграции.

Цель первая: интеграционная политика должна проводиться исключительно активно. Для инерционной, пассивной интеграционной политики не осталось времени и поэтому она бессмысленна.

Цель вторая: стратегия интеграционной политики должна быть переформулирована таким образом, чтобы первоочередной задачей этой политики стало бы *сохранение неэстонского социума в Эстонии*. Прежде всего это предполагает создание институционального механизма воспроизводства русскоговорящей интеллектуальной и политической элиты в Эстонии.

Цель третья: необходим решительный шаг по сокращению безгражданства. «Приглашение» в эстонское гражданство должно получить значительное большинство нынешних неграждан и граждан других государств (в основном это граждане России). Такой шаг мог бы стать символическим жестом доброй воли со стороны эстонского государства и эстонского народа, что создало бы благоприятную политико-психологическую почву для встречных шагов со стороны неэстонцев.

Цель четвертая: необходим механизм правовой защиты и правового контроля для обеспечения равных возможностей при приеме на работу, участии в квалификационных конкурсах, распределении средств европейских фондов и иных ресурсов для поддержания регионального развития местных инициатив и т.д. В этой сфере, как и в сфере трудоустройства, наблюдаются «статистически достоверные» различия в возможностях у разных этнических групп.

Цель пятая: чтобы сохранить неэстонцев в Эстонии и помочь им сорганизоваться как общине, необходимы практические усилия для формирования с нуля новой неэстонской политической и интеллектуальной элиты. Не исключено, что на какой-то период времени будет полезно (хотя это позорно-антидемократическое предложение!) введение квот на занятие государственных должностей и, возможно, при приеме на работу. Новую (молодую) элиту необходимо не только готовить, но давать ей работу, создавать возможности для самоосуществления (частично эта задача могла бы решаться и в границах эстонских политических партий).

Цель шестая: целью школьной реформы должно стать сохранение и развитие русской школы в Эстонии, уровень преподавания эстонского языка в которой должен быть обеспечен не переводом физики на эстонский язык (уроки должен вести на варварском эстонском русский учитель!), а *приходом в русские школы достаточного количества учителей-эстонцев для преподавания эстики*. Но по культурной ориентации школа должна остаться (вернее, стать) русской. Тогда от такой школы будет реальная польза эстонскому народу и культуре.

Заглянуть в будущее (Футурологическая перспектива как отражение исторической ретроспекции)

Илья НИКИФОРОВ,
главный редактор газеты «Молодёжь Эстонии» (Таллинн)

Современное управление обществом не может обходиться без развитого инструментария социального прогнозирования и планирования. Экономика, социология, демография предоставляют для этого разработанный понятийный и методологический аппарат, делая прогноз порой математически абсолютно точным. Однако все то, что касается принципиально неповторимого, уникального исторического процесса, т.е. человеческой жизни, как на уровне поведения индивида, так и целых сообществ с их духовными ценностями и мировоззренческими пристрастиями, остается за гранью точной науки. Однако в политической практике, лишенной академических предрассудков и ориентированной на результат, а не соблюдение исследовательских традиций давно, используется прием позволяющий не только прогнозировать, но и управлять будущим. Но для этого надо овладеть прошлым.

Сэр Уинстон Черчилль, заканчивая свою речь в Фултоне и опуская железный занавес поперек старушки Европы от Балтики до Адриатики, уже обдумывал очередную главу своей многотомной истории Второй мировой войны. Еще не были демобилизованы все солдаты Второй мировой, Германия делилась на оккупационные зоны, многие главные действующие лица мировой драмы здравствовали и определяли судьбы человечества, а грузный любитель армянского коньяка и сигар писал книгу за книгой, делая политическую повседневность всемирной историей. Черчилль лучше многих, а в своем поколении так вообще единственный, понимал, что перспективу для нескольких будущих поколений европейцев задаст не только и не столько сила оружия, экономическая интервенция США, противостояние Советам и демократическая возня политических партий, но и целенаправленно заданный ретроспективный взгляд на - в буквальном смысле - вчерашний день. Цена исторического взгляда на события, участником которых он был, будет только расти день ото дня. Овладение прошлым, понимал сэр Уинстон, это единственная возможность политического господства над будущим.

Нет, не было и, очевидно, не будет до тех пор, пока существует наука, единодушие и единомыслие в понимании того, что есть исторический факт, историческое событие, исторический источник и наука история как таковая, в конце концов. Это нормально и естественно для живого развивающегося научного мышления.

В чем же выражается результат исторического исследования? В конечном итоге труд историка всегда завершается более или менее занудливым и сложным для понимания повествованием о событиях, о действиях людей, оставивших после себя материальные следы, духовные произведения, движимых какими-то мотивами и в каких-то целях, послуживших (это всегда предполагается) причиной последующих событий и служащих надлежащим уроком последующим поколениям.

Принято считать, что история, а точнее, систематизированные и тщательно подобранные исторические знания – факты и их интерпретации – основа политического мировоззрения. А, следовательно, и господствующая идеология. Для политических же практиков зафиксированная история – неисчерпаемый клад образцов для подражания, т.е. прецедентов. Именно в этом месте, в этой функции исторической науки и происходит

пересечение ретроспективы и перспективы, состоявшегося прошлого и предполагаемого будущего.

Футуролог на обществоведческой шкале противопоставляется историку. Последний копается в свершившемся, первый норовит заглянуть в еще не сбывшееся. Один не допускает сослагательного наклонения, другой рассуждает исключительно в категориях возможного или, на худой конец, вероятного. Футуролог управляет только таким обществом, которое верит в свободную волю и свободу выбора, детерминированную осознанным целеполаганием: в этом смысле интеллектуально нашу современную цивилизацию символизирует «Витязь на распутье» Виктора Васнецова. Кстати, представить себе даосского мудреца на распутье в принципе невозможно. Футурологическое управление обществом реализуется посредством таких интеллектуальных приемов, как прогноз, сценарий и план. Глубину и отчетливость (резкость) футурологического видения принято именовать перспективой.

Президент Эстонии Леннарт Мери в одном из последних публичных выступлений заговорил о том, что в полувековой перспективе политическое будущее Эстонии теряется в тумане. И это говорил человек, блестяще знавший историю Эстонии и пытавшийся, как Черчилль для Великобритании, задать историческую ретроспективу для Эстонии.

Для живых организмов, циклических процессов, биоценозов и, вероятно, социальных систем историческое описание, ретроспекция, одно из важнейших условий понимания динамики, присущей этим системам и объектам. Достаточно сослаться на работы Льва Гумилева по его прямой специальности – исторической географии и его обоснование регрессии Каспийского моря. Аналогичные исследования проводятся и в экономике, и в демографии, и в социологии.

Из четкости и глубины исторического видения проистекают и точность прогнозов, исходящая из разнообразия сценариев, и способность планирования и осуществления планов. Иными словами, от развитости исторической культуры и исторического самосознания зависит, будет ли политическая элита страны зрячей, или подслеповатой, а то и вовсе слепоглухонемой.

Из-за неповторимости и уникальности исторического процесса его гуманитарная закономерность, на первый взгляд, ускользает от исследователя. Но это только на первый взгляд. В последние годы эстонские и финские историки - например, Магнус Ильмъярв в фундаментальном исследовании «Безмолвная капитуляция» - задавались вопросом, почему в примерно одинаковых исторических условиях Эстония и Финляндия повели себя по-разному?

В 1939 году историческая ретроспекция, т.е. собственный политический опыт и официально принятая история заставляли Константина Пятса видеть в СССР прежде всего национальное государство русских, а Густава Маннергейма – большевиков. Отсюда и разница в прогнозах и планах: один пытается торговаться и искать компромисс, другой – сопротивляется, понимая, что с «русскими» можно искать компромиссы, а с идеологическими противниками нет.

И неудивительно, войны, в ходе которых родились финская и эстонская государственность, и по сей день ретроспективно описываются по-разному. Для финнов 1918 год – прежде всего год тяжелейшей гражданской войны. Для официальной эстонской историографии 1919 год – год успешного отражения внешней агрессии. Эстонские политики в 1920 году выторговали у Советской России для своей страны массу

преференций. Финнам же пришлось зализывать раны, полученные в братоубийственной и беспощадной войне.

Понятно, что, имея различный ретроспективный опыт, иную историческую картину мира эстонская политическая элита повела себя в 1939 году, да и в последующие годы, отличным от финнов образом. Достаточно процитировать воспоминания-мемуары исполнявшего обязанности премьер-министра республики в период с 18 по 22 августа 1944 года Отто Тийфа: «Так как эстонцы сражались в армиях обеих воюющих сторон, надо особо отметить, что новое правительство Эстонской Республики не присоединилось ни к одной из сторон и считало правильным не оказывать вооруженного сопротивления вторгшимся советским войскам, мешая в тоже время немцам в их попытках нанести Эстонии материальный ущерб». В историческую картину непротиворечивым образом вписывались и сценарий оккупации с последующей инкорпорацией в состав СССР, и соответствующая интерпретация прошлого, как официальная, так и неофициальная.

Тогдашние руководители СССР прекрасно понимали, не желая рисковать, что сценарий «финляндизации» для северного соседа был единственно возможной альтернативой оккупации, ведь новая историческая идеология вошла бы в полное противоречие с финской исторической парадигмой. Подобное, например, происходит с теорией Льва Гумилева о русско-монгольском симбиозе: несмотря на фактическую убедительность, предположение Гумилева входит в противоречие со сложившейся 500 лет назад ретроспективной парадигмой, на которой зиждется великорусское национальное самосознание. Научная обоснованность Гумилева исчезающе мала по сравнению с мировоззренческими запросами и полным отсутствием прогностической перспективы исторического предположения о Руси как окраине Великой Степи.

В чем состоит политическая прозорливость Леннарта Мери, упорно возвращавшегося к самым потаённым уголкам отечественной истории, чтобы прояснить политическую перспективу эстонского государства? В том, что ясность и глубина исторической перспективы прямо зависит от ясности и глубины исторической ретроспективы. Уинстон Черчилль недаром сразу после войны принялся писать ее подробную историю, пусть в своей субъективной интерпретации. Задав ориентиры в прошлом, он задал основные направления будущей политики в Европе. Представьте себе, что сэр Уинстон забыл подчеркнуть в своих мемуарах как он неоднократно поддерживал и буквально навязывал американцам в качестве лидера новой Франции генерала Шарля де Голля. Что бы тогда было с атлантической солидарностью? И не был бы ЕС чисто континентальной затеей? Кстати, если бы не де Голль, многие политики режима Виши закончили бы свои дни не в тюремных камерах, а в кабинетах префектов и министров.

Отчетливость, ясность и глубина исторической ретроспективы означают и доступность в массовом интеллектуальном обороте исторических источников и производных от них документов и книг, и поставленные вопросы, и сформулированные проблемы, и предложенные варианты решений, и общепризнанный плюрализм как на научном, так и на художественном уровне. Все это позволяет осознавать общественные и политические цели и самое главное – средства их достижения. Последние же сознательно делить на средства допустимые и не имеющие оправданий. В конце концов, в управлении обществом возникает осознанная мотивация и признанная иерархия нравственных ценностей. Все то, что можно целостно именовать исторической и духовной культурой.

Практически же в социальном прогнозировании, разработке общественных сценариев и реализуемых планов отчетливость исторической ретроспекции позволяет уделить внимание практически важным деталям, в которых как раз и «кроется дьявол».

Футурологические сценарии становятся более определенными и по-настоящему прогностическими. А локальные исторические картины становятся составной частью мировой исторической картины, т.е. составной частью исторических представлений соседей.

Историческая ретроспекция, т.е. подробное и детальное описание заключенных во временные рамки целостных событийных комплексов, остается и по сей день единственным научным приемом определения временных и исторических ориентиров, определения социальных масштабов и направлений развития политических и социальных процессов в перспективе, отстоящей во времени на протяжении минимум одного поколения.

К вопросу о воздействии на личность и массовое сознание (на примере литературы и кино «низких» жанров)

Борис ТУХ,
публицист (Таллинн)

1. Между Фроммом и Юнгом

1.1. Закат белой цивилизации и утрата надличностных ценностей.

Основная проблема, встающая перед нами в XXI веке, это проблема дальнейшего существования т.н. *белой цивилизации* (предлагаю альтернативный термин: *цивилизация Ветхого и Нового заветов*, способный примирить сторонников различных конфессий и лишенный расового оттенка). Вызов, брошенный нам временем, ставит вопрос: сохранила ли эта цивилизация жизнеспособность, способна ли она не только адаптироваться к изменившимся обстоятельствам, но и саморазвиваться, выбирая нечто иное, нежели уход в глухую оборону перед воздействием иных (по сути – враждебных) сил? В настоящее время трудно ответить утвердительно. Наша цивилизация, скорее, не умеет и не хочет сопротивляться, бороться за свое существование. Она отгораживается от реальности мифотворчеством, причем наиболее пагубным является миф *политкорректности*, прикрывающий неосознанную волю к самоубийству.

Для нас конкретно, еще 20 лет назад живших в тоталитарном обществе, положение осложняется тем, что вдобавок к всеобщим самообманам, выработанным нашей цивилизацией в последнюю четверть XX века, мы отягощены собственными самообманами, выработанными в период крушения коммунистической системы. Испытав на своей шкуре все «прелести» коммунизма, мы отчасти бессознательно, а отчасти и сознательно уверили себя в том, что в демократическом обществе западного типа, куда мы стремимся, все наоборот: что «здесь» со знаком минус, то «там» со знаком плюс. Между тем мы пришли в это общество в тот момент, когда оно миновало пик своего развития и стало быстро клониться к закату.

В любом обществе существует проблема *гармонизации* личных интересов человека и интересов социума (государства и/или гражданского общества). В современном обществе эти интересы находятся в состоянии дисгармонии, глубокого противоречия. У нас это еще заметнее, чем на Западе. Там деградация *надличностных ценностей* протекает плавно и совсем уж на нет они сходят только тогда, когда условием их приоритета над эгоизмом индивида становится необходимость жертвовать жизнью во имя этих ценностей – но сами ценности в *данный момент* не считаются бесспорными. Примером того может служить реакция общественности ряда европейских стран на участие их солдат в составе войск НАТО в операциях в Афганистане и Ираке.

В Испании, к примеру, общественность настояла на выводе испанских подразделений, опираясь не на заповедь «Не убий» и даже не на беспокойство за жизнь *наших парней, сражающихся где-то там за интересы США* (испанцы, как и большинство европейцев, недолголюбивают США), а на страх за собственные жизни – так как исламские экстремисты пригрозили совершить в Испании ряд терактов. То обстоятельство, что воинствующий ислам представляет собой смертельную угрозу для нашей цивилизации, в данном случае не имело значения: угроза маячит где-то в очень далекой перспективе, а теракты начнутся завтра.

Деградирующее общество не в состоянии:

- а) работать на далекую перспективу;
- б) осознать, что иной раз пролить немного крови (шире: принять жесткие и *непопулярные* меры) необходимо во избежание большого кровопролития.

Дополнения по этим двум пунктам:

- а) точно такую же деградацию демонстрирует наша *молодая демократия*; избирательная кампания 2006-2007 годов показала, что во имя конкретной ближней цели (получить места в парламенте) все без исключения партии позволили себе усугубить раскол общества, не задумываясь над тем, чем это обернется в обозримом будущем;
- б) в феврале 1917 г. применение силы могло предотвратить революцию. Николай II по слабоволию своему не решился пойти на это (хотя в 1905-м дал абсолютно бессмысленное согласие на расстрел *мирной* демонстрации, ставший поводом к революционным событиям). Результат известен.

1.2. После двухполярности

30 лет назад Эрих Фромм в своей книге «Иметь или быть» обрисовал очень многие из опасностей, грозящих нашей цивилизации:

«Большие Надежды терпят крах... все большее число людей начинают осознать, что:

- Неограниченное удовлетворение всех желаний не способствует *благоденствию*, оно не может быть путем к счастью или даже получению максимума удовольствия.

- Мечте о том, чтобы быть независимыми хозяевами собственных жизней, пришел конец, когда мы начали сознавать, что стали винтиками бюрократической машины и нашими мыслями, чувствами и вкусами манипулируют правительство, индустрия и находящиеся под их контролем средства массовой информации....»

*Мы, привыкшие к тому, что нами манипулировал коммунистический режим, не ожидали, что в либеральном демократическом обществе манипуляция приняла еще большие масштабы – просто тут на несколько порядков меньше **прямого** насилия.*

И далее: «В то время как в личной жизни только сумасшедший может оставаться пассивным перед лицом опасности, угрожающей всему его существованию, те, кто облечен государственной властью, не предпринимают практически ничего, чтобы предотвратить эту опасность, а те, кто верил им свою судьбу, позволяют им пребывать в бездействии.

Каким образом стало возможным, что самый сильный из всех инстинктов -- инстинкт самосохранения, -- казалось бы, перестал побуждать нас к действию?»

А ведь Фромм писал свою книгу в условиях *двухполярного общества*, когда более всего люди боялись атомной войны между двумя сверхдержавами, в которую неминуемо будут вовлечены и их сателлиты... т.е. практически вся наша цивилизация. Когда коммунизм рухнул, возникла иллюзия, что теперь угроза конфронтации миновала – и в *однополярном мире* (как казалось ряду американских политиков и политологов) все будет хорошо. Любопытно, что Фромм допускал крушение одной из двух систем (но не той, что развалилась!) и пророчески утверждал, что от этого ничего

не изменится: «Утверждение коммунистов, что, уничтожив классы, их система положит конец классовой борьбе, является фикцией, ибо их система зиждется на принципе неограниченного потребления как цели жизни. Поскольку все хотят иметь больше, неизбежно образование классов, неизбежна классовая борьба, а в глобальном масштабе -- война между народами. *Алчность и мир исключают друг друга.*» (Правда, об этом несколько раньше и гораздо лаконичнее сказал Джордж Оруэлл в «Скотском хуторе»: «Все скоты равны, но некоторые равнее, чем другие».)

Вместо двухполярного мира возникла странная иррациональная конструкция с несколькими (варьирующимися) *очагами взбужания*. (Бинарная оппозиция, в противовес ей, вполне рационалистична, ориентироваться в ней проще простого. Правила игры прозрачны. Кто не с нами, тот против нас. Живущий на территории одной системы должен разделять и проводить в жизнь ее ценности. Иначе он диссидент, *внутренний эмигрант*. В зависимости от параметров нетерпимости самой системы его ждут тюрьма, психушка, *запрет на профессию*, общественный остракизм, неприятие в тусовку и т.д., по нисходящей, но он учитывает это в своей деятельности. Вот так же болельщик московского «Спартака», волею обстоятельств оказавшийся на питерском стадионе в секторе, занимаемом ярыми фанатами «Зенита», понимает что он чужак и может выбирать: либо притвориться «умеренно своим» и сдержанно аплодировать, если «Зенит» забьет гол, либо высказать свое кредо и принять вытекающие из этого последствия – от телесных повреждений средней тяжести до нелестных высказываний в свой адрес... Во всяком случае, все логично).

Фромм считал гедонизм одним из главных факторов риска: когда человеку слишком хорошо и он стремится продлить наслаждение, уже не до инстинкта самосохранения. Правда, в своей «Анатомии человеческой деструктивности» он утверждал, что по своей природе человек агрессивен (а агрессивность и гедонизм не очень убедительно соединяются).

Другой великий социопсихолог, Карл Юнг, обогатил наши представления о механизмах, управляющих социумом, введя в обиход термин *коллективное бессознательное* (как набор неких традиций, табу, инструкций и пр., действующих в режиме автопилота и увязывающих личность с обществом). Однако и коллективное бессознательное (в дальнейшем КБ) ориентировано на существование в двухполярном мире. Как и многие другие инструменты самопознания человека (в том числе через литературу и искусство). Кстати, деградацию семиотики, ее вытеснение с позиций одного из ведущих направлений литературоведения и вообще культурологии, превращение во всего лишь один из наборов инструментов, наверно, следует связывать не только с кончиной Ю.М.Лотмана и отсутствием у него ярких учеников, но и с тем, что семиотика строилась на бинарных оппозициях и видела мир в бинокляр, а сейчас такой взгляд уже искажает общую картину.

Естественно встает вопрос:

1.3. Ведется ли сознательная корректировка коллективного бессознательного?

А если ведется – то кем и в каком направлении?

Нам придется поразмыслить над тем, живет ли в наше время такое явление как *социальный заказ* – т.е. создание *идеологически нагруженных* произведений по указанию и на средства некоторых структур, имеющих непосредственное отношение к

государственной власти. Термин этот существовал исключительно в коммунистическом обществе: партия и правительство выступали под псевдонимом социума и направляли художника творить так, как им требовалось. Впрочем, точно то же творилось и в гитлеровской Германии, где создавалось *арийское* искусство.

Социально ангажированные произведения, разумеется, появлялись и в демократических странах. Особенно в критические для их существования моменты. Но это был свободный выбор художника. Я не думаю, что фильм венгерского еврея-эмигранта Александра Корды «Леди Гамильтон» был снят по личному указанию сэра Уинстона Черчилля (хотя Черчилль очень любил эту картину). Точно так же не по указанию премьер-министра Великобритании снимал своего «Генриха Пятого» служивший в отделе паблик-релейшнз Королевского воздушного флота лейтенант Лоренс Оливье. Тем не менее обе эти картины были патриотическими и, если угодно, пропагандистскими. В «Леди Гамильтон» (1940) реплика Нельсона: «С диктаторами нельзя договариваться. Их надо бить» звучала как ответ сторонникам сепаратного мира с Германией. А в «Генрихе Пятом» (1944) слова молодого короля: «Во Францию теперь! И мы стяжем там, милорды, славу!» воспринимались как призыв к высадке в Нормандии. Просто бывают времена, когда интересы государства, общества и личности совпадают – и тогда художник творит с особым вдохновением.

2. Возврат в Средневековье

2.1. Взбесившиеся архетипы

Карл Юнг считал, что коллективное безумие современного мира, является закономерным следствием развития европейской культуры, особенно ее технократической направленности. История Европы — это история упадка символического знания. Торжество технической цивилизации куплено дорогой ценой — ценой отказа от единения с «душой» природы, от символа как образа бессознательной энергии. Символы, как считал Юнг, открывают человеку священное в природе и одновременно предохраняют его от непосредственного губительного соприкосновения с колоссальной психической энергией архетипов.

Если вводить иерархические уровни, раскрывающие модели Юнга, то *символы* – это верхний уровень, лежащий над КБ и облагораживающий его; символ это своего рода *foolproof*, механизм не только запускающий систему, но и дающий сигнал тревоги, а при необходимости и включающий торможение, если система может пойти вразнос. *Архетипы* – та часть КБ, которая лишена этих страховочных устройств. Символы объединяют большинство (в идеале – всю цивилизацию) на основе креативности и четких (пусть вербально и не сформулированных, оставленных в подсознании) этических представлений. Архетипы объединяют часть общества на основе признания этой части чем-то исключительным, свободным от общеупотребительных моральных норм. Символы аксиоматичны и не нуждаются в доказательствах (например, 10 заповедей – следует ли объяснять психически здоровому человеку, что убивать, лжесвидетельствовать, лгать – нехорошо, или он и так поймет? Правда, насчет 7-й заповеди есть разные мнения, но это уже проблема наша, а не Господа, давшего заповеди, и Моисея, стенографировавшего их!). *Взбесившиеся архетипы* (как называл их Юнг) объясняют *избранной части общества* (каковой могут являться по собственному выбору: коммунисты, арийцы, православные, мусульмане и пр.), что они – во имя чего-то там (далее следует конкретизация – чего именно) *освобождаются от химеры, именуемой совестью*. (Формулировки могут быть любыми; мы выбираем гитлеровскую потому, что она нагляднее и бесстыднее прочих.)

Юнг писал, что советское общество — *ярчайший пример буйства архетипов, сознательно или нет выпущенных из темницы подсознания*. Но это можно отнести и к другим социальным моделям – просто в то время, когда работал Юнг, наиболее богатый материал для наблюдения давал СССР.

2.2. Моделирование «бешенства архетипов» литературой и искусством.

На свете, друг Горацио, есть много тайн, что вашей философии не снились, - говорил принц Гамлет (натура художественная) своему приятелю, сухому и рациональному *книжному червю*. В самом деле, философия только в XX веке сделала предметом изучения то, о чем предупреждал Достоевский. «Бесовщина», о которой он писал, и была гениально предвиденной моделью *бешенства архетипов* (см. притчу о бесах, которые вошли в стадо свиней – этим стадом может быть любая взбесившаяся и все крушащая в жажде разрушения толпа). Проблему исключительности, дающей право на, мягко говоря, неординарные поступки Достоевский ставил еще в «Преступлении и наказании»...

В наше время, когда интеллектуальный уровень общества катастрофически снизился, а вооруженным морально перед лицом грядущей катастрофы должен быть каждый человек, литература и искусство берут на себя функцию предупреждения, развивая жанры, которые принято относить к «низким», «массовым». Фантастику предупреждения, фэнтэзи, антиутопия, политический триллер-памфлет... За последние 20 лет количество литературы такого типа, изданной на русском языке, выросло в геометрической прогрессии. Хотя, конечно, она неравноценна.

Чтобы быть готовым к предстоящим испытаниям, мы обязаны отдать себе отчет в том, что технический прогресс не имеет ничего общего с этическим, и что никогда еще в обозримом прошлом мы не стояли так близко к Средневековью, как сегодня.

Последней войной на религиозной почве в истории нашей цивилизации была 30-летняя война (1618-1648), но в полном смысле религиозной ее назвать трудно, так как, скорее, она велась за передел Европы между двумя коалициями, объединенными по конфессиональному признаку. Религиозные войны во Франции в конце 16-го века были в этом смысле более типичными: католики усердно резали гугенотов, а гугеноты католиков, но не менее жестокой, в конце концов, была война Алой и Белой розы, в которой сражались единоверцы – гражданские войны всегда отличаются особой жестокостью... Фактически же после крестовых походов (включим сюда и насильственную христианизацию Балтии) Европа не вела целенаправленного геноцида по религиозному признаку. Мусульмане – те, действительно, истребляли христиан (в особенности на Балканах) – и христианская Европа вынуждена была обороняться, но все-таки европейское сознание воспринимало эти явления как периферийные – и всеобщего объединения христиан против ислама не было.

До недавнего (совсем недавнего) главной угрозой для нашей цивилизации считалась т.н. *желтая опасность* со стороны Китая (в связи с постоянным ростом его народонаселения) и других стран Юго-Восточной Азии. Ее предвидел еще Владимир Соловьев в своем гениальном стихотворении «Панмонголизм» (1894):

..
Когда в растленной Византии
Остыл божественный алтарь
И отреклись от Мессии

Иерей и князь, народ и царь, -

Тогда Он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И всё твердят льстецы России:
Ты - третий Рим, ты - третий Рим.

Пусть так! Орудий божьей кары
Запас еще не истощен.
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орел двухглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И Третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть

Однако сегодняшний опыт учит нас, что эти страны предпочтут «смотреть с горы за битвой тигров в долине». Опасность грозит с другой стороны. С Ближнего Востока.

Юнг предупреждал: «Незначительная прослойка человечества, живущая главным образом на том густонаселенном полуострове, который выдается в Атлантический океан, и называющая себя «культурной», до такой степени потеряла контакт с природой, что пришла к мысли, будто религия — это лишь особый вид умственного расстройства без сколько-нибудь ясно выраженного смысла. Глядя на это с безопасного расстояния, скажем из Центральной Африки или из Тибета, мы, несомненно, смогли бы убедиться, что данная прослойка просто-напросто спроецировала собственные бессознательные психические расстройства на нации, которыми все еще владеют вполне здоровые инстинкты...» В переводе на обыденный язык: мы недооценили возможности агрессивной, архетипической, религии в качестве мобилизующего фактора, комплекса *надличностных ценностей*. Другая угроза

стремящейся к объединению всех своих ветвей белой цивилизации заключается в столь же иррациональном подъеме национализма.

Еще Достоевский понимал, что спасти цивилизацию придется с той же степенью жестокости, какую обнаруживает противник. Правда, это вызывало в нем болезненное раздвоение. Он писал: «Да будут прокляты эти интересы цивилизации и сама цивилизация, если для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу». Но тут же возражал себе:» ...однако же факт. Для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу».

2.3. Контратака умеренного белого расизма или несовместимость цивилизаций

В конце концов, величайшее произведение кинематографа-фэнтэзи, трехсерийная 9-часовая эпопея Питера Джексона по роману Толкиена «Властелин колец», тоже не вполне свободно от этого умеренного, исподволь влияющего на КБ, «расизма». (В романе, впрочем, это выражено еще определеннее). «Хорошие» персонажи (люди, хоббиты, эльфы) носят собирательное наименование силы Севера, предводитель именуется скандинавским титулом конунг), а орки, назгулы и прочая нежить олицетворяют Юг.

В триллере-памфлете Юлии Латыниной «Земля войны» действие происходит в вымышленной республике Северная Авария – Дарго. Это не Чечня (чеченские террористы постоянно тревожат ее набегами), но и не Северная Осетия, так как население целиком мусульманское. Впрочем, какая разница! Все равно мы не знаем, что происходит на Северном Кавказе, и Юлия Латынина, блестящий журналист-аналитик, обращается к художественной прозе, т.е. *вымыслу*, потому, что сказать о реальном положении дел ей все равно не дадут. Место действия – это обобщенный образ Северного Кавказа; когда читаешь про теракт в родильном доме г.Бештой, вспоминается *реальный* теракт в школе г.Беслан, а самовлюбленный мерзавец и садист Гамзат Асланов, сын парализованного президента РСА-Дарго, метящий на место умирающего отца, заставит читателя вспомнить Рамзана Кадырова.

Но основной пафос романа заключается в том, что наши, европейские, понятия о Добре и Зле и наша ментальность на Северном Кавказе не работают. Местный политик, баллотирующийся в парламент, вызывает для консультации московского политолога. Тот говорит, что противника лучше всего *опустить* с помощью *черного тиара*. Как, интересуется кандидат. Надо выпустить листовки о том, что ваш противник убил из мести 20 человек и украл из бюджета несколько миллионов... Кандидат приходит в бешенство: «Я что, за свои деньги буду делать ему рекламу?». Потому что тут убить врага и обокрасть *неверных* – дело святое! А местный проповедник Ахмед, прошедший выучку в Сирии, долго впаривает российскому чиновнику про «малый и большой джихад – мол, главное это большой джихад, война с собственными недостатками», а потом оказывается террористом и издевательски сообщает, что «кафиру» (немусульманину) можно было и солгать. Главным героем романа Латынина делает человека, которого мы без колебаний назвали бы бандитом. Джамалудин Кемиров возглавляет собственное вооруженное формирование, бойцы которого подчиняются только ему. Без колебаний убивает тех, кого считает врагами. Вдвоем с братом, который подкупом и угрозами стал мэром Бештоя, контролирует практически весь бизнес в городе. Выступает посредником при выкупе похищенных.

И вместе с тем фанатически соблюдает мусульманскую этику, дав слово единоверцу, не нарушает его, выручает из беды друзей, не пьет, ненавидит разврат. Т.е. по *их* *понятиям* он положительный герой. Латынина не то чтобы оправдывает своего героя, но уж точно –

любуется им. Как можно любоваться хищником – совершенным творением природы, предназначенным для убийства и разбоя. И противостоят этим хищникам не добрые охотники, а подонки, которые используют свою миссию на Кавказе, чтобы брать миллионные взятки.

Первый вице-премьер РФ Иван Углов (*он имел ум блестящий, но ум не чиновника или бизнесмена, а ум чекиста* – пишет Латынина) в финале романа произносит саморазоблачительный монолог: «...Россия теряет контроль над республикой, - говорит он брату Джамалудина, мэру Бештоя. – Но дело не в твоём брате. Дело в самой России.... Моя страна всюду ведет себя одинаково... Везде берут взятки...Везде сажают без суда и следствия. Разница в том, что в Иваново это проходит, а в Бештое нет... Если у страны нет храбрых солдат и честных чиновников, если у нее не осталось вменяемых политиков, эта страна может выжить только обманом. Только разводкой. Мы не можем властвовать. Мы можем только разделять. Твой брат четыре года ловил чеченских террористов, вместо того, чтобы сражаться на их стороне, и после этой истории две половинки вашей термоядерной бомбы никогда не объединятся...»

Разумеется, такое можно написать только в романе про вымышленных людей и события.

Характерно, что эта линия в российской литературе старательно опровергается официозными публицистами. Некий Деньга Халидов пишет в «Русском журнале»: До последнего времени, за редким исключением, отечественные масс-медиа). Больше предпочитали педалировать тему "международного терроризма", типичного продукта совместного "творчества" спецслужб и пиарной возгонки, выполняющей роль ложной цели. Кем только не пугали. И бен Ладеном, и талибами, и исламскими фундаменталистами из Центральной Азии, которые вот-вот ворвутся в Поволжье и разорвут Россию на куски. Обилие подобного рода материалов в истекшее 5-7-летие оставляло странное впечатление о неадекватности не столько журналистов, сколько людей, вроде бы серьезных и наделенных властью, которые верят в эту чушь. .. Нам остается поскорей расстаться с иллюзиями относительно будущих судеб России как части "Большой Европы"; вытеснить на периферию общественной жизни "внутреннюю эмиграцию"; объявить предмобилизационный режим в стране и дружить с теми, кто уже давно нам протягивает руку...» Т.е.Ирану, ХАМАСу (представители которого уже пообщались с иерархами РПЦ) и пр.

2.4. Возвращение «социального заказа»

В России в связи с укреплением «вертикали власти» начался поиск новых средств идеологического обеспечения этого процесса. Наряду с наиболее примитивными (массовое вступление деятелей искусства в партию «Единая Россия») применяются и более утонченные. Дмитрий Быков пишет: «Слухи о том, что Кремль готовит силами известных литераторов некий «антиоранжевый» культурный проект, просачивались давно. Автор этих строк три года назад лично слышал от нескольких приятелей, как им передавали госзаказ (она еще когда о нем заговорили!): немедленно испечь роман о провалившейся попытке бархатного переворота в России. По слухам, в Кремль приглашали не только рок-музыкантов, но и продвинутых литераторов вроде Б. Акунина: слухи эти ничем не подтверждены, и сильно сомневаюсь, что Б. Акунин пошел бы в Кремль по такому приглашению. Однако факт остается фактом: они там явно просчитывали идеологическую атаку на сторонников «березовой революции».

В литературе эти проекты провалились. Создать нечто путное не сумели ни Сергей Минаев, которого Быков назвал *гламурным фашистом*, со своим романом «Media Sapiens», ни Андрей Анисимов, за полгода выполнивший уже два таких заказа –

«Кремлевский синдром», главный персонаж которого представляет собой карикатуру на Березовского, однако написанную с соблюдением всех штампов сталинского антикапиталистического лубка, и «Бомба для Аль-Каиды» (написан по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька»; вроде бы Анисимов пишет о будущей войне против ислама, но 90% книги посвящено коварным проискам *америкосов* и националистическому перевороту на Украине; отметим, что Россия в этой войне не участвует).

В кино результаты любопытнее: «9-я рота» (попытка отделить подвиг нескольких десятков солдат от всей той грязи и торговли, которые были присущи войне в Афганистане), «Волкодав» (фэнтэзи под седую древность, сделанное в комплиментарно-патриотическом стиле).

Направление дискурса обозначено, хотя не вполне ясно, к чему это приведет. Но и в этом есть свой риск.

IV. HARIDUS
V. PROBLEEMID JA LAHENDUSED

ОБРАЗОВАНИЕ
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЭСТОНИИ И РИСКИ ЕГО РАЗВИТИЯ

(Тезисы доклада)

Нафтолий БАССЕЛЬ,

доктор филологических наук, профессор Эстоно-Американской бизнес-академии

1. Проблема монокультурности или мультикультурности в независимой Эстонской Республике. Необходимость и неизбежность диалога разных национальных культур в нашей стране, особенно в условиях вхождения Эстонии в Европейский Союз с утверждаемыми им принципами межнациональной толерантности, прав национальных меньшинств и равноправного диалога культур в межнациональных отношениях. Исторический опыт диалога и взаимовлияния разных национальных культур и культурно-языковых общностей (эстонской национальной, прибалтийско-немецкой, русско-славянской, финско-скандинавской) в Эстонии на протяжении веков. Сохранение и плодотворное развитие эстонского языка и своеобразной эстонской национальной культуры в этих условиях. Угрожает ли сохранению их своеобразия и выживаемости в условиях всё более глобализирующейся в начале XXI века Европы риск денационализации?

2. Два основных "субъекта" диалога культур в нашей стране - эстонская национальная и т. наз. русскоязычная культура (в сфере охвата и воздействия которой находятся не только этнические русские, но и большая часть переехавших в Эстонию в советский период жителей других национальностей бывшего СССР). Риски, которым подвержены эти "субъекты" в ходе развития диалога культур - как по внешним, так и по внутренним причинам. Роль внешнеполитических факторов в формировании взаимоотношений двух языковых общин в Эстонии. Роль средств массовой информации - эстоноязычных и русскоязычных - в формировании климата этих взаимоотношений и взаимной толерантности двух общин. Разночтения в трактовке эстонской истории, особенно истории присоединения Эстонии к Советскому Союзу (1940 год) и судьбы Эстонии во Второй мировой войне и после её окончания. Возникающие на почве этих разночтений драматические конфликтные ситуации (например, в связи с проблемой т. наз. "бронзового солдата" - памятника погибшим советским воинам в центре Таллинна на Тынисмяги, особенно обострившиеся в 2006-2007 годах).

3. Риски, возникающие по внутренним причинам, - риски социально-психологического порядка. С одной стороны, речь идёт о присущих эстонцам как "малой" нации страхах денационализации, утери своего национального языка, специфики своей национальной культуры. Риски, возникающие под влиянием процессов всеобщей глобализации. Проблемы, порождаемые в связи с возможным притоком в Эстонию (из-за нехватки собственной рабочей силы) иноязычных гастарбайтеров, представителей чуждых для Эстонии культурных миров и менталитетов.

С другой стороны, риски могут возникнуть и у русских и так называемых русскоязычных жителей Эстонии. Один из возможных их вариантов связан с лозунгом "национально-культурной автономии". По верному наблюдению депутата Рийгикогу Сергея Иванова, выбор модели "национально-культурной автономии" в условиях современной Эстонии "означает

одно - путь к самоизоляции и обособленности....Путь тупиковый: следование по нему будет означать реализацию тайных надежд и мечтаний самых радикально настроенных националистов" ("Postimees" на русском языке, 31.01. 2007). Риск самоизоляции и заикленности на одних лишь проблемах положения русских и русскоязычных в Эстонии (проблемы гражданского статуса, сохранения русскоязычного образования, положения

православной церкви и т.п.). Плюсы и минусы реализации лозунга национально-культурной автономии на практике, её оценка с точки зрения концепции диалога культур в условиях современной Эстонии. Не повлечёт ли реализация национально-культурной автономии за собой ещё большую сепарацию разных языково-культурных общностей в Эстонии, что отрицательно повлияет на развитие диалога культур? Не означает ли это ещё большую "фольклоризацию" (этнографизацию) культурной жизни отдельных национальных групп в нашей стране?

4. Краткий обзор того, что представляет собой русская культура в современной Эстонии (литература, театр, искусство). Что может обеспечить её выживаемость в современных условиях независимости Эстонской Республики? Её собственный культурный потенциал и востребованность русским и русскоязычным населением Эстонии. Три точки зрения на перспективы русской культуры в Эстонии (слишком "пророссийская" - Н.В.Соловья, преувеличивающая роль "местной" русской культуры - С.Г.Исакова, пессимистическая в отношении её перспектив - М.Веллера). Риски, связанные с возможными "сценариями" будущего русской культуры в Эстонии - её ассимиляцией эстонской культурой, "геттоизацией" (наподобие культуры русскоязычного района Брайтон-Бич в Нью-Йорке), национально-культурной автономией (наподобие культуры шведского меньшинства в Финляндии), культурной интеграцией русских в Эстонии.

5. Роль Эстонии не только как экономического, но и культурного "моста" между Востоком и Западом Европы. Роль русской культуры Эстонии как своеобразного "посредника" между культурными мирами России и Западной Европы. Её потенциальная и реальная роль в международном диалоге культур (через репрезентативность, посредническую роль наших русскоязычных журналов, взаимодействия с российской и западноевропейской культурами).

Необходимость честного, непредвзятого и объективного русско-эстонского взаимоосвещения в СМИ, публицистике и литературе (отрицательные примеры - публицистика А.Валтона, роман С.Донского "Умри сегодня и сейчас", 2004). Преодоление рисков взаимного очернения как необходимая предпосылка успешного развития диалога культур.

6. Некоторые общие соображения о рисках для международного диалога культур, связанных с процессами всеобщей глобализации - англо-американизацией культуры, её коммерциализацией, всеобщим распространением современной "модной" индустрии развлечений и т.п. В какой мере эти глобальные риски угрожают самостоятельному существованию малых национальных культур и что необходимо сделать если не для предотвращения влияния этих рисков, то по крайней мере для их минимизации.

Равноправный диалог разных национальных культур - больших и малых народов как реальный противовес набирающим силу процессам всеобщей глобализации.

Что необходимо культуре малого народа (как эстонская) для выживания в условиях современных глобальных рисков и полноценного участия в современном международном диалоге культур?

- сохранение своей национальной специфики - того, что принято называть "лицом необщим выражением" (примеры - творчество А.Х.Таммсааре, Я.Кросса, Э.Руммо);
- выход в творчестве на уровень не только локальных, но и общечеловеческих философских проблем (исторические романы и повести Я.Кросса);
- создание художественных произведений общеевропейского эстетического уровня и звучания (в литературе - Я.Кросс, Я.Каплинский, в музыке - А.Пярт, в искусстве - Э.Вийральт, Ю.Аррак);
- высококачественный перевод на важнейшие языки

международного общения и международная презентация и интерпретация произведений национального искусства

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бассель Н.М. Сопричастность: Русскому читателю об эстонской литературе. Сборник статей и докладов. - Таллинн: EABC, INGRI, 2002.
2. Иванов С. Министерский минимум // Postimees на русском языке, 31 января 2007. С. 7.
3. Исаков С.Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии - Таллинн: Alexandra, 2005.
4. Полешук В. Русские в Эстонии, их идентичность и этнический конфликт // Новый Таллинн, 2003, № 1-2. С. 37-47.
5. Проблемы русской культуры в Эстонии. Сборник статей. - Таллинн, 2005 (Русский народный университет культуры).
6. Семёнов А. О сегрегации и дискриминации // Таллинн (журнал), 2006, № 1-2. С. 14-19.
7. Суханек Л. Возможен ли диалог культур? // Acta Polono-Rutenica VI. Olsztyn, 2001. S. 145-153.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис, 1994, № 1 .

КРИТЕРИИ ОБРАЗОВАННОСТИ И КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

(Тезисы доклада)

Дина ТОМБУ,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Химико-технологической академии им. Д.И.Менделеева (Москва)

В современной социологии образования и в педагогике понятие «образованность» разработаны основательно. Большинство авторов сходятся во мнении, что эффективность образования определяется его результатами в сопоставлении их с целями и средствами достижения.

Результаты достижения целей называются образованностью, уровни которой характеризуют и индивида, и общество и проявляются как в содержании сознания, так и в характере поведения. Отслеживая результаты образования, мы приобретаем необходимую для его совершенствования «обратную связь». Сопоставление целей с результатами образования способствует ответу на вопросы: необходимы ли, достаточны ли существующие формы, методы и содержание образования с точки зрения затраченных усилий?

Общепринятые критерии образованности:

- ясность и четкость понятий, которыми оперирует человек;
- определенность и конкретность мышления;
- умение видеть необходимость и находить ее причины;
- осознание связей между предметами и явлениями;
- способность предвидеть развитие событий на основе тщательного анализа наличных тенденций;
- количество и качество продуктов труда;
- социализированность.

В условиях глобализации неоспоримым является тезис о том, что существеннейшую роль в развитии общества играет человеческий потенциал. Так как важнейшими факторами развития цивилизации стали знания и высокие технологии, то в качестве показателя национального богатства выступают не запасы сырья или цифры производства, а количество образованных людей; таким образом, на первый план выходит вопрос об образовании. Глобализация превращает образование в один из важнейших элементов социальной инфраструктуры развитых государств мира.

В глобализационном процессе одной из центральных проблем можно считать ориентацию на выравнивание условий для человеческого развития, последнее выступает как собственно цель и критерий общественного прогресса. Поэтому общий концептуальный подход к развитию человеческого потенциала (разработан группой экспертов Программы развития ООН) представляется сегодня отправным ориентиром для выработки национальной глобализационной политики, особенно в сфере образования.

В этой концепции развитие человеческого потенциала рассматривается не только как путь, позволяющий добиться увеличения производительности труда и доходов, но подчеркивается, что это увеличение приобретает ценность лишь тогда, когда оно действительно влияет на рост благосостояния людей. Человеческое развитие представляет собой как *процесс* расширения человеческого выбора, так и достигнутый *уровень* благосостояния людей.

В условиях глобализации принципиальным моментом отношения к образованию является понимание его как самоценного процесса, составной части культуры, а не как условия повышения квалификации и производственного опыта.

Согласно оценке, произведенной Всемирным банком по 192 странам мира, на долю физического капитала приходится в среднем лишь 16% общего объема богатства. Около 20% богатства приходится на природный капитал. Человеческий капитал, который включает в себя образование, составляет примерно 64% общего объема богатства. В более развитых странах (Германия, Япония) на его долю приходится 80% общего объема капитала.

Образованность понимается как обретение способностей к получению и накоплению знаний, к общению, обмену информацией, которые необходимы для полноправного участия в жизни глобализирующегося сообщества.

Важнейшим базовым показателем служит уровень грамотности населения, который рассчитывается как доля грамотных в возрасте 15 лет и старше. Однако для развитых стран этот показатель не является актуальным и берется априори как 99%.

Другой базовый показатель - полнота охвата обучением, как отношение общего числа учащихся на всех ступенях обучения (начальной, средней, высшей и постуниверситетской) вне зависимости от их возраста к общей численности населения в возрасте от 5-2 лет.

Считается, что общепринятые показатели образованности целесообразно дополнить индикаторами, специфическими для различных уровней развития. Так, для стран со средним уровнем развития их предлагается дополнить показателем полноты охвата средним образованием, для стран с высоким уровнем - показателем полноты охвата высшим образованием.

Индекс достигнутого образования рассчитывается как совокупность показателей грамотности и доли учащихся начальных, средних и высших учебных заведений.

В социологии образования проблема критериев тесно связана с остро дискуссионной проблемой качества образования, не укладывающейся в количественные показатели.

Социологическая методология исследования проблемы качества образования и характеризуется рядом особенностей. Во-первых, комплексностью. Так как качество образования – это многоаспектный феномен, имеющий социальные и личностные характеристики.

Социальный аспект связан с эффективностью функционирования образования как системы и института, его включенности в экономическую, социально-политическую, социокультурную сферы общества. Личностный аспект предполагает анализ влияния образования на деятельность личности, ее субъективные (знания, умения, навыки, потребностно-мотивационные параметры) и объективные (успешность трудоустройства, профессионального становления, карьерного роста и др.) характеристики.

Во-вторых, методология исследования качества образования представляет собой совокупность следующих аспектов: институционального, деятельностного, системного, социокультурного, коммуникативного, аксиологического. Причем аксиологический аспект становится одним из наиболее значимых, поскольку понятие «качество образования» целесообразно рассматривать как конвенциональный феномен - результат согласования интересов полисубъектного потребителя, определяющего цели образования. Это и общество в целом, и его подсистемы (в том числе сама система образования), и различные социальные группы, и отдельные личности, по-разному видящие назначение образования.

В-третьих, социологическая оценка качества образования имеет как моментный, так и отсроченный характер. Она может просматриваться как «здесь и сейчас», так и в отдаленной временной перспективе, поскольку предполагает исследование социальных ролей образования как института и системы в соотношении с личностными ролями его субъектов, оптимальность реализации которых может быть оценена постфактум.

В-четвертых, особенности социологического подхода к исследованию качества образования заключаются в анализе потребностно-мотивационных и ценностно-нормативных характеристик всех социальных групп, включенных в образовательный процесс.

Очевидным является тот факт, что субъекты образовательного процесса — учащиеся, преподаватели, представители администрации разного уровня - имеют различные представления о качественном образовании и самом понятии «качество образования». Поэтому создание концепции качества образования конкретного образовательного учреждения предполагает, прежде всего, анализ соотношения разносторонних (порой противоречивых) интересов субъектов образовательного процесса между собой с общепринятыми нормативами, разработанными в образовательных стандартах, и социокультурными условиями конкретного общества.

Некоторые аспекты формирования общего европейского пространства высшего образования в рамках Болонской конвенции

Юрий КЕЛИН,

Ph.D., профессор, старший научный сотрудник Социально-гуманитарного института
(Таллинн)

Данная работа носит аналитический характер и при ее написании использованы материалы Лиссабонской конвенции и Болонской декларации, министерства НТМ EV „Euroopa ainepunktisusteemi ECTS rakendamise käsiraamat. NTMinisteerium 2006”, а также информация с различных Интернет-сайтов, перечень которых частично приведен в конце работы.

В работе проанализированы отдельные аспекты результатов выполнения проекта - «Настройка образовательных структур», реализуемого в странах ЕС, в соответствии с целями Болонской декларации на институциональном уровне в рамках выделенных направлений подготовки: бизнес администрирование и менеджмент, образовательные науки, геология, история, математика, физика и химия.

В работе предпринята попытка дать общее представление о использовании модулей при разработке учебных программ, а также предпринята попытка, на основе аналитических данных подойти к определению требований к компетенции студентов, которыми они должны обладать как в процессе обучения, так и по его окончании, имея документ, подтверждающий их компетенции в определенных сферах деятельности

ВВЕДЕНИЕ

В Эстонии, как стране-члене Европейского Союза, идет процесс приведения системы высшего образования республики в соответствие с общеевропейским образовательным пространством.

Необходимость участия Эстонии в этом процессе основана на признании ею ряда документов, регулирующих образовательные процессы в ЕС, в том числе двух основополагающих документов в области регулирования высшего образования в странах Европейского Союза, а именно

а) В 1997 году Лиссабонской конвенции «О ПРИЗНАНИИ КВАЛИФИКАЦИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ В ЕВРОПЕЙСКОМ РЕГИОНЕ» (в подписании участвовало более 40 стран, в том числе США, Канада, Австралия и Израиль);

б) В 1999 г., Болонской декларации о формировании общеевропейской системы высшего образования, названной «Зоной европейского высшего образования» (подписано более чем 40 странами). Названные документы подписаны и Эстонской Республикой.

Одной из основных составляющих этого процесса является система ECTS (European Credit Transfer System) – Европейская система взаимозачетов результатов обучения. Суть ее состоит в том, чтобы разработать систему признания дипломов об окончании учебных заведений стран-членов ЕС в любой стране ЕС.

Она ставит во главу угла интересы студентов и ориентирована на конечные результаты при описании объема учебной работы, с помощью которой определяется достигнутые результаты проделанной работы со стороны студента в ходе освоения учебной программы в целом или отдельной предметной программы, а также вклад профессорско-преподавательского состава учебного заведения.

В соответствии с действующими правовыми актами вузам Эстонии необходимо полностью перейти на данную систему в 2009/2010 учебном году. Для этого перехода

требуется ныне существующую систему заменить на новую уже начиная с 2007/2008 , но не позднее 2008/2009 учебных лет. Ранее принятую систему учета выполнения учебной программы целесообразно сразу же заменить на новую или по крайней мере использовать параллельно и старую, и новую. Начиная с 2009/2010 учебного года вузам требуется при выписке дипломов академическую справку оформлять в соответствии с новым порядком пересчета количества пунктов по отдельным предметам, в том числе и тем студентам, которые раньше начали свою учебу. К этому же времени требуется все существующие документы по учебным программам изменить на основе вводимой системы ECTS (European Credit Transfer System) – Европейская система взаимозачетов результатов обучения

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ И КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТА

Идея модульного подхода к организации различных процессов не нова и давно используется в информационных технологиях и других процессах. (Например, для реализации любого программного продукта (МОДУЛЯ) необходимо сопровождение: методическое, математическое, программное, техническое, технологическое, кадровое и правовое).

После подписания Болонской декларации появились новые возможности, инструменты и инициативы, содействующие реализации целей формирования общего европейского пространства высшего образования, причем как наднациональные, так и национальные и институциональные.

Наиболее известный проект, способствующий реализации задуманного - «Настройка образовательных структур», направлен на реализацию целей Болонской декларации на институциональном уровне в рамках выделенных направлений подготовки: бизнес-администрирование и менеджмент, образовательные науки, геология, история, математика, физика и химия.

Его задачей является **выработка общего понимания содержания квалификаций в терминах компетенций (знаний и умений) и результатов обучения.** Под результатами понимаются знания, понимание и навыки обучаемого, т.е. его компетенция как по отдельным предметам, так и по программе обучения в целом.

Приоритетные направления этого проекта включают:

- определение общих и специальных компетенций;
- гармонизацию учебных планов систем высшего образования стран-членов ЕС с точки зрения структуры, программ и методов обучения;
- определение специальных компетенций выпускников в рамках выделенных направлений подготовки:: бизнес-администрирование и менеджмент, образовательные науки, геология, история, математика, физика и химия;

Основной задачей этого проекта является выработка **общевропейского согласия** в определении уровней и степеней того, **что** выпускники должны уметь делать по завершении обучения.

При этом изменения в подходе к обучению касаются, прежде всего:

- **переноса внимания с организации процесса на результаты обучения;**
- **изменения роли преподавателя;**
- **концентрации внимания на обучаемом;**
- **изменений в организации обучения;**
- **постоянного обновления программ;**
- **изменения методов оценки.**

Однако определение компетенций должно быть ответственностью профессуры и экспертов, только специалисты той или иной сферы способны сформулировать их адекватным образом, хотя необходимы и полезны консультации с другими заинтересованными сторонами в обществе (работодатели, выпускники).

Общие компетенции

В рамках проекта «Настройка образовательных структур» была предпринята попытка определить набор требований к знаниям (компетенциям) выпускников вузов в соответствии с выбранными ими специальностями общих для всех уровней обучения. Было выделено три категории знаний инструментальные, межличностные и системные.

Инструментальные знания выпускника должны развивать:

1. Способности к анализу и синтезу.
2. Способность к организации и планированию.
3. Базовые общие знания.
4. Базовые знания по профессии.
5. Коммуникативные навыки в родном языке.
6. Элементарные компьютерные навыки.
7. Навыки управления информацией (способность извлекать и анализировать информацию из различных источников).
8. Способность решать проблемы.
9. Способность принимать решения.

Межличностные, то есть индивидуальные способности и знания выпускника должны развивать:

1. Способность к критике и самокритике.
2. Способность работать в команде.
3. Межличностные навыки.
4. Способность работать в междисциплинарной команде.
5. Способность взаимодействовать с экспертами в других предметных областях.
6. Способность воспринимать разнообразие и межкультурные различия.
7. Способность работать в международном контексте.
8. Приверженность этическим ценностям.

Системные, то есть сочетание понимания, отношения и знания, позволяющее воспринимать, каким образом части целого соотносятся друг с другом и оценивать место каждого из компонентов в системе, способность планировать изменения с целью совершенствования системы и конструировать новые системы.

Системные компетенции требуют освоения инструментальных и базовых компетенций как основы и знания выпускника должны развивать у него:

1. Исследовательские способности.
2. Способность к обучению.
3. Способности к адаптации к новым ситуациям.
4. Способность к генерации новых идей (творчеству).
5. Способность к лидерству.
6. Понимание культур и обычаев других стран.
7. Способность работать автономно.
8. Способность к разработке проектов и их управлению.
9. Способность к инициативе и предпринимательству.
10. Ответственность за качество.
11. Воля к успеху.

В рамках реализации проекта «Настройка образовательных структур», реализуемого в странах ЕС, в соответствии с елями Болонской декларации были подготовлены вопросники, включавшие вышперечисленные компетенции, каждый из участвовавших в проекте университетов провел опрос 150 выпускников, завершивших обучение от трех до пяти лет назад, тридцати работодателей и пятнадцати профессоров. Респонденты должны были в шкале от 1 до 4 оценить значение той или иной компетенции для успеха в профессии и уровень освоения, достигнутого в результате обучения.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОДУЛЬНОГО ПОДХОДА К РАСПРЕДЕЛЕНИЮ УЧЕБНОЙ НАГРУЗКИ

Не останавливаясь подробно на методике и описании процесса сбора и обработки данных, рассмотрим некоторые аспекты результатов исследования. Суть их состоит в том, что была предпринята попытка разработки моделей обучения студента для получения ими соответствующих знаний и компетенций. Такая модель представлена в таблице 1.

В процессе исследования был отмечен высокий уровень корреляции оценок выпускников и работодателей, различия в оценках этих двух групп респондентов от оценок профессуры касаются в основном более высокого значения придаваемого преподавателями базовому общему знанию и более низкой оценки ими значения межличностных компетенций.

Таблица 1.

Модели распределения нагрузки по типам курсов, уровням и модулям в ECTS

В рамках направлений были выделены пять типов модулей:

Основные модули, то есть группы предметов, составляющие ядро соответствующей науки (например, для бизнеса и менеджмента это – бизнес функции, среда бизнеса и другие).

Поддерживающие модули, например, для бизнеса и менеджмента это – математика, статистика и информационные технологии).

Организационные и коммуникационные модули, например, управление временем, работа в группах, риторика, иностранные языки.

Специализированные модули, то есть необязательные, но расширяющие и углубляющие компетенции в избранной области, факультативные.

Переносимые модули, например, проекты, диссертации, бизнес игры, стажировки, модули, выстраивающие мостик между теорией и практикой.

Основные и специализированные модули при этом рассматриваются как блоки, направленные на приобретение, расширение и углубление знания;

Поддерживающие – как развивающие методологические компетенции; организационные и коммуникационные – как направленные на самообучение и самоорганизацию;

Переносимые – как обеспечивающие перенос знаний на практику. Как общее правило, чем выше уровень, тем больше модулей, углубляющих знание и устанавливающих связь между теорией и практикой. Конечно, возможны другие формы распределения, суть не в жестком процентном распределении, а определении диапазона колебания.

Согласие экспертов относительно варианта распределения нагрузки по курсам в рамках программы выражается в кредитах (ECTS). На практике 1 кредит предполагает примерно от 25 до 30 часов нагрузки студента, включая: аудиторные занятия, самостоятельную работу и другие типы деятельности. Сравнение академической нагрузки проводилось по всем странам с учетом разделения общей годовой нагрузки на собственно учебные блоки, периоды самостоятельных занятий и подготовки к экзаменам. Практически все страны работают в диапазоне от 34 до 40 недель в год. Принимая, что в неделю содержится от 40 до 42 часов, количество официальных часов за год было рассчитано в объеме от 1400 до 1680 (среднее число 1520). Таким образом, при количестве кредитов за год 60, один кредит составляет от 25 до 30 часов нагрузки.

Как правило, один модуль содержит 5 кредитов нагрузки или кратное пяти число (например, 10 или 15). Европейский опыт свидетельствует, что меньшее число кредитов в курсе не приводит к большей гибкости программы, типичное распределение составляет 5 или 6 кредитов в модуле, что в свою очередь определяет количество модулей в семестр и год. Такие модели работают только в том случае, если профессорско - преподавательский состав учебного заведения сам принял рамку компетенций и распределение весов и кредитов по различным предметам в соответствующей области.

Уточненная модель распределения нагрузки по модулям, типам курсов и годам обучения по направлению «Бизнес-Менеджмент» дана в таблице 2.

(Базовая модель дана в табл.1.):

Таблица 2.

Модуль	Содержание модуля	Уровень обучения			
		1й 3 года	1й 4 года	2й 1 год	2й 2 года
		кредиты	кредиты	кредиты	кредиты
Основной		60	70	5	20
	Бизнес менеджмент	20	30	5	
	Бизнес в контексте	15	10		
	Бизнес функции	15	20		
	Внешняя и внутренняя среда бизнеса	10	10		
Поддерживающий		45	60	5	10
	Математика	10	10		
	Статистика	15	20		
	Информационные технологии	20	30	5	
Организационный и коммуникационный		15	25		
	Навыки самообучения	10	15		
	Презентации	5	10		
Специализированный		15	25	20	50
	Логистика	15	25	20	
Переносимый		45	60	30	40
	Проект	10	20		5
	Бизнес игры	5	10		5
	Квалификационная работа	30	30	30	30
		180	240	60	120
Колебания по уровням		180 -240		60-120	

- Программы первой ступени - от 180 до 240 кредитов.
- Программы магистерского уровня – от 90 до 120 кредитов.
- Количество кредитов в годовой программе - не более 60.

Вышеприведенная модель сформирована на основе согласия, достигнутого рабочей группой по данному направлению, участников проекта - «Настройка образовательных структур», относительно модулей, составляющих программу по бизнесу и специальных компетенций, формируемых в рамках курсов, ее составляющих.

В рамках этой модели была рассмотрена система компетенций по направлению «Бизнес-Менеджмент». Она приведена в таблице 3.

Кредитная система обеспечивает измеримость и сопоставимость результатов обучения в контексте различных типов квалификаций, программ и сред обучения, стандартный (принятый) инструмент сравнения программ. Кредиты обязательно должны быть привязаны к уровням, в этом случае они обеспечивают достоверную информацию относительно сложности и глубины курса. Кредиты сами по себе обладают только одним измерением – уровня нагрузки, но в Приложении к диплому, вкладыше, они могут дополнить другую информацию: о вузе, полученной степени, уровне, содержании, качестве работы выпускника (в виде оценок) и др.

Для того, чтобы придать системе кредитов реальный статус «валюты» и обеспечить адекватную работу системы, очень важно увязать кредиты с механизмами обеспечения качества и дать четкое определение критериев оценки результатов обучения.

Сайты по проблеме:

1. www.cqaie.org
2. www.chea.org
3. www.enga.net
4. www.qaa.ac.uk
5. www.inqaahe.nl
6. europa.eu.int/comm/education/higher.html
7. www.unesco.org
8. www.cepes.ro
9. www.ibe.unesco.org
10. www.ecju.org
11. www.unige.ch/eua/
12. www.engc.org.uk/ingenium/2/washington.html

Специальные компетенции в бизнесе и менеджменте

Таблица 2.

Модули	Область	Умения и навыки	Цели обучения	Примеры
<u>Расширяющие</u> знание (базовые)	Бизнес среда	анализ	Использование соответствующих инструментов	Анализ производства, анализ рынка, PEST
	Макро / микро экономическая среда	анализ и синтез	Определение воздействия макро и микроэкономических фактор на бизнес организации	Финансовые и валютные системы, внутренние рынки
		анализ	Определение составляющих характеристик организации	Цели, задачи, формы собственности, размер, структура
		анализ	Определение офер функционирования организации	Закупки, производство, логистика, маркетинг, финансы, человеческие ресурсы
		анализ и синтез, критическое мышление	Определение критериев оценки деятельности предприятия, связь результатов с анализом среды и определение перспектив	SWOT, Внешние и внутренние цепочки начисления стоимости
	критическое мышление, синтез	Извлечение уроков: определение новых направлений развития бизнеса в изменяющейся среде	Стратегии изменений, Стратегические альянсы и глобализация	
<u>Углубляющие</u> знание (вертикальные)	Бизнес организация	анализ и синтез	Понимание деталей функционирования бизнеса, типов предприятий, географических особенностей, размеров, секторов, связь деталей с базовым знанием	Логистика и т.д., ТНК, АСЕАН, АТЭС, НАФТА и т.д., Малый и средний бизнес, Автомобильная и другие виды промышленности
		анализ и синтез, критическое мышление	Определение связанных вопросов и их воздействия на организацию	Деловая этика, особенности управления в разных культурах
		анализ и синтез, критическое мышление	Управление компанией (инструменты и концепции),	Формирование стратегии и ее реализация, установление контрольных точек, контроль качества, и т.д.
			Планирование и контроль	
<u>Углубляющие</u> знание (горизонтальные)	Бизнес право	анализ и синтез, критическое мышление	Понимание принципов права и связи с бизнесом / менеджментом	Конкурентное право, права интеллектуальной собственности
	Бизнес инженерия	анализ и синтез, критическое мышление	Понимание принципов инженерии и связи с управлением	Управление производством, информационные технологии

Модули	Область	Умения и навыки	Цели обучения	Примеры (ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАБЛИЦЫ)
<u>Углубляющие</u> знание (диверсифицирующие)	Этика	анализ и синтез, критическое мышление	Понимание принципов этики и их смысла для организации бизнеса, разработки сценариев	Использование человеческих ресурсов, окружающей среды
	Психология	анализ и синтез, критическое мышление	Понимание принципов этики и их сути для организации бизнеса, разработки сценариев	Работа в группах, командах, исследования поведения
<u>Раскрывающие</u> знание (поддерживающие)	Математика / статистика	анализ и синтез	Определение и использование приемлемых инструментов	Исследования рынка, коэффициенты и соотношения
	Информационные технологии	анализ и синтез	Определение и использование приемлемых программных продуктов, дизайн информационных систем	Базы данных
	Бухгалтерский учет	анализ и синтез	Понимание и ведение бухгалтерии и финансовых систем	Счет прибылей и убытков, балансовые счета
	Технология	анализ и синтез	Понимание технологии и их развития для новых и будущих рынков	Бизнес в инженерии
<u>Раскрывающие</u> знание и коммуникация)	Любая предметная область	мягкие умения		Риторика, презентации, работа в группах
	Иностранные языки	жестко структурированные и мягкие умения	Понимание структуры иностранного языка, словарный запас, Понимание, чтение, письменная и устная речь на иностранном языке	Работа на английском языке как иностранном
Перенос знания	Проект	анализ, синтез, навыки, критическое мышление	Анализ проблем предприятия и разработка решения	Вход на новый рынок
	Стажировка	анализ, синтез, навыки, критическое мышление	Конкретное задание (любой тип организации – в зависимости от целей соответствующей программы)	Практический опыт на предприятии (20 недель зарубежной стажировки)
	Диссертация	анализ, синтез, навыки, критическое мышление	Определение воздействия культурных особенностей на исследование рынка	Учет культурных особенностей при поведении опроса в конкретной стране

		Специальные компетенции в бизнесе и менеджменте			Таблица 3.
Модули	д	Умения и навыки	Цели обучения	Примеры	
Раскрывающие знание (базовые)	Бизнес среда	анализ	Использование соответствующих инструментов	Анализ производства, анализ рынка, PEST	
	Макро / микро экономическая среда	анализ и синтез	Определение воздействия макро и микроскопических фактор на бизнес	Финансовые и валютные системы, внутренние рынки	
	Бизнес организации	анализ	Определение составляющих характеристик организации	Цели, задачи, формы собственности, размер, структура	
		анализ	Определение сфер функционирования организации	Закупки, производство, логистика, маркетинг, финансы, человеческие ресурсы	
		анализ и синтез, критическое мышление	Определение критериев оценки деятельности предприятия, связь результатов с анализом среды и определение перспектив	SWOT, Внешние и внутренние цепочки начисления стоимости	
		критическое мышление, синтез	Извлечение уроков: определение новых направлений развития бизнеса в изменяющейся среде	Стратегии изменений, Стратегические альянсы и глобализация	
Углубляющие знание (вертикальные)	Бизнес организации	анализ и синтез	Понимание деталей функционирования бизнеса, типов предприятий, географических особенностей, размеров, секторов, связь деталей с базовым знанием	Логистика и т.д., ТНК, АСЕАН, АТЭС, НАФТА и т.д., Малый и средний бизнес, Автомобильная и другие виды промышленности	
		анализ и синтез, критическое мышление	Определение связанных вопросов и их воздействия на организацию	Деловая этика, особенности управления в разных культурах	
		анализ и синтез, критическое мышление	Управление компанией (инструменты и концепции), Планирование и контроль	Формирование стратегии и ее реализация, установление контрольных точек, контроль качества, и т.д.	
Углубляющие знание (горизонтальные)	Бизнес и право	анализ и синтез, критическое мышление	Понимание принципов права и связи с бизнесом / менеджментом	Конкурентное право, права интеллектуальной собственности	
	Бизнес инженерия	анализ и синтез, критическое мышление	Понимание принципов инженерии и связи с управлением	Управление производством, информационные технологии	
Модули	Область	Умения и навыки	Цели обучения	Примеры (ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАБЛИЦЫ)	
Углубляющие знание (диверсифицирующие)	Этика	анализ и синтез, критическое мышление	Понимание принципов этики и их смысла для организации бизнеса, разработки сценариев	Использование человеческих ресурсов, окружающей среды	
	Психология	анализ и синтез, критическое мышление	Понимание принципов этики и их сути для организации бизнеса, разработки сценариев	Работа в группах, командах, исследования поведения	
Раскрывающие знание (поддерживающие)	Математика / статистика	анализ и синтез	Определение и использование приемлемых инструментов	Исследования рынка, коэффициенты и соотношения	
	Информационные технологии	анализ и синтез	Определение и использование приемлемых программных продуктов, дизайн информационных систем	Базы данных	
	Бухгалтерский учет	анализ и синтез	Понимание и ведение бухгалтерии и финансовых систем	Счет прибыли и убытков, балансовые счета	
	Технология	анализ и синтез	Понимание технологии и их развития для новых и будущих рынков	Бизнес в инженерии	
Раскрывающие знание (организация и коммуникация)	Любая предметная область	мягкие умения		Риторика, презентации, работа в группах	
	Иностранные языки	жестко структурированные и мягкие умения	Понимание структуры иностранного языка, словарный запас, Понимание, чтение, письменная и устная речь на иностранном языке	Работа на английском языке как иностранном	
Перенос знания	Проект	анализ, синтез, мягкие навыки, критическое мышление	Анализ проблем предприятия и разработка решения	Вход на новый рынок	
	Стажировка	анализ, синтез, мягкие навыки, критическое мышление	Конкретное задание (любой тип организации – в зависимости от целей соответствующей программы)	Практический опыт на предприятии (20 недель зарубежной стажировки)	
	Диссертация	анализ, синтез, мягкие навыки, критическое мышление	Определение воздействия культурных особенностей на исследование рынка	Учет культурных особенностей при поведении опроса в конкретной стране	

Экономика знаний

(Тезисы доклада)

Ülo KESS,

DSc, Евроуниверситет (Таллинн)

Экономика знаний рассматривается в следующей теоретической структуре: модели знания, индустрия знаний, экономика знаний, стратегия знаний, общество знаний.

Модели. Знание есть информация вместе со смыслом, опытом, контекстом, интерпретацией и представлением. Разделяем человеческое и формальное знание. Модель знания есть формализованное представление класса объектов знания (Кесс 1986).

Индустрия знаний включает:

- предпринимательство, опирающееся на продукты знаний,
- организации, которые создают, формализуют, передают, сохраняют, трансформируют и осваивают знания.

Предприятия индустрии знаний могут быть экономически высокоэффективными.

Экономика знаний. Переход от материальной экономики к экономике знаний есть основная тенденция развития мировой экономики. Если основой материальной экономики являются материальные и финансовые средства, то основой экономики знаний являются знания в их ценностном выражении – нематериальные средства. Ценностные оценки и метрика знаний находятся в центре проблематики экономики знаний.

Рыночная ценность предприятия составляется из финансового и интеллектуального капитала. Интеллектуальный капитал организации состоит из человеческого капитала и структурного капитала. Структурный капитал охватывает организационный и рыночный капитал предприятия.

Для предприятий знаний весомость интеллектуального капитала составляет значительную и определяющую часть ценности предприятия.

Стратегия знаний. Для предприятий, ориентированных на продукты знаний, стратегия развития опирается на теорию управления знаниями. Система управления формальными знаниями предприятия собирает, систематизирует, анализирует, синтезирует и распределяет знания на предприятии. Работники знаний, персонал предприятия знаний содержит в себе интеллектуальный потенциал предприятия. Система управления знаниями использует технологии знаний, в том числе технологические системы формализованных знаний.

Практические примеры государственных стратегий знаний:

- Лиссабонская стратегия Евросоюза
- Государственная стратегия знаний Эстонии.

Общество знаний. Рассматриваем переход общества из информационного общества в общество знаний (World Bank, 2006). Описывается модель знаний как целевая модель стратегий развития наций.

Центральной проблемой этого перехода является свобода знаний: свободный доступ каждого к глобальным хранилищам знаний.

Источники

Baldwin, C.Y., Clark, K.B. 2005. Design and Design Architecture: The Missing Link between “Knowledge” and the “Economy”. Harvard Business School.

Edvinsson, L. 2003. Ettevõtluse pikkuskraadid. Avastusretk teadmusmajandusse.

Кесс, Ю.Ю. 1986. Анализ и синтез фреймовых моделей АСУ. Москва, Энергоатомиздат.

Where is the Wealth of Nations? World Bank, 2006.

Управление знаниями как модель управления XXI века

Александр АПОЛИНСКИ,

МВА, эксперт Инновационного управления (Таллинн)

(Тезисы доклада)

Формирование венчурных сетей как стратегическое направление развития инновационного бизнеса

Повышение эффективности национальной экономики, обеспечение конкурентоспособности стран в долгосрочной перспективе, решение региональных социально-экономических проблем, завоевание новых рынков, получение прибыли за счёт более высокой окупаемости вложений не возможно без развития инновационного бизнеса.

Изменения во внешней среде функционирования предприятий, связанные с ускорением научно-технического прогресса, индивидуализацией потребительского спроса, неустойчивой ценовой ситуацией на мировых рынках сырья и топлива и, в связи с этим, с необходимостью проникновения в новые сферы деятельности, предопределили развитие новой формы организации НИОКР - предпринимательских сетей "высокой технологии". Они объединяют крупную производственную компанию, фирмы венчурного капитала и малые инновационные предприятия, занимающиеся разработкой и внедрением новых технологий в области микроэлектроники, биоэнергетики, информатики и других направлениях.

Венчурные сети обеспечивают централизацию инновационных проектов, доведение их до практической реализации и полное финансирование, укрепление позиций предприятий на рынке за счёт диверсификации риска между субъектами структуры и компенсации убытков одних партнеров за счет прибыли других, а также доступ к зарубежным достижениям передовой технологии в случае международной интеграции.

Формирование сетей "высоких технологий" может происходить за счёт внедрения в крупные производственные предприятия матричных организационных структур в виде проектных и научно-исследовательских групп. Целью их создания является укрепление позиций основного производства, поддержание его эффективности, продление жизни материнского предприятия, а также коррекция концепций его развития.

Если же крупная компания ставит задачу освоения принципиально новых продуктов, проникновения в новые области деятельности, то в венчурные сети привлекаются малые предприятия со стороны, которые самостоятельно занимаются как разработкой проектов, так и внедрением их на рынок.

Подобные венчурные структуры обладают большой устойчивостью и минимизируют риски крупного предприятия, связанные с непредсказуемостью результатов НИОКР. Наиболее характерными способами практической реализации сетей "высоких технологий" являются:

1) корпорационные венчуры, для которых характерно два способа формирования: "spin offs" и "spin outs"; 2) внутренняя приватизация (management buy-outs); 3) внешняя приватизация (management buy-in).

Процесс финансирования деятельности венчуров складывается из нескольких стадий в соответствии с этапами реализации научно-технического проекта и фазами жизненного цикла предприятий. Размер финансирования при этом может колебаться от 1 млн. до 100

млн. долларов. Специалисты считают, что преобладающее значение имеет не столько сам механизм инвестирования в проекты и разработки, сколько обеспечение квалифицированного исследования перспектив новой продукции, технологий или стратегий управления.

Движущим мотивом образования предпринимательских сетей "высоких технологий" служит, как правило, не только потребность инновационных предприятий в финансовых средствах, но и необходимость распределения риска деятельности. Поэтому взаимоотношения в венчурных сетях строятся на основе договоров, которые регламентируют пропорциональное распределение, как доходов, так и убытков венчура.

Можно выделить пять основных видов контрактов о венчурном финансировании между малыми предприятиями и крупным:

- 1) договор о разделении риска (sharing agreement), определяющий позицию каждой из сторон по отношению к фактору риска;
- 2) соглашение о распределении прибыли (earnout agreement);
- 3) соглашение, содержащее требования к управленческим и производственным результатам функционирования венчурной сети (performance requirement);
- 4) соглашение о будущем финансировании малых предприятий (future financing), согласно которому стороны договариваются о финансировании инвестором первого этапа роста венчура, при этом за ним сохраняется право отказа от последующего финансирования;
- 5) соглашение, содержащее условия возможного выкупа крупным предприятием малого.

Создание венчурных сетей на основе эффективного партнерства малых, крупных предприятий и финансовых институтов - это основное направление реализации научно-технических программ в нашей стране. Оно позволит осуществлять прямое финансирование научных разработок, будет способствовать смягчению противоречия между необходимостью кардинального обновления научно-производственной основы почти всех отраслей народного хозяйства и невостребованностью колоссального научного потенциала российских ученых, а также даст возможность предприятиям укрепить свои позиции на рынке.

"Человек - не машина"

Елена МАТВЕЕВА,

доцент, заведующая кафедрой общей и прикладной психологии
Социально-гуманитарного института (Таллинн)

Эта фраза часто используется, когда хотят подчеркнуть ограниченность человеческих как физических, так и умственных способностей. ПСИХОЛОГИ ВНОСЯТ СВОЙ СМЫСЛ В ЭТУ ФРАЗУ. В психологии эти слова подчеркивают также и душевное несовершенство человека, подвергая сомнению его единственное преимущество перед машиной. Этим сомнительным преимуществом являются чувства и эмоции. Одной из проблем, связанных с психическим здоровьем, как раз и является проблема "заболевания эмоций" - формирование феномена эмоционального выгорания. Среди профессий, в которых СЭВ (синдром эмоционального выгорания) встречается наиболее часто (от 30 до 90% работающих), следует отметить врачей, учителей, психологов, социальных работников, спасателей, работников правоохранительных органов, менеджеров среднего звена. В настоящее время большинство психологов выделяют **три ключевых признака** этого синдрома:

предельное истощение,

чувство личностной отстраненности от клиентов (пациентов, учеников) и от работы,
ощущение неэффективности и недостаточности своих достижений.

Медики постоянно испытывают состояние стресса в связи с негативными психическими переживаниями, интенсивными межличностными взаимодействиями, напряженностью и сложностью труда. А в результате постепенно формирующегося СЭВ возникают психическая и физическая усталость, безразличие к работе, снижается качество оказания медицинской помощи, порождается негативное и даже циничное отношение к пациентам. В отношении к больным преобладает критичность одновременно с рассудочностью (преобладание когнитивной сферы). Эмоциональное выгорание в большей мере присуще медикам, чей стаж работы составляет менее 10 лет и более 15 лет. В целом следует выделить явление своеобразной «экономии эмоций» за счет ограниченного «интеллектуального реагирования» с пациентом. Стаж работы также является фактором, влияющим на уровень эмоционального выгорания врачей. Наиболее подвержены эмоциональному выгоранию медицинские работники, чей стаж находится в пределах 6-10 лет. Врачи, стаж которых составляет 10-15 лет, более адаптированы и являются толерантными к воздействию стрессогенных факторов, вызывающих эмоциональное истощение. Для врачей, работающих в медицине более 15 лет, корреляционных зависимостей не выявлено. Они менее подвержены эмоциональному заражению в ситуации стрессогенного взаимодействия с больным, обладают набором качеств, необходимых для профессионального врача.

Психологи доказали, что существует личностная предрасположенность к формированию этого феномена. Некое несовершенство характера или отдельные уродливые черточки в характере, которые могут помешать профессиональному и психическому благополучию.

Оценка **склонности к психическому выгоранию** имеет большое значение для анализа профессионального становления личности, а также для планирования карьеры представителей социальных профессий. Требования со стороны общества к людям, профессия которых связана с тесным общением и интенсивным контактом с клиентами, пациентами в эмоциональной атмосфере возрастают с каждым днем. Изменения стиля

общения и поведения **в бизнесе**, общее ускорение темпа жизни и увеличение потока информации, новые требования, предъявляемые к работникам, высокий уровень конкуренции, интенсификация труда, постоянные физические и психологические нагрузки, зачастую осложненные напряженными эмоциональными контактами-все эти факторы отрицательно сказываются на психическом здоровье деловой личности и могут привести к тяжелым последствиям, в частности к эмоциональному выгоранию.

В последних психологических исследованиях установлена статистически значимая связь между уровнем эмоционального выгорания и такими чертами характера, как :

тревожность,

фрустрация,

агрессивность,

ригидность.

Иными словами, наиболее предрасположены к выгоранию **тревожные и травмированные, агрессивные и директивные личности.** А также этому подвержены **негибкие**, как в общении, так и в мышлении личности.

Предметом исследования стали также и гендерные различия. После выявления связи между эмоциональным выгоранием и такими социальными факторами, как **стресс и неудовлетворенность жизнью,** было обнаружено, что для женщин эти факторы более значимы, чем для мужчин. Так в женской группе **неудовлетворенные жизненные потребности** являются чуть ли не основными в формировании эмоционального выгорания. Несмотря на то, что многие исследования утверждают, что для мужчин характерен более высокий уровень эмоционального выгорания, мужчины более независимы к влиянию этих социальных факторов.

Мужчины прибегают к таким личностным защитным стратегиям, как **интеллектуализация.** Именно интеллектуализация является главным действующим адаптационным механизмом, снижающим уровень эмоционального сгорания.

Выявление личностных и социально-психологических факторов, влияющих на выгорание работников, позволяет составить программы профилактики эмоционального выгорания, что положительно отразится как на психическом здоровье работников, так и на успешности организаций.

Развитие экстремального туризма в Эстонии

Виктор БОЙКОВ,

профессор Эстоно-Американской бизнес-академии

Леена КАРМА,

выпускница Эстоно-Американской бизнес-академии 2006 года

В XXI веке туризм выступает в роли типичного малого бизнеса с характерными для него высокой эффективностью и актуальностью. Спрос на туристические услуги во всем мире неуклонно растет. Развитие этого вида бизнеса позволяет превратить туризм в одну из важнейших отраслей национальной экономики.

Страны, занимающиеся туристическим бизнесом, проходят четыре фазы развития туризма. Выделяются:

1. Страны начальной фазы (отдельные туристы).
2. Приспосабливающиеся страны (первые общегосударственные методы, которые содействуют туризму, благоприятствующая туризму экономическая политика, возникновение туристических фирм).
3. Страны фазы развития (создание и налаживание обширной государственной и местной способствующей туризму инфраструктуры, начало массового туризма).
4. Страны фазы зрелости – стагнации (завершение формирования инфраструктуры туризма, стабильный объем туризма).

В XXI веке для расширения рынка туризма Эстонии в целях увеличения получения от него прибыли необходимо:

1. Связать развитие различных видов туризма, использование потенциала того или иного района Эстонии с общей программой маркетинга (маркетинг является неизбежным аспектом управления туризмом).
2. Распределить настоящий и потенциальный рынки на основе имеющих смысл характеристик.
3. Сегментировать рынок туризма и разработать комплекс маркетинга.
4. Выделить сегменты по географическому, демографическому, психографическому принципу и определить главный целевой рынок для туристических фирм.

В мире кроме рекреационного туризма все большую популярность приобретают и другие его виды, в том числе и экстремальный туризм.

Экстремальный туризм можно разделить на два направления: активный отдых, включающий в себя элементы экстрима, который рассчитан на массового потребителя и экстремальный туризм, который в свою очередь рассчитан на ограниченный круг людей. Активного вида отдыха, который включает в себя элементы экстрима, существует большое многообразие: пешеходные, велосипедные походы, походы на лодках, каноэ, морских байдарках, парусный спорт, охота, рыбалка, конный спорт, теннис, гольф, горнолыжный спорт и многое другое.

Основные виды экстремального туризма:

- 1) водные виды (дайвинг, вейкбординг, водные лыжи, виндсерфинг, сплав по рекам);
- 2) наземные виды (велосипедный спорт, спелеология, автомобильный спорт);
- 3) горные виды (альпинизм, горные лыжи и сноуборд, фристайл);
- 4) воздушные виды (парашютный спорт, дельтапланеризм, полёты на воздушных шарах);
- 5) экзотические виды (космический, джайло-туризм, туризм на Северный и Южный полюсы).

Экстремальный туризм переживает «бум», привлекает в свои ряды все больше поклонников. Известно, что сторонники экстрима постоянно ищут новые места времяпровождения. Экстремальный туризм подразумевает специальную подготовку или наличие специального оборудования. Многие виды экстремального туризма нуждаются в длительной подготовке. К некоторым видам такого активного отдыха нельзя допускать людей не подготовленных, для их же безопасности.

Экстремальный туризм тесно граничит со спортом. Многие виды этого отдыха являются профессиональным спортом: парашютный, водный, автомобильный и другие.

Виды экстремального туризма в Эстонии по регионам.

Регион Северной Эстонии.

В этом регионе на 2006-ой год зарегистрировано следующее количество туристических предприятий, которые предоставляют туристам активный отдых с элементами экстрима.

Таблица 1.

Наименования	Количество центров	Наименования	Количество центров
походы на морских байдарках	6	горнолыжный спорт	1
		походы на снегоходах	3
походы на каноэ	12	тропы приключений	16
ратфинг	6	катание на санях	17
парусный спорт	3	теннис	3
походы на лодках	11	стрельба из лука	11
рыбалка	16	пейнтбол	6
орнитологические наблюдения	15	пешеходные походы	29
		велосипедные походы	16
охота ныряние	6	конный спорт и конные походы	14
	5		
планеризм	2	катание на лыжах	21
походы на коньках	6	скалолазание	4

Источник: MTÜ Eesti Maaturism. Эстонский путеводитель. Отдых в деревне. 2005/2006.

В регионе особенно развиты парусный спорт и походы на байдарках в прибрежных водах. Эстония, благодаря множеству островов и изрезанной береговой линии, попадает в орбиту интересов многих иностранцев, выбирающих этот вид отдыха. В регионе протекают небольшие, но весьма полноводные реки, по которым устраивают походы на лодках, каноэ и ратфинг. Вдоль рек расположены туристические предприятия, предлагающие активный вид отдыха. В Северном регионе из всех видов активного отдыха больше всего зарегистрировано центров, которые устраивают пешие походы. Для того чтобы ближе познакомиться с нетронутой природой Эстонии, лучше всего пройти по специальным тропам для пеших прогулок. Проложенных во многих живописных местах, или по специальному маршруту в одном из природных заповедников. АО Маткаэкспорт устраивает походы разной продолжительности в лесах и болотах.

Последние пять лет скалолазание стало быстро развиваться в Эстонии. Известковое побережье Северной Эстонии – это идеальное место для скалолазания. В Ляэне-Вирумаа развит конный спорт. В регионе развиты походы на велосипедах, тропы пролегают вдоль побережья Финского залива, а также на юг Эстонии.

Регион Западной Эстонии.

В Западной Эстонии и на островах самые большие возможности заниматься активным туризмом с элементами экстрима на воде.

Количество туристических предприятий в Западной Эстонии, которые представляют услуги активного вида отдыха.

Таблица 2.

Наименования	Количество центров	Наименования	Количество центров
походы на морских байдарках	8	горнолыжный спорт	1
		походы на снегоходах	1
походы на каноэ	20	тропы приключений	10
ратфинг	6	катание на санях	14
парусный спорт	3	теннис	7
походы на лодках	44	стрельба из лука	10
рыбалка	41	пейнтбол	10
орнитологические наблюдения	29	пешеходные походы	44
		велосипедные походы	32
охота ныряние	14	конный спорт и конные походы	24
	3		
планеризм	2	катание на лыжах	12
походы на коньках	6	скалолазание	4
воздушные аттракционы	1	серфинг и кайтинг	1

Источник: MTÜ Eesti Maaturism. Эстонский путеводитель. Отдых в деревне. 2005/2006.

В регионе и на островах больше распространен водный вид активного отдыха. Походы на каноэ распространены по реке Пярну. Походы на морских байдарках преобладают на Западной и Юго-Восточной части острова Хийумаа и в Южной части Сааремаа.

Дом отдыха Паатсалу в Пярнумаа организывает походы на каноэ, лодках, ратфинг, подводную охоту, приключенческие водные походы «За пиратскими сокровищами» и парусный спорт. На Сааремаа и Хийумаа вдоль побережья расположены туристические предприятия, рядом с которыми находятся причалы для яхт. В регионе хорошо развиты пешеходные и конные походы. Вдоль береговой линии на Сааремаа и Хийумаа организованы маршруты для велосипедистов. Походы на коньках проходят по большей части в Пярнумаа по рекам и побережью. Также в этом регионе распространены походы на лыжах, катание на санях, сафари на снегоходах. Охотничьи угодья больше развиты в Пярнумаа, Ляэнемаа и на острове Сааремаа. Рыбалки проходят в Пярнумаа и в большей степени на островах Сааремаа и Хийумаа.

В целом этот регион обеспечивает проведение активных видов отдыха: развивается инфраструктура, строятся все больше гостиниц, привлекаются иностранные инвестиции. Благодаря этому туризм в регионе набирает все больше оборотов.

Регион Южной Эстонии.

В Южной Эстонии в связи с ее географическими возможностями хорошо развит горный вид активного туризма, водные походы на каное и лодках, рыбалка и охота, а также пешеходные походы и конный спорт.

Количество туристических предприятий в Южной Эстонии, которые предоставляют услуги активного вида отдыха.

Таблица 3.

Наименования	Количество центров	Наименования	Количество центров
походы на морских байдарках	18	горнолыжный спорт	17
		походы на снегоходах	15
походы на каное	33	тропы приключений	23
ратфинг	3	катание на санях	29
парусный спорт	5	теннис	15
походы на лодках	47	стрельба из лука	13
рыбалка	62	пейнтбол	10
орнитологические наблюдения	19	пешеходные походы	62
		велосипедные походы	44
охота	11	конный спорт и конные походы	26
ныряние	13		
планеризм	6	катание на лыжах	50
походы на коньках	8	курсы выживания	1

Источник: MTÜ Eesti Maaturism. Эстонский путеводитель. Отдых в деревне. 2005/2006.

Клуб приключенческих походов «Тонус Плусс» организывает походы на каное и лодках по рекам и озерам Южной Эстонии. Гостиница «Песа» в Пылвамаа предлагает летние походы на каное, лодках и байдарках по рекам Ахья и Выханду. Если взять Эстонию в целом, то в большей степени конный спорт развит на юге Эстонии в Отепя, Пылва и в Хаанья. Путешествие в Кыргызяэ в Пылвамаа предлагает походы с егерем по тропам зверей и птиц, конный и пеший походы по болоту. Энтомологические и орнитологические походы на побережье Чудского озера и озера Ламмиярв, а также по рекам Ахья и Выханду. В Южном регионе развит горный вид активного отдыха. Клуб «Сафари Кескус» в Валгамаа предлагает сафари по горной местности на моторных санях под руководством инструктора. В Отепя расположено много туристических предприятий, которые предлагают такие виды туристических услуг, как горнолыжный спорт, катание на лыжах, походы на коньках, гонки на снегоходах. Рыбалка больше развита в Валгамаа, Пылвамаа, Вырумаа, а также на озере Выртсярв. Охотничьи угодья расположены в Вильяндимаа и Пылвамаа. Пиузаские пещеры находятся в волости Орава. Пещеры образовались в результате работ по добыче песка для стеклозавода в 1922-1966 годах и представляют собой систему подземных переходов со сводчатыми потолками и столбами из песчаника.

В окрестностях пещер проложена 1,4 километровая тропа, помогающая ознакомить всех желающих с типичным для песчаных пустошей ландшафтом.

Конный спорт развит в Валгамаа, Вырумаа и Пылвамаа. Проблемным уездом в сфере туризма в Южной Эстонии является Йийгевамаа. Несмотря на то, что на Чудском озере можно развивать водный вид активного отдыха, этот район слабо развит в экономическом отношении.

Выводы.

В туризме Эстонии наблюдается тенденция роста. Все больше поступает иностранных инвестиций в нашу страну на развитие инфраструктуры, строительства (в частности, гостиниц) и туризма.

Экстремальный туризм в Эстонии становится все более популярным как среди зарубежных туристов, так и среди местного населения.

К сожалению, иностранных туристов, которые занимаются активными видами отдыха в Эстонии намного больше, чем местных. Такое заключение можно сделать исходя из статистических данных. Иностранцев привлекает в Эстонии хороший сервис, большие возможности заниматься активными видами отдыха и низкие цены для жителей Европы.

Для наших граждан цены пока относительно высоки. Стоимость выходного пакета с размещением, питанием и занятием активными видами отдыха составляет в среднем 4000 ЕЕК. В нашей стране не все граждане могут себе позволить такой отдых.

Рыбопромысловая и пищевая отрасли республики понесли частичные потери, в том числе из-за трудностей сбыта продукции на некогда привычном восточном рынке, животноводство и другие секторы сельского хозяйства тоже снизили былую активность, но экономические минусы частично компенсируются развитием международного туризма и связанных с ним отраслей, в частности, экстремальным туризмом. Экстремальный туризм находится в постоянном развитии. Все время появляются его новые виды и разновидности. Так относительно недавно появился космический туризм, и вполне возможно, что через 10-15 лет он будет более доступен, чем сейчас. А какие виды экстремального туризма появятся через 20-30 лет даже сложно представить.

Quality in higher education

Janne Parri,

MA, Haridus-ja Teadusministeeriumi järevalveosakonna peainspektor

Abstract

The main argument of this paper emanates from the understanding that “quality” is a highly contested concept and has multiple meanings for people who conceive higher education and quality differently. This paper also investigates various models of measuring quality in higher education, considers their value and discusses both their shortcomings and contributions to the assessment of higher education institutions.

Approaches to the concept of quality of higher education

Quality is a concept that lacks a common definition that could be applicable in all fields, for every phenomenon or any subject. The guiding principle is that the more complex, many-folded or abstract the object under quality measurement is, the more difficult it is to come up with a satisfactory definition. The reason why it is not possible to find the one and only definition for higher education in literature lies in the fact that higher education is one of these objects.

Relying on different authors we could divide the definitions of quality into the following categories: quality as special or unique, refinement, goal-compliance, worth the price and quality as changing and reshaping.

Quality as exceptionalism, excellence. This definition sets a goal for universities and academic communities to be always the best; belong to the elite and achieve better outcomes than the others.

In higher education it can include admitting the best school-leavers according to specific rankings as presumably the higher quality of input affects the higher quality of output.

This definition is very often keenly observed and stressed by educationalists and politicians when the quality of education is under discussion (European dimension of institutional quality management 2000). The particular definition does not set standards for quality measurement nor does it define exactly what is meant by quality. Quality is inevitable, irrefutable- a person recognizes quality instinctively (Harvey, Green, 1993). Traditionally quality is equalled to special. Just the same way as Rolls Royce is considered to be a ‘quality car’ because of its high standard parts, construction, etc, we could also view higher education institution (Lomas, 2002).

Quality as zero errors. This approach defines quality as consistent flawless outcome or perfection. In some ways this definition ‘democratizes’ the concept of quality and if consistency is achievable then anyone can achieve quality. When the prior definition focuses on getting a better position, then the current definition worships perfection. The above definition is easily applicable in industry as there are detailed standards set for the product or outcome, but when it comes to the university graduates, then it would be impossible to define what a flawless graduate should be, besides that it is not the aim of the university to produce identical graduates. Although the current approach is too idealistic for higher education, it still fosters the development of the learning environment to enhance quality.

Quality as fitness for purpose. This is the definition used most frequently regarding higher education. According to this concept, we have to decide to what extent the service or product meets the goals set. Such definition enables the institutions to define goals in the mission statements– the quality is assessed and presented through mission statement and goal achievement. This approach concentrates on the meeting of the needs of the customers of higher education, i.e. interest groups. This definition takes into consideration the differences of institutions instead of making them artificially resemble each other. The following definition is principally the same – “quality is defined through to what extent the set goals have been achieved”. Both definitions assume that fit and foremost the concept and goals of higher education are to be defined. When the moral and intellectual development of students, expansion of self-realisation opportunities, etc are considered to be of the utmost importance in higher education, then the focus in quality measurement should be on thorough analysis of the study process.

According to the above given definition, the product or service should meet the needs and wishes of the customer. At the same time the customer has to express his/her needs and wishes explicitly. The goals of higher education institution are presented on the general level in the mission statement and more concrete academic level in the programme objectives and expected learning outcomes. In other words, the institution says what it does, does what it promises and proves it to the third party (Scott, 1996). In higher education the quality of teaching is linked to the effectiveness and of efficiency teaching. Effectiveness is connected with the objectives of the course whereas efficiency is connected with the resources used in order to meet the objectives. Ritzer declares that the western society is characterised by the will to make things more rational, effective, to be able to predict and control. He introduces the term ‘macdonaldisation’ and states that institutions offering higher education are in no way different from other institutions offering services and that the customer expects to get the same standards, reliability and predicted quality from universities as they expect to get while buying a hamburger or making a bank transaction (Lomas, 2002). Scott (1996) claims that recent trend towards mass higher education in England proves that higher education is like any other ‘mass industry’. Westerheijden (1998) sees the understanding that in higher education ‘everything goes’ as long as the proper goal is found, the biggest pitfall of the goal-compliance approach. This is reason why it is important to add that quality is compliance with higher education goals. Another weakness that has been pointed out regarding this approach as been that while focusing on the measuring goal compliance, it can slip our mind to pay attention to whether the goal is relevant in the first place. This is the reason why first we should ask whether the goal is relevant; and only then start analysing to what extent it has been met.

Quality as transformation, reshaping. According to this point of view, the main customer of the higher education quality is a student whose understandings, attitudes and objectives change and evolve in the course of the study process. The better the graduate can manage in the future working life with the help of the knowledge, experience and skills acquired at the university, the more fully has the particular university met its goals. The process of transformation is described figuratively by Harvey (1995), who says that transformation in higher education could be compared with how water transforms into ice. There is a lot of subjectivity in such quality assessment. If it is not possible to measure, then it is not possible to improve. According to Newby (1999) it is problematic and difficult to measure intellectual capital that is the main outcome and output of higher education. The students are the focus of attention – the better the university, the better it can meet the goals that include equipping the students with special skills, knowledge and attitudes that enable them to work and live in the society of knowledge. It has been stressed that the views and aims of students change during the studies (Westerheijden, 1998). Under educational circumstances it means becoming better, empowerment and development of new knowledge. It means a qualitative change here transformation does not

apply to physical transformation but cognitive reshaping. Besides cognitive reshaping, higher education does not only influence the intellectual aptitude of students, but can also shape the I-picture, provide the individual with skills, equip with knowledge, change attitudes and fight prejudice (Tam, 2001). Similar terminologies describe transformation in the development of a student in higher education using terms like 'growth' and 'influence'. All those terms literally stress the importance of university that brings along positive change in students, both in the cognitive and non-cognitive dimension. The situation, where the institution offering higher education has such an influence on the student that he/she can sense positive difference in comparison with the prior period, could also be viewed as transformation. The most outstanding institutions are those that have the biggest impact on the knowledge and personal development of students (Tam, 2001).

Quality as threshold. Specific standards and norms are defined, a threshold is set that the institution should cross in order to certify that the instruction meets the quality standards. Standards help to rationalise the definition of quality, make it more objective. The weakness of the above described approach is that standards are difficult to apply under rapidly changing circumstances. Standards outdate as the reality changes more quickly than the standards are changed. Nevertheless most European countries apply minimum standards that ensure the level of quality below what no institution offering higher education should not go. Minimum standards also allow comparability in higher education system. Minimum standards are often briefly defined: only the general definition of the expected knowledge, skills and attitudes of graduates is provided. These ensure the particular minimum quality of higher education and curricula comparability. At the same time it is assumed that all university units or curricula exceed minimum standards, adding the goals and increasing quality through meeting these goals (Westerheijden, 1998).

Quality as enhancement. This viewpoint focuses on the constant development and raise of quality that is primarily the task of the academic personnel. The given concept stresses academic freedom and autonomy of university in quality insurance.

Quality as value for money. It is a populist approach that equalizes quality and value, especially value for money (Harvey, Green, 1993). Statements "quality for reasonable price" and "quality at affordable price" mean that you are promised a high quality product at a reduced price. This is an opposite to the blind faith of the perfect competition market that states that "you get what you pay for". The essence of this approach lies in the responsibility aspect of quality assurance. State funded universities are expected to hold responsible towards financiers and clients. It is thought that the key of increase in cost-effectiveness is in increased competition between universities both for financing and students. Despite considerable drawbacks of this theory several governments strengthened the bond between the quality of education and its monetary value mainly through demands for efficiency (Harvey, Green, 1993).

The essence of quality assurance in higher education

According to Wahlen (1998) quality assurance in higher education is the activity that aims at maintaining and raising quality, e.g. research, analysis, assessing acceptability, recruitment, appointment procedures and different mechanisms and systems. The aim of the quality assurance in higher education is to guarantee the improvement of standards and quality in higher education in order to make higher education meet the needs of students, employers and financiers (Lomas, 2002).

Quality assurance could be divided into internal and external quality assurance according to the customers of education and their opportunities.

External quality assurance. External quality assurance monitoring is a broad concept that includes several quality related assessments provided by different bodies or individuals outside the higher education institutions. The aim is to achieve accountability. The systems of external quality assurance of higher education institutions are usually decided upon by the government institutions. (Westerheijden, 1998). External quality assurance is necessary in order to prove to the public that the goals set by the institution will be achieved. Higher education institutions bear responsibility to assure their supporters, state and society in general that they are committed to the fulfilment of their mission, use the resources honestly and responsibility and that they meet the legal expectations (El-Khawas, 1998).

Internal or institutional quality assurance. Internal or institutional quality assurance aims at institutional development and assessment of internal accountability. Institutional quality assurance incorporates every institutional activity that focuses on quality insurance and development in all the fields of activity of the institution (European dimension of institutional quality management, 2000). Internal quality assurance concentrates mainly on academic issues and lies in collecting evidence and information about mission fulfilment, efficiency of activity and ways of insuring quality within the institution (El-Khawas, 1998).

Quality assurance systems are classified according to the aims and in this context we can speak about the so-called “As of quality” and “Es of quality”:

As of quality are *assurance, accountability, audit* and *assessment*. It is strongly connected with control – it refers to quality control. Quality assurance mechanisms are imposed by university administration or state and they concentrate on insuring the minimum (often not defined) level of instruction and courses.

Es of quality include *empowerment, enthusiasm, expertise* and *excellence* of the staff. These aspects characterise the raising of quality (McKay, Kember, 1999).

Quality assurance in Higher Education

Quality assurance is often presented as a technical issue that involves terms and procedures from handbooks. According to Harvey (1999) quality assurance is based on three main principles: control, accountability and improvement.

- *Accountability* usually requires meeting the preferences of politicians, outside parties and financiers.
- *Control* means that the institution does not merely control the expenditure of resources but also shows how high quality is achievable with the existing resources. It raises the issue of the definition of “good value”.
- *Improvement* is probably the most widely spread aim of quality assurance. It enables the institution to get necessary input, refine the process and raise the standards of output in order to meet the goals set.

Different approaches to higher education and quality and different systems have resulted in developing a quality monitoring system that caters for the needs of various models and levels. This system highlights the emphases and priorities.

Quality assessment in higher education

At the first sight the whole topic of quality assessment could be concluded in the following way: define what quality is, set assessment standards, compare the latter with the real outcome and decide to what extent the standards are met. This approach to the external quality assessment anticipates three prerequisites: quality is definable, education level index and quality are interrelated and quantitative measurement and assessment of quality is possible. Herson (2002) states that quality assessment should meet the needs of people who benefit from this as one of the aims of the assessment should be the improvement of activity within the institution under assessment. The result that includes the quality of service, customer satisfaction outcome assessment should be related to the planning process. Quality assessment should give answers to “the general public: both to those who have the credentials to assess as well as to those who are affected by the assessment”. But what does quality assessment entail? It entails assessing quality that has been created by the institution. Quality assessment includes assessing to what extent the activity meets the criteria (both external and internal). Here the problem can be that quality assessment tends to be mission sensitive (Herson, 2002).

A topical issue is the impact of quality assessment. If quality assessment does not have any impact then there is no point in carrying it out. It is assumed quite intuitively that assessors assess, decision-makers are well-informed and therefore make fairer decisions as the result of assessment. It is not necessarily like that. The assessment results could deserve no attention, their importance could be diminished, they can get lost in the organisation; they can be used inappropriately or unwisely. Besides that the impact of assessment could be noticed or perceived differently on the various levels of higher education.

The impact of assessment is a deceptive concept and at first this issue can create two simplified notions that bring along activity. We can compare the development of 2 units where one of them underwent assessment and the other did not to see whether they have developed differently. Another option is to compare the situation within the unit before and after assessment in order to trace the development due to assessment (Rossi, Freeman, 1989). Unfortunately higher education could not be examined in “laboratory conditions” that could allow to research the impact of assessment separately leaving aside all other interfering factors. Therefore such simplified approach does not work.

Quality audit of higher education investigates whether the process of activity is efficient (whether the goals are achievable). In other words, quality audit means checking whether relevant systems and structures within organisation support the goal of instruction. Quality audit can be internal as well as external. Quality audit checks whether university systems function and whether documents prove that (Herson, 2002).

Accreditation of higher education is often delegated by the government to specially formed assessment agencies (e.g. Higher Education Accreditation Centre in Estonia) as it is also common in accreditation of curricula (especially for specific specialties) American voluntary accreditation system that has its roots in the US market system is unique and hardly applicable in education systems of different market systems and in other countries (Eastern Europe, South America) where rapid increase of private education sector can be observed. In such situations a central (government led, controlled, supported) body is created to monitor that the private offer meets the minimum standards. The closer the central body is to the higher education sector, the more successful the procedures are and improvement happens; especially in these cases where the assessment agency is seen as independent of government as well as universities (like in Sweden, for example). When the assessment agency tries to impose itself on the sector or influence it– reluctance is expressed and trust in the process diminishes (like it happened in

Britain). Generally speaking, together with the development and improvement of agencies, they start to focus their attention on activities that stress improvement (instead of responsibility) that in its turn bring along more influence from the side of politicians who would like the agency to maintain or develop “their teeth” (Harvey, 2002). In case of accreditation one can pose a question “Are we good enough to deserve approval”. Accreditation is a form of assessment that defines the status of the higher education institution.

Quality control is a system that checks whether the produced product or offered service meets the set standards. Quality is checked usually at the end of the production procedure and it is administered by somebody from outside the institution. This approach in higher education results in the problem that the institution is checked and the fact that everybody who is working for the institution holds responsible for the quality of the institution (Harvey, 2002)

References

El-Khawas, E. (1998). Accreditation's role in Quality Assurance in the United States. *Higher Education Management*, Vol 10, No 3.

Harvey, L., Green, D. (1993). *Defining Quality. Assessment and Evaluation in Higher Education*, Vol 18.

Harvey, L. (1995). Editorial, *Quality in Higher Education*, Vol 1.

Harvey, L. (1999). An Assessment of Past and Current Approaches to Quality in Higher Education. *Australian Journal of Education*, Vol 43, No 3.

Harvey, L. (2002). Evaluation for What? *Teaching in Higher Education*, Vol 7, No 3.

Hernon, P. (2002). Quality: new directions in the research. *Journal of Academic Librarianship*, Vol 28, Issue 4.

Institutsionaalse kvaliteedijuhtimise Euroopa dimension. Euroopa Ülikool – strateegilise juhtimise, kvaliteedijuhtimise, Euroopa strateegia ja akadeemilise tunnustamise institutsionaalse lähenemise käsiraamat. (2000). Koostanud Campell, C.; Kanaan, S., Kehn, B.; Mockiene, B.; Westerheijden, D. ja Williams, R. EC/Phare/ETF.

Lomas, L. (2002). Does the Development of Mass Education Necessarily Mean the End of Quality. *Quality in Higher Education*, Vol 8, No 1.

McKay, J., Kember, D. (1999). Quality assurance systems and educational development: part 1 – the limitations of quality control. *Quality Assurance in Education*. Vol 7, No 1.

Rossi, P., Freeman, H., (1989). *Evaluation: A Systematic Approach*, 4th edn (London, Sage).

Scott, C., Burns, A., Cooney, G. (1996). Reasons for Discontinuing Study: The Case of Mature Age Female Students with Children. *Higher Education*, Vol 31.

Tam, M. (2001). Measuring Quality and Performance in Higher Education. *Quality in Higher Education*, Vol 7, No 1.

Wahlen, S. (1998). Is there a Scandinavian Model of Education of higher Education? *Higher Education Management* Vol 10, No 3.

Westerheijden, D., Kristoffersen, D., Sursoc, A. (1998). Kõrghariduse kvaliteedikindlustus. Kvaliteedikindlustuse juhend: Metoodika ja praktika. EC/Phare/ETF.

Summery

Majority of approaches towards quality in higher education described in the paper are represented in all higher education systems but as the systems are different in different countries, one can observe variations that are mainly connected with emphases. When in some countries the emphasis is on quality as constant and continuous development, then other countries focus more on setting the minimum standards. We should also bear in mind that quality in higher education is affected by tightly interrelated factors and in order to give potentially the most adequate assessment to quality, one has to research as many factors as possible and necessary.